ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

ГЕНИЙ ПОДЗЕМКИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Не только белые пятна на карте таят интригующие тайны и нежданные опасности, и не только в заброшенном средневековом монастыре, но и в привычном московском метро можно повстречаться с неизведанным. Да и простые случайности, скажем, найденная во время рыбалки SIM-карта или пылящийся на рыночном лотке странный смартфон, способны радикально изменить судьбу самого обыкновенного человека. А уж если в дело вмешиваются могущественные кольца – артефакты из прошлого или порождения современной науки – человеку остается только повиноваться судьбе. Или все-таки правда, что многое зависит от него самого?

- Владимир Васильев
  -
  - Монастырь Эстебан Бланкес
  - Скромный гений подземки
    - Часть первая, почти не фантастическая
    - Часть вторая, почти не реалистическая
  - Небо-ТФ
  - Силуминовая соната
  - Нищие на пороге рая
  - Пелена
  - Садовая, 7
  - Забытая дорога
  - Ущелье Горного Духа
    - Часть 1
    - Часть 2
  - Жесты
  - Средство от одиночества

Владимир Васильев
Гений подземки

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Монастырь Эстебан Бланкес

Не могу сказать, что ранее я никогда не слыхал об этом монастыре. Во всяком случае, название тихо дремало у меня где-то на задворках памяти. Но я точно знал, что прежде никогда не видел этих стен, хотя исходил Картахену вдоль и поперек еще в юношеском возрасте.

Моя профессия обязывает знать все. Тем более – город.

Но все же я с удивлением отметил, что нахожусь здесь впервые.

Дальнее предместье, сущая глушь. Косая лощина меж двух холмов – кому пришло в голову строить монастырь в лощине? Обычно подобные постройки возводятся на вершинах холмов, на пригорках. На возвышениях, одним словом.

Еще тогда я подумал, что это необычный монастырь.

Он был отделен от города большим, похожим на гигантский лишай, пустырем. Пыльные куры рылись в кучах мусора, на кур охотились жирные черные крысы. На крыс – худые бродячие коты. На котов – стаи облезлых псов, злющих и трусливых одновременно. Я не удивлюсь, если местные жители скажут мне, что у них пропадают младенцы из хижин.

По-моему, это не просто псы. Не просто бродячие собаки. Это – гнусные твари, отпрыски отвратительных волко-собачьих свадеб. Они не сторонятся людей, как настоящие волки. И страшны в стае, как бывают страшны только обладатели серых шкур и ненасытных глоток.

Я машинально потрогал перевязь с метательными ножами под легким летним плащом. От стаи, пожалуй, в одиночку не отбиться. Может быть, вот она – разгадка? И монастырь тут, собственно, ни при чем. Стая. Их просто растерзала местная стая. Позабыв ненадолго о страхе перед человеком.

Я вздохнул и, решительно взбивая сапогами пыль, двинулся к стенам по извилистой тропинке, что вилась меж мусорных куч. Туда, где виднелись массивные монастырские ворота.

Чем ближе я подходил, тем тягостнее становилось у меня на душе. Хотя особых причин тому я не усмотрел – возможно, на меня действовал дух запустения, отпечаток которого с приближением к монастырю чувствовался все сильнее. А, может, повлияла мрачная архитектура монастыря. Замшелые головы числом семь возносились к праздничному небу, но не становились от близости к небу менее мрачными. Наоборот, небо над монастырем начинало казаться мрачным, несмотря на яркость и голубизну. Головы храма, увенчанные круглыми

шапками с алонсовскими крестами на куполах, все были разного размера. И еще создавалось впечатление, что они строились в разное время, потому что камень, из которого они были сложены, имел разные оттенки. Головы повыше и на более толстых башнях – потемнее. Которые поскромнее – светлые, словно время еще не успело оставить на них темную накипь промелькнувших лет. На самой высокой голове, под самым куполом виднелись выложенные из несколько более светлого камня слова: Эстебан Бланкес. На второй по высоте – Карлос Диего Лараззабал. На остальных тоже все еще можно было разобрать чьи-то имена, имена, неподвластные времени. Интересно – что это были за люди?

Лавируя в море мусора, я вплотную приблизился к воротам. Они были массивны и ветхи, как рукописные экземпляры Завета. Только поразительная стойкость римской лиственницы к гниению позволила им дожить до сегодняшнего дня – дерево оказалось долговечнее железа. Петли и запоры проржавели и искрошились, а ворота остались относительно целыми, хотя на внешней стороне створок рыжели ископаемые разводы поколений и поколений южного лишайника.

Левая створка сорвалась с умершей верхней петли и лежала нижней кромкой прямо на земле, вросши в нее на несколько пядей. Косая щель между покосившейся левой и относительно ровно стоящей правой сплошь была затянута сивой паутиной; в паутине танцевали на ветерке иссохшие мумии мелких насекомых.

М-да. Сюда давно никто не приходил. Впрочем, разве это единственный путь внутрь? Высокий монастырский забор тоже мог пострадать. Кто сказал, что Сантьяго Торрес и Фернандо Камараса прошли именно в ворота, а не в какой-нибудь давний пролом?

Я бы не удивился, если бы выяснилось, что они сюда прилетели. На воздушном шаре, например, или на помеле, позаимствованном у одной из сотен картахенских ведьм.

Улыбка еле-еле коснулась моих губ. Наверное, от мыслей о ведьмах.

Но почему-то страшно не хотелось нырять в щель между створками, и, смею вас заверить, вовсе не из-за паутины.

Что-то удерживало меня от приближения к монастырскому храму. Что-то такое, чему люди до сих пор не нашли разумного объяснения. Инстинкт. Чутье. Предвиденье.

Но моя профессия как раз и заключается в том, чтобы нарушать инстинкты и идти вперед вопреки предвидениям.

Впрочем, осторожность тоже является частью моей

профессии. Трусливая умная осторожность. Частью и залогом успеха.

Кому нужен мертвый сыскарь?

Никому. Только объекту сыска.

Поколебавшись, я все же решил сначала обойти монастырь по периметру. Снаружи забора.

Замшелые (а точнее – покрытые лишайником) стены охватывали монастырское подворье неровным кольцом; кольцо имело два характерных выступа около скитских башен. Грубо вытесанные блоки, наверное, еще в незапамятные времена привезли из каменоломен севернее Картахены. Теперь там прибежище дикого зверья. Дикого и одичавшего.

Замкнув кольцо, я с непонятным разочарованием убедился, что стены вокруг монастыря нигде не повреждены, и если Торрес и Камараса приходили сюда, они воспользовались именно воротами. Недавние мысли о воздушном шаре и ведьмином помеле – это лишь нервная шутка, не надо удивляться…

Паукам достаточно двух-трех дней, чтобы затянуть щель своими тенетами. Ну, возьмем для простоты неделю, паутина между створками ворот явно не первый день кормит хозяев и служит проклятием местным мошкам.

Торрес исчез полтора месяца назад. Камараса – чуть менее двух недель.

Они вполне могли войти на монастырское подворье и покинуть его тоже могли, так что паутина ни о чем не говорит.

Ладно. Надо и мне входить.

Или не надо?

Я замер перед створками. Что-то не пускало меня внутрь. Предчувствие. Или страх.

Не знаю.

Я долго стоял, не решаясь нарушить целостность паутины; пот липкими струйками стекал по лицу, по шее, по спине, и мне неудержимо захотелось содрать с себя пропыленный плащ.

«Это не предчувствие, – подумал я с некоторым унынием. – Это страх, Мануэль Мартин Веласкес. Обычный страх, который тебе трудно пересилить».

А вдруг – не обычный? Никто в Картахене не осмелился бы назвать меня трусом. А если и осмелился бы – это была бы неправда. Но сейчас я ничего не мог с собой поделать.

Легкий шорох за спиной вернул меня к действительности; рука незаметно скользнула под плащом к перевязи, и прохладный металл ножа мгновенно придал мне уверенности.

Медленно-медленно я обернулся, ожидая новых звуков, но за спиной было тихо.

Собака. Или волкособака – тощий длинноногий зверь с голодным ненавидящим взглядом глядел на меня из-за мусорной кучи. Из пасти его свисало что-то похожее на грязный лоскут.

Я мягким движением выпростал руку из-под плаща. Если собака всего одна – она мне не страшна.

Мое движение спугнуло эту тварь, она как-то неловко, бочком отпрыгнула от кучи. Я опять шевельнулся, и собака пустилась наутек, поджав тонкий, почти крысиный хвост. Добычу свою она уронила, и не похоже, чтобы сильно жалела об этом.

С минуту я провожал ее взглядом, пока пегая спина не потерялась на фоне пестрых отбросов городской свалки.

Свалка рядом с заброшенным монастырем – странное место, не правда ли? Не оттого ли покинули эту обитель монахи-последователи Эстебана Бланкеса, что рядом стала неудержимо разрастаться вонючая свалка? Этот печальный, но закономерный итог человеческого существования?

Везде, куда приходит человек, вскоре начинают возникать свалки и мусорные кучи.

Оставив в дорожной пыли отпечатки сапог, я дошел до места, где недавно стояла собака. Почему-то мне захотелось взглянуть – что же она жевала перед тем, как испугаться меня?

Действительно, тряпка. Грязная и, по-моему, недавно изрядно намокшая. Вряд ли от собачьей слюны. Я брезгливо расправил этот лоскут носком сапога – под темными наслоениями угадывалась плотная ткань, похожая на материал летнего плаща или куртки. Ткань простая, без рисунка; лоскут был неровно оборван и в нескольких местах продырявлен. Причем это не были следы уколов шпагой или ножом. Ничего общего это не имело и с собачьими зубами – такие треугольные рваные дыры остаются, только если ненароком зацепиться полой плаща за что-нибудь острое и, не заметив этого, рвануть. Хрясь! И готова дыра, проклятие ленивого холостяка. И с дырой ходить стыдно, и зашивать неохота.

Я сокрушенно вздохнул. Ну не люблю я чинить одежду, с детства не люблю, хотя приходится очень часто. Не люблю, несмотря на то, что мать моя была швеей, и хорошей швеей. Отбоя не знала от заказчиков. Благодаря ее неплохим заработкам я и не стал подзаборной шпаной, как большинство сверстников, а получил кое-какое образование.

На нашей улице читать умеют три человека. Один из них – я.

А может, оттого я и не выношу вида иголки с ниткой, что насмотрелся этого вдоволь еще в детстве и теперь от одного вида портняжных ножниц меня воротит? Не знаю…

Кстати, о портняжных ножницах. Жену одного моего клиента

убили такими. Если вздумаете кого-нибудь прирезать – никогда не пользуйтесь портняжными ножницами. В особенности если вы брезгливы, как я.

Плюнув напоследок на неизвестно чем привлекшую внимание бродячей собаки тряпку, я уже собрался вернуться к воротам монастыря, как вдруг внимание мое привлекло пятно подозрительно правильных очертаний. С самого краешка, рядом с оборванной кромкой.

Я присел.

А ведь это не пятно! Это вышивка, почти погребенная под слоем грязи. Вышивка в форме букв. Причем, не с лица, а с изнанки ткани.

Две буквы. «Ф» и «К».

Я замер. «Ф» и «К». Это может означать, например, «Фиеста Кастилья» – есть такая гостиница в Картахене. Для богачей и знати, меня туда даже на порог не пустят. Особенно благоухающего после посещения окрестностей монастыря Эстебан Бланкес. Лакеи и служки «Фиесты Кастильи» вполне могут носить одежду с гостиничным знаком.

Но это также может означать и «Фернандо Камараса». И тогда цена этой вонючей реликвии наверняка сильно возрастет.

Я полез под плащ и достал специально припасенный для подобных находок холщовый мешок. Кое-как затолкав внезапно подорожавшую тряпку внутрь, я подвесил мешок к боку и прикрыл плащом.

До ножей слева теперь трудно добраться, ну да ладно. Пока неприятностей не предвидится.

Я вернулся к воротам, полный решимости наскоро осмотреть монастырское подворье, заглянуть в кельи, скитские башни и в храм и тащиться к Сальвадору Камараса, почтенному дядюшке пропавшего восемнадцатилетнего обормота.

От ворот меня отделяло не более пятнадцати шагов. Почему-то с каждым шагом от моей решимости оставалось все меньше и меньше, и завершилось все тем, что я снова застыл перед воротами и обнаружил, что дальше идти просто не могу.

Не могу.

Не знаю почему.

Меня прошиб пот. Чертовщина какая-то! Такое впечатление, что меня просто не пускают внутрь! Но кто? И каким образом?

Без толку потоптавшись еще пяток минут, я решил убираться отсюда подобру-поздорову. Наверное, это снова какое-нибудь предчувствие. А я стараюсь им доверять.

Пойду к Сальвадору, суну ему под нос сегодняшнюю находку, он, скорее всего, на меня наорет, обзовет каким-нибудь

нехорошим словом и вытолкает взашей за ворота. Потом, правда, меня нагонит его дворецкий (приблизительно напротив рынка Эдмундо Флорес), пятидесятилетний отставной матрос, обладатель потрясающих баков, зычного голоса и неистребимой тяги к крепкому рому. Он хлопнет меня по плечу, басом скажет, что хозяин извиняется за вспыльчивость, просит продолжать поиски, и вручит ежедневные четыре монеты. Потом многозначительно кашлянет и выжидающе уставится куда-то в сторону. И мы пойдем с ним в ближайший матросский кабачок, где и останется одна из монет, будем пить ром, дворецкий будет вспоминать былое, а я – слушать и тоскливо ожидать внезапного озарения. Ну, а вечером я притащусь, покачиваясь, словно под ногами у меня не булыжная мостовая, а палуба галеона, домой, велю Генису согреть воды, с наслаждением вымоюсь и рухну спать. А наутро все начнется сначала.

Как выяснилось, я ошибся. Сальвадор на меня не наорал и не выгнал. Но об этом – чуть ниже.

* * *

Для меня все это началось двенадцать дней назад. Спустя сутки после исчезновения Фернандо Камараса, племянника Сальвадора Камараса. А Сальвадор Камараса – ни много ни мало – дож Картахены и глава торговой гильдии.

К тому моменту я занимался, как сам считал, совершенно заурядным делом – разыскивал некоего Сантьяго Торреса, мелкого купчишку, задолжавшего небольшие деньги коллегии Альфонсо Баройя. Баройя вовсе не собирался прижимать Торреса к ногтю, наоборот – его коллегия поддерживала торговлю маслом и благовониями, и Торрес был одним из распространителей, причем не из худших. Альфонсо Баройя интересовало – куда подевался его мелкий партнер? Вероятно, Торрес имел устоявшуюся сеть сбыта и Баройя не хотел ее терять.

Так или иначе, Альфонсо Баройя поручил своему помощнику отыскать пропавшего купчишку, а помощник, недолго думая, нанял меня, за полмонеты в день. Поскольку иных предложений, повыгоднее, у меня не было и не ожидалось, я взялся.

В Картахене, конечно, часто пропадают люди, как и в любом достаточно большом городе. Вряд ли их всех начинают разыскивать – во всяком случае, вояки городского магистрата этим не занимаются, предпочитая выколачивать налоги у рыночных завсегдатаев. Да и заметит ли кто-нибудь исчезновение какого-нибудь бродяжки? А если и заметит – хоть кого-нибудь это

взволнует?

Другое дело – более заметная публика. Когда пропал Фернандо Камараса, об этом мгновенно узнал весь город.

Я к тому моменту ни на шаг не продвинулся в поисках Сантьяго Торреса, хотя сумел более или менее внятно установить, чем он занимался в утро перед исчезновением. Ничего такого он не делал, за что можно было бы ухватиться. Как назло.

И вдруг в мою берлогу пожаловал Сальвадор Камараса, собственной персоной. Я опешил. Дож Картахены – у меня в гостях?

Слава богу, надолго он там не задержался, а то я сгорел бы со стыда.

Я уже говорил, что не очень люблю чинить одежду? Так вот, убирать в своей берлоге я тоже не очень люблю, а Гениса к себе просто не пускаю.

Ну, в общем, дож посулил мне четыре монеты в день, лишь бы я отыскал его дражайшего племянника, которому только недавно стукнуло восемнадцать. В этом возрасте у многих молодых людей в голове заводится всякая блажь. К тому же, тронуть племянника дожа вряд ли посмели бы и местные головорезы, и головорезы пришлые. Скорее всего, думал я, парня обуяла жажда странствий, и он околачивается где-нибудь в порту. Хуже, если ему уже удалось пробраться на какой-нибудь корабль и он ныне находится далеко в море. Но Фернандо не видели всего лишь три дня, и я прекрасно понимал, что выяснить, отходили последнее время из Картахены какие-нибудь корабли или не отходили, будет проще простого.

А возможно, все еще тривиальнее. Ушел парень в запой в каком-нибудь кабачке и благополучно валяется под столом. Впрочем, нет, племянник ведь дожа. Любой кабатчик Картахены счел бы своим долгом доставить его домой после первой же отключки.

В конце концов, он мог связаться с какой-нибудь девицей, а в этом возрасте можно провести в постели неделю, и не надоест.

И оставался мизерный шанс, что беднягу действительно убили, если он пьяный возвращался домой. Мизерный, потому что в затрапезный кабак племянник дожа не пойдет, а в центре нечасто ошивается всякая шваль с ножами за пазухой.

В общем, я понадеялся, что быстренько отыщу Фернандо, получу оговоренное вознаграждение и преспокойно вернусь к поискам Сантьяго Торреса, пока помощнику Альфонсо Баройя не надоест платить мне по полмонеты в день. Случай с Торресом казался мне куда более безнадежным.

Понадеялся я зря. Начал я как обычно, с шатания по городу,

разговоров с уличными торговцами, с мальчишками (между прочим – ценнейший источник информации!), расспросов – словом с рутины. Стал прокручивать путь Фернандо Камараса с момента когда он ступил за ворота дядюшкиного дома.

К вечеру я установил, что Фернандо и близко не подходил к порту. Непохоже и чтобы он заворачивал в кабаки – по крайней мере, в центре, в приличествующие его положению великовозрастного бездельника-богача. Сначала он слонялся по рыночной площади и, видимо, кого-то поджидал. Потом в компании некоего седобородого (бородища – до колен! – сказал мне десятилетний Хосе) мужчины пошел в направлении собора Санта-Розалины. Этот бородач, вероятно, был португальцем, потому что Хосе сказал, что он вместо «с» все время произносил «ш», а «о» – скорее как «оу».

Про португальца, понятно, вывод сделал я, а не Хосе.

В собор эта парочка заходить не стала, и следующий свидетель видел Фернандо спустя некоторое время выходящим из библиотеки Хавьера Унсуе.

Тут я насторожился: Сантьяго Торреса перед исчезновением тоже видели около библиотеки! Правда, непонятно было – заходил он туда или нет.

В тот день я ничего больше выяснить не сумел, а на следующий оказалось, что старый книгочей Унсуе тоже исчез.

Мне сразу же перестала нравиться эта история. То есть не подумайте, конечно, что я радуюсь, когда бесследно пропадают люди и поэтому я получаю аж четыре монеты в день. Просто до сих пор я считал, что случаи эти – неизбежная дань хаотичному року. Теперь же мне казалось, что за этими исчезновениями стоит что-то на редкость нехорошее.

Сальвадор Камараса, по-моему, преисполнился самых мрачных предчувствий. Я слышал, он послал солдат и они прочесали все побережье у Картахены. Обнаружили четыре трупа, выброшенных морем, но тела Фернандо среди них не было. Я на всякий случай поинтересовался, нет ли среди утопленников также Сантьяго Торреса или книгочея Хавьера Унсуе. Оказалось – нет.

Почти неделю я тщетно шастал по трущобам Картахены в надежде отыскать какие-нибудь следы Фернандо – его одежду, нательный крест (оказалось, у Камараса кресты особые, фамильные), нож его, наконец. Да что угодно.

А потом мне сказали, что Хавьер Унсуе вернулся и как ни в чем не бывало открыл свою библиотеку.

Вот такого поворота я, признаться, совершенно не ожидал.

Ясно, что я помчался в эту библиотеку, обгоняя собственные

мысли.

Конечно, старый книгочей знал всех своих посетителей наперечет – в Картахене не так-то много людей, умеющих читать. А желающих читать – и того меньше. Я, например, у Хавьера Унсуе был третий раз в жизни. И снова вовсе не затем, чтоб почитать какую-нибудь книгу.

Да, и Сантьяго Торрес, и молодой Камараса захаживали к книгочею, и уже довольно давно. Заходили они в библиотеку и в дни своих исчезновений. Ни на что не надеясь, я поинтересовался: какие же книги они читали в роковые для себя дни?

Разные, сказал книгочей. Совершенно разные. Торрес – трактат какого-то древнего агностика с непроизносимым именем, а молодой Камараса – «Гнев Кальдерона» Алехандро Кальво Сиквенца. Ну, конечно же, что еще может читать восемнадцатилетний юноша, как не героические эпопеи, доверху наполненные звоном стали, пушечной пальбой и треском мушкетов? Я сам когда-то с удовольствием прочел «Гнев Кальдерона», только не у Хавьера Унсуе, а при соборе Санта-Розалины. Священник, помнится, поглядел на меня осуждающе, когда взгляд мой упал на эту книгу – по-моему, он ожидал, что я попрошу что-нибудь богословское. Но к книге допустил, потому что умеющий читать сын портнихи не казался ему настолько потерянным человеком, насколько, без сомнения, казались мои уличные приятели, которые читать не умели.

Итак, книги разные, сказал книгочей. Но кое-что общее у них все же есть.

Я насторожился.

Что?

Обе книги, пояснил книгочей, в свое время принадлежали ныне заброшенному монастырю Эстебан Бланкес. У Хавьера Унсуе много книг оттуда. Они все стоят на отдельной полке.

И я почувствовал след. Печенкой, позвоночником – думайте что хотите. Я даже задышал чаще, как гончая на лесной тропе.

Но дело не совсем в этих книгах и не в их принадлежности, продолжал старик. Дело в другой книге, которой он сам уже начинает бояться. Да что там начинает – Хавьер Унсуе боится ее, боится давно и прочно. Эта книга тоже стоит на упомянутой полке.

Ее никто и никогда не просит почитать. Но тем не менее ее периодически касаются чьи-то руки.

Хавьер Унсуе не имеет привычки подглядывать за своими читателями, и они, как правило, остаются предоставленными самим себе в просторном зале библиотеки. Без сомнения, они

вполне могут встать и выбрать другую книгу, если взятая непосредственно у хозяина им вдруг не понравится. И, без сомнения, они это делают.

Беда в том, что люди, которых вдруг начинают интересовать книги с этой полки, иногда пропадают.

Не знаю почему, но после этих слов книгочея я едва не примерз к полу. Именно тогда я впервые ощутил чью-то злую волю – ту самую, что не пускала меня сегодня за ворота монастыря.

И как часто пропадают, поинтересовался я, с трудом ворочая языком.

Редко. За пятьдесят четыре года, с того самого момента, когда монастырь Эстебан Бланкес был покинут, а книги из монастырской библиотеки были проданы, пропало двенадцать человек. Включая Торреса и Камараса, спросил я. Да, включая. Правда, раньше между подобными случаями проходили годы, и лишь в последний раз исчезновения разделили всего две недели. А в предпоследний? Два года. Два года назад пропал иностранец, Вернер Шпреедихт. Точно так же бесследно, как и его девять предшественников. И что же, все эти несчастные читали книги из монастыря? Нет, не все, сказал Унсуе. При нем – не все. Но без сомнения все двенадцать прикасались к той самой роковой книге. С чего это он взял? Да с того хотя бы, что книга эта всякий раз пропадала вместе с читателями.

Тут я, наверное, глупо захлопал глазами, потому что ничего не понял.

Я думаю, сказал Хавьер Унсуе, что они забирали книгу с собой. Когда это случилось в первый раз, я даже не заметил пропажи. Книгу принес мне блаженный Хуан Сантаелена, потому что знал: у меня в доме много разных книг и надеялся, что еще одна меня обрадует, а сам он получит свое пиво. Хуан нашел книгу в монастыре. Точнее даже – в храме монастыря, у самого входа.

Когда спустя одиннадцать лет пропал Габриэль Роберто Мартинес, поэт из Веракруса, я вдруг вспомнил об этой книге. И убедился, что ее снова нет на полке. Я нашел Хуана Сантаелену и спросил, не желает ли он еще пива? В общем, он вторично принес мне эту книгу из монастырского храма, а заодно сообщил, что поэта там не встретил.

Хуан приносил мне эту книгу еще трижды, пока не умер – от старости или от болезни.

С тех пор я нанимаю для похода в монастырь какого-нибудь бродягу. Я ни разу не ошибся. Книга всякий раз оказывается там.

А сейчас она где – там или здесь, спросил я. Голос у меня

почему-то все время норовил сорваться.

Уже здесь, сказал Унсуе.

А кто-нибудь из прежних пропащих потом находился? Живым ли, мертвым ли?

Нет, ответил Хавьер Унсуе. Ни разу. Все, кто имеет дело с этой книгой, исчезают без следа, а сама она неизменно отыскивается в монастырском храме. Обычно – просто лежащей на пыльном полу.

Почему же, спросил я, с Хуаном Сантаеленой и остальными наемниками ничего плохого не происходило? (я даже слегка порадовался собственной догадливости). Они ведь тоже прикасались к этой книге и, возможно, даже раскрывали ее.

Унсуе усмехнулся.

Блаженный Хуан Сантаелена не умел читать, объяснил книгочей. И наемников книгочей всегда специально подбирал заведомо неграмотных.

И тогда я набрался храбрости и попросил:

– Покажи мне эту книгу, Хавьер Унсуе. Надеюсь, что мне не придется жалеть о своих словах…

Книгочей не стал отказываться, как я опасался. Но он сразу предупредил, что трогать книгу не станет. Он никогда в жизни не касался этой книги, даже в самый первый раз, когда еще ничего не подозревал. И он советует мне хорошенько подумать, прежде чем брать ее с полки и усаживаться за огромный читальный стол.

Я подумал. И чуть не пошел на попятную. Но все же сумел себя пересилить.

Это было вчера.

А книга, кстати, называлась «Око бездны». Что-то философское. Имени автора на страницах я так и не отыскал. Даже на титульной.

Когда я уходил, Хавьер Унсуе глядел на меня, словно на приговоренного к смерти.

* * *

Сальвадор Камараса меня не выгнал и не наорал даже. Он сумрачно поглядел на едва различимые под грязью буквы. И велел служанке принести какой-нибудь из плащей пропавшего племянника.

В общем, это была метка Фернандо Камараса.

– Глядите, сеньор, – сказала служанка, печально глядя на меня и протягивая вывернутый наизнанку плащ. – Вот такая же метка. Я сама ее вышивала. Я всегда вышивала на одежде

молодого сеньора его инициалы.

Наверное, она любила этого непутевого парня.

– Всегда? – спросил я зачем-то. – А читать-то ты хоть умеешь, а мастерица?

– Да сеньор. И читать, и писать. Правда, не очень хорошо…

Я заткнулся. М-да. Странные нравы в доме дожа Картахены. Грамотные служанки – сроду я не видел грамотных служанок.

Впрочем, дети портних тоже редко бывают грамотными…

Я честно поведал насупленному Сальвадору все, кроме странной и мистической истории с книгой. Рассказал о стаях голодных собак, хозяйничающих на свалке. Рассказал, что этот лоскут – единственное, что мне удалось отыскать, да и то случайно. И вскользь заметил, что мне не нравится монастырь на отшибе – надо бы туда наведаться с ротой солдат и пошарить по скитам, по кельям. В храм заглянуть – там наверняка имеется чердак, вон какой свод высоченный.

– Спасибо, – сказал Сальвадор с непонятной мне сдержанностью. – Остальные не сумели найти даже грязного лоскута, – и он выложил передо мной не четыре монеты, а целых двадцать.

– Вам спасибо, – пожав плечами, сказал я. Залпом допил предложенное вино и сгреб монеты в ладонь.

Честно говоря, я чувствовал себя не лучшим образом. Все-таки я замолчал большую и, похоже, очень важную часть рассказа. А я всегда старался делать свою работу хорошо. Но, с другой стороны, как рассказать? На месте дожа я бы взашей вытолкал сыскаря, плетущего подобные байки, еще бы и батогами попотчевал.

Словом, все упиралось в единственный вопрос: а верю ли я сам? Верю ли Хавьеру Унсуе и его невероятному рассказу?

Я думал об этом, возвращаясь домой. Всю дорогу.

Наутро вчерашние россказни старого книгочея уже казались мне чистейшим вздором. Ну, сами посудите – заброшенный монастырь, какая-то загадочная книга, пропавшие люди, ну прям чистейшей воды умбертоэковщина. К тому же трупов никто не видел. Да и стоит ли верить Хавьеру Унсуе? Он слыл в Картахене человеком неглупым и образованным, но не следовало забывать и о его возрасте. Во всем городе вряд ли сыщется человек старше него. Кто знает, может быть, некогда ясный и цепкий ум стал с годами сдавать? И старый книгочей вдруг обнаружил себя живущим в мире призраков и потусторонних сил, которых никто, кроме него самого, не замечает?

В общем, не усидел я на месте, хотя намеревался отоспаться в своей берлоге и не вставать раньше полудня.

Первым делом я попытался отыскать наемника Унсуе – того самого, которого он якобы посылал в монастырь поискать беспокойную книгу. Это оказалось довольно трудным делом, и преуспел я только к обедне.

Аугустин Муньос – так звали моего героя. Был он малорослый, коренаст, волосат и вшив. Пришлось сморщить свой привередливый нос и некоторое время дышать сквозь зубы. Муньос принадлежал к той породе людей, которым неведомо понятие «завтра». Он жил текущей минутой, а там – хоть трава не расти. Обитал он в сложенном из хвороста шалаше за рынком Эдмундо Флорес, на обширном пустыре – задворках торговых кварталов на месте бывшего болотца. Люди посостоятельнее строиться здесь не пожелали – слишком топко, и этот пятачок посреди города облюбовали нищие, попрошайки, калеки – все те, кто познал лишь гримасы судьбы и уже не надеялся дождаться от этой капризной сеньоры приветливой улыбки.

Я знал, что живу небогато, но по сравнению с обитателями Муэрта Фолла я мог чувствовать себя королем. В кармане у меня позвякивало целых четырнадцать монет – наверное, больше, чем у всех обитателей пустыря вместе взятых.

– Да, – сказал, а точнее, даже не сказал, а проскрипел Аугустин Муньос. Нечистая борода его зашевелилась, и я заметил под волосами розоватый шрам на горле. – Да, старый Хавьер Унсуе посылал Муньоса к монастырю Эстебан Бланкес. И обещал за это целую горсть медяков. И не обманул, храни его дева Стефания! Аугустин Муньос много лет не пил столько пива сразу, сколько выпил пару дней назад с приятелями…

Мысли Муньоса вращались в основном вокруг пива, и мне стоило немалых трудов вытянуть из него рассказ о самом монастыре.

– Монастырь как монастырь, клянусь девой Стефанией, только безлюдный. Ворота покосились, паутина везде… В храме – пылищи-то, пылищи! Ей-ей, в Селеш Родригес столько пыли не бывает, даже в сезон ветров. Книга лежала на нижней ступеньке лестницы, прямо в пыли. Что? На обложке? Нет, на обложке пыли не было… А-а-а! Муньос догадался! Если бы на обложке тоже лежала пыль, это означало бы, что книга забыта на лестнице давно, верно? Верно, клянусь девой Стефанией! Нет, Муньос не умеет читать, поэтому не открывал книги. Да ничего особенного не заметил, взял ее под мышку и поковылял к выходу. Нет, все было тихо, даже эхо там какое-то глухое, наверное, из-за пыли. Собаки? Как же, собак там полно, все такие злющие, ровно… ровно… ну, злые, словом. Но у Муньоса был с собой посох, так что собаки боялись приближаться.

Куда потом направился? Да прямо к дому Унсуе и направился. А потом в таверну «Карменсита», там пиво очень дешевое…

Итак, старый книгочей не лгал мне хотя бы в части своего рассказа. Я не видел ни одной причины, по которой Аугустин Муньос стал бы сочинять небылицы, да и вряд ли он был способен сочинить что-либо путное или хотя бы складное. Каждое его слово казалось мне правдой, наблюдением ничем не запятнанной бродячей души.

Аугустин Муньос действительно ходил на днях в монастырь Эстебан Бланкес и действительно принес оттуда какую-то книгу.

Какую-то. Вот это – единственный момент, который прояснить было невозможно. По словам Муньоса книга была «такая, с закорючками на обложке и толстая, как каравай хлеба, клянусь девой Стефанией».

Ссыпав в подставленную коричневую ладонь Муньоса несколько мелких медяков, я покинул Муэрта Фолла, исполненный сомнений и растерянности.

Еще через некоторое время я переговорил с тремя стариками из припортовых кварталов (там почему-то много долгожителей). Все трое прекрасно помнили темную историю с исчезновением Вернера Шпреедихта – впрочем, я и сам помнил эту историю. Тогда даже бездельники из магистрата некоторое время бегали рысцой и пытались неуклюже выведать подробности пребывания немца в Картахене. Его так и не нашли, как, впрочем, и подробностей.

Один из стариков помнил даже давнее исчезновение рифмоплета из Веракруса – говорил, что целых четыре дня по Картахене расхаживали горластые глашатаи и зазывали знать послушать эту птицу в субботу вечером в гостиницу «Фиеста Кастилья». Кое-кто, говорят, пришел, да только самого рифмоплета в назначенный час разыскать не удалось; старик смутно помнил кое-какие отголоски этого скандала.

Все трое вспомнили и блаженного Хуана Сантаелену и в один голос показали, что умер тот в возрасте не то шестидесяти с чем-то лет, не то пятидесяти с чем-то. Умер тихо и мирно в хижине посреди Муэрта Фолла, упокой небо его невинную душу.

К вечеру из предместья, где был расположен монастырь Эстебан Бланкес, вернулись солдаты. Они обшарили весь пустырь, основательно разворошили свалку, словно грабители – хозяйские перины в поисках спрятанных драгоценностей. Нашли останки убитого ножами подростка и труп старика, обглоданный собаками. Они исходили все монастырское подворье вдоль и поперек и не отыскали ничего, кроме пыли. Ничего солдаты не

нашли и в кельях, и в скитских башнях, и в трапезной, и в зале храма, и в подземельях храма, и на чердаке храма.

Насчет подземелий, правда, солдаты выражались довольно расплывчато, и я понял, что особенно далеко никто не забирался. Сальвадор Камараса, говорят, имел бледный вид, когда выслушал доклад капитана, но не проронил ни слова.

Ну кто в здравом уме полезет глубоко в подземелья заброшенного монастыря?

Впрочем, пыль все равно рассказала следопытам, что ко входу в подземелья никто давным-давно не приближался. Зато совсем недавно кто-то шастал по храму. Двое людей прошли к лестнице на чердак и поднялись, а еще двое дошли только до лестницы, а затем вернулись и ушли прочь. Первые двое, по словам следопытов, с чердака не спускались. Чердак же остается совершенно пустым, и на нем следов никаких нет. Такое впечатление, что эти двое поднимаются по лестнице и на самом верху растворяются в воздухе.

Следопыты опознали в одной из цепочек следов отпечатки башмаков Фернандо Камараса.

Я думал надо всем этим весь вечер. Лежа одетым поверх постели и уставившись на огонек светильника.

Выходит, это вовсе не собаки. Выходит, стоило мне войти тогда в монастырский храм и я сам бы все это рассмотрел и распутал. Но что же меня не пустило? Предчувствие?

Что за пугающая тайна прячется в этих древних стенах? Как она связана с книгой, зовущейся «Око бездны»? Что за странное, наконец, и зловещее название для философского трактата?

Во что ты вмешался, Мануэль Мартин Веласкес, сын портнихи и горе-сыскарь? Дыхание каких сил коснулось тебя?

Я снова и снова задавал себе этот вопрос и не заметил, как заснул. Во сне я видел книгу, она сама собой раскрывалась, но я никак не мог прочесть ни единого слова, буквы словно бы расплывались, а потом вдруг из глубины страницы отчетливо проступило чье-то молодое лицо, искаженное не то мукой, не то яростью, и я откуда-то знал, что это лицо поэта Габриэля Роберто Мартинеса, рожденного в Веракрусе и канувшего в небытие на окраине Картахены. Немота одолела меня, и я, не в силах задать вопрос, отчаянно жестикулировал, но Мартинес меня не замечал. А потом вдруг оказалось, что это лицо никакого не поэта, а старого книгочея Хавьера Унсуе. Книгочей взглянул на меня и отчетливо произнес: «Зло приходит из бездны по грешные души. Покуда существует грех, зло будет приходить».

Я проснулся мокрый, как мышь; в окно просачивалась зыбкая полутьма близкого рассвета. Светильник был погашен, и масло

наполовину заполняло пузатый стеклянный сосуд.

Светильник не мог погаснуть – пока не выгорело все масло. Значит, кто-то его погасил. Не я же? А Генису запрещено входить в мою берлогу.

Пот прошиб меня вторично, и тут я понял, что ощущаю странный запах – тонкий и чуждый человеческому жилищу. Что-то замешанное на мускусе. Одеревенев от внезапного ужаса, я затаил дыхание; мне казалось, что в комнате я не один, что стоит лишь пошевелиться и откуда-нибудь из темного угла вырвется нечто и…

Что – «и…» я никак не мог вообразить, и от этого отчаяние мое становилось лишь глубже.

Я успел много раз умереть и воскреснуть, пока тело мое перестало быть средоточием ледяных волн, гуляющих под кожей, а естество мое перестало быть комком полуживотного страха. Рассвет вливался в окна Картахены, и, к счастью, в мое окно он вливался тоже. Берлога моя была пуста – в том смысле, что никого и ничего постороннего в ней не появилось – и захламлена, как обычно. Только след странного запаха да неведомо как погасшая лампа.

«Зло приходит из бездны, – подумал я. – Клянусь девой Стефанией, как сказал бы Аугустин Муньос!»

Я вдруг понял, что частичка моей души принадлежит уже не одному мне. «Око бездны». Зло смотрит из бездны, и недавно оно углядело меня.

Холодная дрожь снова сотрясла мое тело.

Бог мой, да я так невесть чего навыдумываю! Прочь отсюда, прочь из четырех стен, на воздух, на улицу, под утреннее небо…

Я с грохотом ссыпался по лестнице, тревожа соседские сны, и с завистью подумал, что соседям наверняка снится что-нибудь приятное. Прохладный утренний ветерок и какая-то первозданная невинность нарождающегося дня ошеломили меня, и я застыл на булыжной мостовой напротив дома, в котором появился на свет и в котором вырос, словно увидел дом впервые. Восток розовел, и вразнобой щелкали птицы, встречая просыпающееся Солнце.

Если и осталась где-нибудь тьма, то разве что в виде осадка на задворках моей души.

Но я прекрасно знал, что тьма никогда не уходит бесследно и безвозвратно. Особенно из души.

Помощнику Альфонсо Баройя надоело платить мне по полмонеты в день спустя неделю. Что же, сказал я, никто не посмеет заявить, что Мануэль Мартин Веласкес не старался.

Никто и не заявил. Но Торреса мне можно было больше не искать. Как и Фернандо Камараса. Однако история эта все не шла

у меня из головы. Ночные кошмары посещали меня еще дважды, но не такие леденящие, как в самый первый раз. Я мало-помалу обретал былое душевное равновесие, хотя что-то внутри меня все-таки переменилось, я это чувствовал.

Не могу сказать, чтобы меня тянуло к монастырю Эстебан Бланкес, но я поклялся, что при случае постараюсь распутать странную загадку с исчезновением людей.

Прошел год. Целый год. Я за это время отследил много неверных жен и мужей, отыскал украденных вещей и даже разобрался с убийством помощника Альфонсо Баройя – бедняга ненадолго пережил Сантьяго Торреса, но погиб без всяких загадочных историй: его зарезали на рынке Эдмундо Флорес за горсть серебряных монет, которую он получил с распространителей масла за неделю торговли. Когда я поймал убийцу – заезжего гастролера из Борита-Фе – чинуша, заправляющий магистратом, долго тряс мою руку и заверял, что попытается выбить мне регулярное жалование. Я, естественно, не поверил и оказался совершенно прав. В общем, время шло.

Однажды вечером я обнаружил на своей улице прогуливающегося книгочея Хавьера Унсуе. Он выглядел таким же старым, седым и бодрым, как и год назад. Только в глазах его появился какой-то нездоровый лихорадочный блеск.

– Веласкес! – воскликнул он, завидев меня. – Я полдня тебя дожидаюсь!

– Что-нибудь случилось? – спросил я настороженно.

– Случилось, – мрачно сказал книгочей. – Мы можем где-нибудь поговорить?

– За углом есть вполне пристойная таверна.

– Пристойная? – фыркнул Унсуе, как показалось мне – с легким презрением. – В этом районе разве бывают пристойные заведения?

– Для этого квартала – вполне пристойная, – спокойно парировал я. – Там тебя гарантированно не зарежут в первую же минуту. К тому же там меня знают.

В «Маньяна» меня действительно знали. И даже могли накормить и напоить в кредит, если бывали трудности с монетой. Хорошо, что такие трудности последнее время случались все реже – я слыл удачливым и пронырливым сыскарем и все больше людей обращалось ко мне. Я, если честно, даже стал задумываться о более приличествующем жилье в более приличествующем квартале Картахены.

– Так что же стряслось? – спросил я, когда мы уселись за стол в самом дальнем углу таверны и пригубили первое пиво.

Старик поднял на меня испытующий взгляд. Снова

заблестели его глаза, а в паутине глубоких морщин словно бы запутался немой вопрос.

– Скажи-ка, Веласкес, – спросил книгочей немного погодя. – С тобой никаких странностей не происходит? Ну, там, дурные сны или необъяснимые желания… наведаться к Эстебан Бланкес, например. А?

Я задумался. Сны… Сны бывают, этого не скрыть. А вот необычных желаний я припомнить не смог. Впрочем, я понимал, о чем на самом деле спрашивает книгочей. Печать той самой книги. Он считает, что раз я открывал «Око бездны» – на меня легла некая зловещая печать. И якобы однажды я обнаружу, что не принадлежу сам себе.

– Нет, Хавьер Унсуе, – ответил я, как мне показалось – вполне искренне. – Я не чувствую над собой проклятия. Что же касается дурных снов – так они всем периодически снятся. Даже праведникам. Это все, что ты хотел услышать?

Книгочей продолжал сверлить меня взглядом. Скорее всего, он не поверил, что я ничего особенного в себе не замечаю. Потом угрюмо уставился в полупустую пивную кружку.

– Книгой снова заинтересовались, – сказал он тихо.

Я едва не подскочил на лавке. Неужели пришло время разгадать загадку книги и монастыря? Я ведь поклялся разгадать ее когда-нибудь. Правда, мне совершенно не верилось, что случай подвернется так скоро.

– Кто? – спросил я, подавляя в себе целую бурю противоречивых чувств.

– Рикардо Эчеверья. Студент.

– Как давно?

– Он ходит ко мне уже второй год. Сегодня утром я заметил, что он подходил к полке с монастырскими книгами.

– И это все? – протянул я с сомнением.

– Он дотрагивался до книги. Я видел. Возможно, даже не в первый раз.

– И что ты хочешь от меня?

– Проследи за ним, – шепотом попросил Унсуе. – Я так больше не могу.

– Не можешь чего? – жестко спросил я. – Не можешь молчать, когда твои читатели идут на смерть?

Унсуе враз стал казаться даже не старым – дряхлым.

– Раньше, выходит, мог? – продолжал я. – А, книгочей? Что это с тобой вдруг случилось?

Я понимал, что поступаю жестоко. Но остановиться не мог.

Некоторое время мы просидели в звенящем молчании. Наконец я слегка оттаял.

– Сколько у нас времени? У нас… и у него?

– Не знаю, – все еще шепотом ответил Унсуе. – Думаю, с неделю.

– Где он живет?

– В студенческом приходе Санта-Розалины, невдалеке от собора. Знаешь, где это?

– Знаю, – вздохнул я. – Как, говоришь, его зовут? Родриго Эчеверья?

– Рикардо. Рикардо Эчеверья, – поправил меня книгочей. Впрочем, я прекрасно запомнил имя и с первого раза. Я ведь сыскарь все-таки, а не выживший из ума нищий с Муэрта Фолла.

– Ладно, – отрезал я. – Я займусь этим. Постарайся никуда не отлучаться из своей норы, ты можешь мне понадобиться в любое время, – я встал и бросил на стол медную монетку.

– И вот еще что, – добавил я несколько мягче. – Прости, что я был с тобой так резок, Хавьер Унсуе…

Мне показалось, что от меня испуганно отшатнулось что-то огромное и темное. Словно заметило во мне нечто губительное для себя.

М-да. И это называется, я никаких странностей около себя не замечаю.

За неделю я изучил жизнь Рикардо Эчеверья буквально по часам. Чем занимается, куда и когда ходит, когда спит, когда ест – словом, все-все-все. Я не мог не заметить, что ведет он себя не совсем обычно – часто замирает на улицах, словно в задумчивости, а потом в друг начинает недоуменно вертеть головой, словно не может понять, где находится и как здесь очутился. Знакомые его тоже отметили, что Рикардо в последнее время стал рассеян и часто не замечает вопросов, с которыми к нему обращаются. Отец Гонсалио, который преподавал в Санта-Розалине философию, слово Господне и литературу все это подтвердил и высказал предположение, что юноша просто устал.

Мне так не казалось. Друзей у Рикардо было немного, и, слава богу, никто из них не знал о природе моих истинных занятий и интересов. Я что-то сочинил им о причинах, по которым якобы разыскиваю Рикардо, и едва успел отделаться от них и затеряться в толпе, когда сам Рикардо показался вдали на улице. Он брел, повесив голову, в сторону студенческого прихода; брел с северо-востока. Библиотека Хавьера Унсуе находится именно там.

Я внимательно наблюдал за ним из-за палатки торговца свечами.

Вот на ком печать безысходности видна была с первого взгляда – такой вид бывает у неизлечимо больных.

Я впервые разглядывал Рикардо Эчеверья так близко.

Он миновал ворота прихода, рассеянно кивнул старику-привратнику, и, прижимая локтем небольшой сверток, направился ко входу в камчой.

Почти сразу же я заметил и Хавьера Унсуе. Неуклюже пытаясь казаться незамеченным, он шел следом за Рикардо; при этом старый книгочей смешно вытягивал шею и старательно вертел головой. Я поспешил ему навстречу.

Меня он не заметил – я подождал, пока Унсуе пройдет мимо и легонько дернул его за рукав.

Книгочей вздрогнул и обернулся. Затем облегченно выдохнул.

– Это ты, Веласкес! Как вовремя я на тебя наткнулся!

Я не стал уточнять – кто на кого наткнулся в действительности.

– Эчеверья взял книгу! «Око бездны» сейчас у него! Подумать только, я в первый раз заметил пропажу книги раньше, чем пропажу своего читателя…

Унсуе так исступленно и так громко шептал, что прохожие стали оборачиваться, я потянул его с площади прочь, в тихое место под оливами напротив собора.

– Думаешь, это знак, что он собирается направиться в Эстебан Бланкес? – спросил я, когда уверился, что посторонние уши нас не услышат.

Унсуе взглянул на меня, как на умалишенного.

– Конечно! Зачем еще ему книга?

Я пожал плечами:

– По-моему, в монастырь он мог бы и без книги отправиться. Что-то тут не так…

Книгочей сглотнул; кадык под дряблой кожей на горле дернулся, словно пытался вырваться на свободу.

– Не знаю. Все, кто приходит в Эстебан Бланкес без книги, ничего там не находят. Только пыль и запустение. Думаю, книга позволяет заглянуть туда, куда остальным смертным путь заказан.

– Заглянуть – и остаться там навеки? – саркастически хмыкнул я.

– Как знать, – задумчиво сказал Унсуе. – Возможно, заглянув, и мы не захотели бы вернуться в Картахену.

Я помолчал.

– Ладно, – вздохнул я. – Пойду его отговаривать…

Книгочей вцепился мне в руку:

– Нет!

Я удивленно замер.

– Почему – нет? Он же пропадет! Пропадет, как и все остальные!

Хавьер Унсуе продолжал держать мой локоть с неожиданной для человека его возраста силой.

– За ним нужно проследить, Веласкес! Пойти в монастырь следом за ним и самим все увидеть. И понять.

Я задумался. В самом деле. Ну, отговорю я сейчас этого одержимого студента, хотя что-то заставляло меня усомниться в успешности подобной попытки. Найдутся ведь другие. Потом. Кто знает, в чьи руки попадет эта книга, когда старый Унсуе умрет?

Действительно, следует разобраться во всем. Я не верил, что книга открывает путь в некий аналог христианского рая – тогда она не называлась бы «Око бездны» и не внушала бы трепет. И никто не сказал бы мне, что зло глядит из бездны – даже во сне не сказал бы. Это злая книга. Иначе бы из-за нее не пропадали люди. Возможно, подсмотрев за Рикардо Эчеверья, я сумею понять, как зло опутывает людей и заманивает их в монастырь. И научусь разбивать его оковы.

И тут же взыграла во мне обычная людская мнительность.

Эй, Мануэль Мартин Веласкес! Очнись! Опомнись! Какое зло? Какие оковы? Не выдумывай ерунды, и не бери на себя роль того, кто судит – что есть зло, что есть добро. Не твое это дело, ты ищи жуликов и неверных жен, да дуй свое пиво в грязных тавернах. Бороться со злом – удел героев.

Да и как его представить и овеществить – зло? Что ты ожидаешь встретить в монастыре? Что или кого? Дьявола с колодой карт? Свору адовых псов, щелкающих зубами? Ты хоть знаешь – что такое настоящее зло?

Нет.

Тогда чего суешься?

Но ведь я поклялся.

Это не имеет значения.

А что тогда, черт побери, имеет значение под этим небом? Что? Серебряные монеты? Так я их уже получил. За не найденного мною Фернандо Камараса. И за не найденного мною Сантьяго Торреса. Если изменять собственным клятвам – как себя уважать впоследствии? И как жить, себя не уважая?

– Идет! – потормошил меня Хавьер Унсуе. – Дева Стефания, он идет!

Я взглянул, стараясь подавить злость на самого себя. Рикардо Эчеверья с тем же свертком под мышкой решительно шагал через площадь прочь от ворот прихода. Шагал быстро и целеустремленно, направляясь вдоль по улице, ведущей к портовому спуску. Оттуда как раз удобно свернуть в сторону

дальнего предместья, где расположен монастырь Эстебан Бланкес.

Все. Рассуждать нет времени. Пора действовать. Следить так следить.

И я двинулся следом за студентом. Хавьер Унсуе остался стоять под оливами, хотя я полагал, что он отправится за мной.

По-моему, он испугался.

Я умею идти за человеком по улицам Картахены и оставаться при этом незаметным. Не спрашивайте как – словами этого не объяснишь, да и не люблю я выдавать свои секреты. Но за Рикардо Эчеверья смог бы прокрасться и полный дилетант: студент шел, не оборачиваясь и совершенно не глядя по сторонам. Только иногда зыркал под ноги – но лениво, и даже как-то нехотя – и снова, казалось, засыпал на ходу. Странно, но быстрая ходьба вовсе не развеивала впечатление о том, что этот незадачливый парень со свертком под мышкой на ходу дремлет. Наоборот, даже непонятным образом усиливала. Возможно, оттого, что у него двигались только ноги, корпус же, и голова, и прижатые к телу руки оставались в неподвижности, как у манекена в мастерской моей покойной мамаши.

Мы миновали поворот к порту; как я и ожидал, Эчеверья свернул направо и углубился в кварталы Тортоза Бенито – нескончаемые кривые улочки, двух– и трехэтажные домишки, кое-как слепленные из известняка, глухие заборы и пыльные ветви персиков и олив над заборами. За этими неприступными оградами то и дело взлаивали цепные псы – более удачливые родичи тех, что бродили вечно полуголодными по городской свалке около Эстебан Бланкес. Я иногда обгонял Эчеверью, торопливо минуя многочисленные боковые улочки, дожидался его и снова обгонял. Я кружил вокруг него, словно хищник вокруг ничего не подозревающей добычи.

И все время вспоминал, что пока еще могу его остановить.

К монастырю Эчеверья вышел даже раньше, чем я ожидал. Неутомимый ходок этот студент, а ведь сразу и не скажешь. Я устроился за высокой и наименее смердящей кучей – по-моему, вывезенным строительным мусором – и приготовился наблюдать.

Рикардо Эчеверья вышел из окраинного переулка и стал торопливо спускаться в лощину по извилистой тропе.

Солнце лишь мало-помалу клонилось к мусорным кучам на дальнем краю лощины. Только бы этот студент не стал выжидать до ночи, подумал я с неясным напряжением. Торчать здесь в темноте? Нет уж, увольте. Не стану я находиться рядом с Эстебан Бланкес ночью и парню этому не позволю. Возьму за шкирку и отведу в приход, к таким же, как он, обормотам с ветром в голове.

Откуда появились собаки (или волкособаки) я заметить не успел. Просто несколько мусорных куч у тропинки вдруг оказались сплошь под лапами этих тварей. Их было много, десятки, и все они стояли вдоль тропы и молча глядели на Рикардо Эчеверью. Словно почетный караул на торжественном выходе короля в Эскуриале.

Впервые за последние час или два Эчеверья очнулся от своего непонятного оцепенения. Он завертел головой, оглядывая собачий караул, и крепче прижал к себе сверток.

Собаки молчали. Ни рыка, ни лая – могильное и оттого кажущееся зловещим молчание.

Противный и такой знакомый холодок прогулялся по моей спине – впервые за сегодня.

Эчеверья, как мне показалось, на дрожащих ногах шел мимо собак, и они тянулись к нему влажными носами, не издавая ни единого звука. Это было до жути неправильно, неестественно, невозможно – молчаливая стая. Холод, бездонный холод терзал мое тело.

Дыхание бездны.

Эчеверья скрылся за воротами. Собаки внутрь даже не пытались сунуться, покружили у щели и помалу потрусили куда-то в сторону.

Я проворно вскочил и тоже поспешил к воротам. Стая тотчас замерла, повернув головы в мою сторону, и мне вдруг показалось, что это не много существ, а одно – многоголовое и чужое.

Мороз стал злее, но не смог поколебать мою решимость.

Мануэль Мартин Веласкес не отступает от собственных обещаний… По крайней мере, пытается в это верить.

Клочья потревоженной паутины шевелились на краях створок. Я разглядел впереди спину Рикардо Эчеверьи – студент входил в храм. Меня он не замечал; по сторонам не глядел и ни разу за весь путь от Санта-Розалины не оглянулся.

Мягко и бесшумно я поспешил за ним.

У входа я прислушался – шаги студента раздавались внутри, но еле-еле. Мне казалось, что они должны были звучать громче.

Я заглянул – Эчеверья как раз приближался к лестнице на чердак.

Шаг. Еще шаг. И еще.

Вокруг было тихо и пусто, но это только сильней било по нервам и подпускало холоду.

И вдруг, когда Эчеверья поднялся на пару ступенек к чердаку, а затем медленно-медленно развернул свой сверток и, словно завороженный колдовским сном, опустил книгу на камень лестницы, я ощутил: что-то мгновенно изменилось в монастыре.

Точнее в храме.

Еще миг назад там, наверху, было пусто и пыльно.

Теперь – нет. Там появилось что-то. Точнее, не совсем так. Там исчезло все, что являлось просто чердаком над храмом Эстебан Бланкес. Теперь там возникло какое-то другое место, и в этом месте обитало нечто.

Не могу объяснить лучше.

Рикардо Эчеверья, по-прежнему сонный и покорный чужой воле, поднимался по ступеням. Мне мучительно захотелось окликнуть его, остановить, задержать, спасти. Я еще мог это сделать – лестница была достаточно длинная.

Но я промолчал.

И студент беспрепятственно поднялся на самый верх и ступил туда, где раньше был просто чердак, а теперь возникло то самое чужое место.

Не могу сказать – как долго я торчал у храмовых врат, пригвожденный к полу. Наверху было тихо.

А потом Рикардо Эчеверья закричал. Это не был вопль ужаса или испуга. Это был глас обреченности.

Я сам не заметил, как взлетел по лестнице на самый верх. Помню, я очень удивлялся, что сапоги не скользят, словно по льду. Говорят, что лед скользкий.

Все-таки это оставалось похожим на обыкновенный пыльный чердак, но только необъяснимым образом увеличившийся в сотни раз. Зыбкий свет сочился откуда-то сверху, был он слабым и неверным и скорее скрадывал, чем освещал.

Рикардо Эчеверья стоял на коленях чуть впереди меня, метрах в двадцати, и к нему по стылым камням ползло нечто. Нечто бесформенное, похожее на мешок или бурдюк. Оно было таким чужим, что даже не вызывало обычного страха. Оно само было страхом.

Злом из бездны.

Всхлип – всхлип, не крик – примерз у меня к гортани. Я окаменел. Стал таким же камнем, как свод храма, пол чердака. Как монастырские стены. Но я мог видеть, в отличие от настоящего камня.

Когда оно приблизилось к студенту, снаружи еле слышно взвыли собаки. Студент упал – оно стало наползать на него, словно чудовищная, безликая и бесчувственная амеба. И я буквально всем естеством ощутил, что студент исчезает, растворяется в окружающем, теряет сущность. Расстается с душой. Руки его безвольно дергались – слабо-слабо. Скребли камень.

Я не мог представить, что он чувствует. Но я точно знал –

Рикардо Эчеверья страдает. Страдает так, что смертному вообразить это невозможно. А потом это бесформенное вдруг отрастило две словно бы руки, могучих и длинных, и стало мять Рикардо Эчеверья, будто пластилиновую куклу. Лепить из его плоти каменную статую. Не знаю, почему каменную – возможно, потому, что в только что живом человеке не осталось ни капли тепла. Потому и пришло мне в голову такое сравнение.

Несколько выверенных движений – и кукла отброшена в сторону; она, нелепо разведя руки в стороны и изогнувшись, как от непереносимой боли, прыгает по полу и неожиданно встает на ноги. И застывает – это более не человек, это просто статуя, имя которой Боль и Страдание.

Отныне и навсегда.

Я откуда-то точно знал это – навсегда Боль и навсегда Страдание.

А секундой позже я заметил еще кое-что.

Эта статуя не была единственной на внезапно разросшемся чердаке храма Эстебан Бланкес. Их были сотни. А возможно, и тысячи – злу всегда хватает времени. Они стояли, как лес, как застывшая толпа, каждая в своей позе, но все носили одно и то же имя.

Боль и Страдание навсегда.

А потом зло взглянуло на меня, этот взгляд оказался холоднее, чем самый первый сон о бездне.

* * *

Я не помню, как оказался снаружи. И понятия не имею, почему бездна меня отпустила, а не превратила в одну из статуэток, замороженных и выпитых до донышка на самом краю вечности. Я валялся меж двух мусорных куч, прижимая к груди проклятую книгу, а мой сапог осторожно обнюхивала тощая черная собака.

Одежда была липкой – снаружи от грязи, изнутри от пота. Руки с книгой тряслись, несмотря на то, что я прижимал их к телу. Небо полнилось звездами, чуть в стороне от Картахены висела едва выщербленная луна, заливая зыбким призрачным светом необъятный пустырь и монастырские стены, похожие на клок темноты, упавший с густо-фиолетового неба.

Эстебан Бланкес. Средоточие зла. Которое всегда возвращается, потому что мир полон таких людей, как ты, Мануэль Мартин Веласкес. Который вместо того, чтобы попытаться задержать одурманенного Рикардо Эчеверью, сумел

лишь стать свидетелем его гибели. Даже нет, не гибели – гибель это просто шаг за край, в черноту.

Я вдруг остро понял, что такое рай. Не кущи и не пение ангелов, вовсе нет. Рай – это благо черноты, это шанс не превратиться в статую по имени Боль и Страдание, обреченную на вечность подле зла, а возможность просто исчезнуть во мраке.

Ты не дал этого шанса студенту, Мануэль Мартин Веласкес. И покуда существуют такие, как ты, зло будет возвращаться.

Осознание этой простой истины отозвалось во мне судорожным всхлипом. И одновременно пришло знание. Не обращая внимания на близость собаки, я сел и раскрыл книгу. Сразу на нужной странице.

Ты не можешь прогнать зло. Но отогнать, отогнать на долгое время – можешь.

За жизнь всегда платят жизнью, Мануэль Мартин Веласкес. За страдание – страданием. За предательство – искуплением. Но плата никогда не бывает слишком высокой.

Отгони зло своим именем – отгони как можно на более долгий срок. Чем тверже останется твой дух во время короткого пути к монастырскому храму и крутой лестнице, тем дольше книга будет дремать на полке какого-нибудь книгочея. Пусть ноги слабеют и оскальзываются на мусоре, зато у тебя достанет сил ни разу не оглянуться и не замедлить шаг.

И пусть безмолвный собачий караул будет тому свидетелем – ты ни разу не оглянешься на этом пути.

* * *

Вскоре после рассвета через пустырь-свалку проковыляли два человека. Старый книгочей Хавьер Унсуе и нищий, которого звали Аугустин Муньос. Они направлялись к монастырю.

– Что-то собак не видно, – озабоченно пробормотал книгочей. – Ты же говорил, что тут пропасть собак!

– Не видно – и к лучшему, клянусь девой Стефанией, – беспечно ответил Муньос, при каждом шаге вдавливая в мусор пятку отполированного сотнями рук посоха – обычной деревянной палки. – Никогда мне эти твари не нравились!

Аугустин Муньос предавался мечтам. О том, как он сейчас вынесет из этого странного, но ничуть не опасного места книгу, отдаст ее простофиле-книгочею, получит несколько монеток… А у «Карменситы», где очень дешевое пиво, уже с нетерпением поджидают приятели по Муэрта Фолла…

Наконец виляющая тропинка привела их к обветшавшим

воротам.

– Никого! – с отчетливым удовлетворением объявил Аугустин Муньос. – Я быстро! Да не трясись ты, я тут много раз бывал.

Книгочей неуверенно кивнул. Он до последней минуты надеялся, что по дороге встретит Веласкеса и Эчеверью. Он и сейчас еще продолжал надеяться.

Муньос скользнул в щель между створками и, постукивая посохом о вымощенное камнями монастырское подворье, поковылял ко входу в храм. Вход почему-то напомнил Хавьеру Унсуе ненасытную пасть, Врата Ругиана из книги Айтора Вилларойя «Предел невозможного».

Книгочей вздрогнул от собственных мыслей. Слишком уж зловещим получилось сравнение. А потом он вдруг заметил: вид храма как-то неуловимо изменился. И старый камень поднимающихся к небу голов будто бы посветлел. И кресты вроде бы стали поблескивать на солнце.

Да и покрытые лишайником стены вдруг стали казаться чуть ли не празднично-нарядными.

Хавьер Унсуе медленно-медленно, по-стариковски подволакивая ноги, вошел на монастырское подворье. Ко входу в храм он не стал приближаться. Почему-то его потянуло на зады, за храм, к дальней из скитских башен.

Он шел долго, недоверчиво прислушиваясь к собственным ощущениям. Под ногами сухо похрустывала мелкая каменная крошка.

За храмом Хавьер Унсуе обернулся и еще раз поглядел на изменившееся сердце монастыря Эстебан Бланкес. На храм в центре подворья.

И вдруг понял, что изменилось.

Голов у храма теперь было не семь, а восемь. Маленькая, всего по пояс, башенка из кремового камня возносила на уровень человеческой груди такой же маленький купол, увенчанный алонсовским крестом. Отчего-то Хавьеру Унсуе подумалось, что она очень похожа на молодой древесный побег, который со временем вырастет и потемнеет.

Но эта мысль мелькнула и исчезла, едва старый книгочей увидел под маленьким куполом ослепительно белую надпись – еще ослепительно белую, не успевшую потемнеть от времени, как на других, уже выросших головах храма Эстебан Бланкес.

Три слова. Имя.

Мануэль Мартин Веласкес.

– Эй, книгочей! – закричал от входа в храм Аугустин Муньос. – Ты где? Получай свою книгу!

Но Хавьер Унсуе не услышал этого зова. Прижав руки к

сердцу, он медленно осел на древние камни монастырского подворья и мертвыми невидящими глазами вперился в небо над окраиной Картахены.

© Март 1998

Николаев – Москва

Скромный гений подземки
Фантастический рассказ-диптих

Часть первая, почти не фантастическая
Станция «Маросейка»

Глебыч в этот вечер поддал крепенько. Не до полного свинства, как иногда, увы, случается и с самыми достойными людьми, – только до блаженной улыбки, восхитительно нетвердой походки и того неповторимого состояния души когда любишь весь этот скотский мир, невзирая на всю его неоспоримую скотскость. В метро Глебыча пустили, в общем-то, без эксцессов, хотя бабуля на входе глянула с укоризной, а молоденький милиционер с некоторым сомнением в голосе и позе осведомился:

– Куда ехать-то помнишь, гуляка?

– Обжаешь, слживый! – максимально бодро ответил Глебыч, глотая половину гласных. Хотел было рукой махнуть, бесшабашно эдак, но вовремя спохватился: не хватало еще потерять равновесие и растянуться на выложенном плиткой полу, между турникетами и милицейскими ботинками. – «Измйлвский Прк», дже бз прсадок! Пследний вгон, чтоб к выхду пближе!

– Ну-ну… – пробурчал милиционер без энтузиазма. – Ладно, ступай… Не усни только. Если доедешь до Щелчка – оттуда уже не отпустят.

Глебыч благоразумно смолчал и осторожно зашагал к эскалатору по довольно замысловатой синусоиде, но в общем и целом уверенно.

Садился он на «Арбатской», так что ехать действительно предстояло без пересадок, что в его положении являлось безусловным плюсом. К тому же было уже сильно за полночь и на переход легко можно было и не успеть. Учитывая возвышенное состояние.

Поезд пришел очень удачно – буквально через минуту после того, как Глебыч плюхнулся на ближнюю к концу платформы скамейку. Благополучно погрузившись в последний вагон, Глебыч подумал: «Эх, чего бы в Москве без метро народ делал? До утра добирался бы, ей-ей…»

Поезд тронулся. Под мерное покачивание Глебыч не боялся уснуть: покачивание вагона убаюкивало, но почему-то никогда не усыпляло, не то что качка на воде. На какой-нибудь лодчонке или теплоходе Глебыч мог отключиться в пять минут, но в метро – никогда. Проверено годами.

Примерно посередке перегона «Площадь Революции» – «Курская» поезд почему-то пошел тише, а потом и вовсе

остановился.

«Во! – Глебыч порадовался собственной мудрости, когда не поленился дойти до «Арбатской». – Точно на переход не успел бы!»

Тот факт, что в противном случае пришлось бы ехать по другой ветке, где поезд совсем не обязательно стоял бы какое-то время в тоннеле, от внимания цинично ускользнул.

Стояли долго, несколько минут. А потом во всех вагонах неожиданно погасли лампы, только жиденький свет аварийного осветителя где-то позади на стене тоннеля позволял видеть хоть что-нибудь. Особенно после того как глаза привыкли к темноте.

Кроме Глебыча в вагоне ехали только двое парней с пивом и среднего возраста военный, читавший газету в противоположном от Глебыча углу. Без света ему, понятно, стало не до чтения – было слышно, как он нервно шелестит своим «Спорт-экспрессом».

Глебыч, по-прежнему совершенно не расстроенный задержкой, обернулся и поглядел наружу, в неверную тьму. На миг ему показалось, что тьма за стеклом стала чуток плотнее, нежели в вагоне.

А потом…

Тьма словно на самом деле сгустилась за окном, совсем рядом, и внезапно рывком перескочила из тоннеля в вагон, окутав Глебыча, поглотив его. Стало трудно дышать.

Очнулся Глебыч только за «Электрозаводской». Военного с газетой в вагоне уже не было; двое парней как ни в чем не бывало дули свое пиво; добавился мрачный тип, похожий на скорого кандидата в бомжи, но пока еще не докатившийся до соответствующего состояния одежды и внешности. В ушах эхом отдавался голос дикторши: «Осторожно, двери закрываются, следующая станция – «Семеновская».

Глебыч потряс головой. В голове было гулко и пусто. Неужели все-таки уснул? Быть не может!

Секундой позже Глебыч сообразил, что хмель из его организма непостижимым образом улетучился и нынче он трезв до сквозняка из уха в ухо.

На «Измайловском парке» он совершенно твердой походкой покинул вагон и в состоянии легкой ошарашенности поднялся по лестнице. Вышел из вестибюля под открытое небо, поглядел на тусклые фонарики звезд, вдохнул ночного воздуха.

«Чудеса! – подумал Глебыч малость растерянно. – Протрезвел!»

Уже дома, минут через пятнадцать, он обнаружил в кармане куртки прямоугольничек плотной бумаги, которого еще на «Арбатской» там не было.

Визитная карточка. Плотная, черная, глянцевая. С золотистыми надписями: по центру – «Гений подземки»; ниже – «Москва», еще ниже, мелким шрифтом – «Арбатско-Покровская линия».

И все. Ни адресов, ни телефонов.

– Чертовщина какая-то! – пробормотал Глебыч уже вслух и задумчиво опустился на обувную тумбу.

Визитка осталась на ней же до утра.

Уснул Глебыч почти сразу, едва разделся и повалился на широкий раскладной диван.

* * *

О визитке он вспомнил только когда обувал утром любимые туфли-«вездеходы». Черный прямоугольничек мирно соседствовал на тумбе рядом с совочком для обуви, в свое время позаимствованным из гостиницы «Нарва» в Белозерске. Визитку Глебыч не тронул, так и ушел, оставив ее на прежнем месте.

И на следующий день не тронул. И днем позже. И неделей.

Только спустя почти месяц, когда на тумбе накопилось слишком много всякой бумажной мелочи наподобие использованных карточек для метро или типографского спама, щедро насыпаемого распространителями в почтовые ящики московских домов, Глебыч сгреб этот ворох и пошел к рабочему столу, разбирать. Несколькими минутами позже карточка нашла новое пристанище – в стопочке визиток за стеклом книжного шкафа.

* * *

Вскоре Глебыч и думать забыл о странном происшествии в метро и какой-то там визитке. Жизнь катилась по накатанной колее: статьи, редакция, гонорары, редкие походы с приятелями в баню или на стадион, телевизор, пивко под «ЦСКА-Локомотив» или, к примеру, «Реал-Манчестер Юнайтед». Жизнь лишь изредка преподносила Глебычу сюрпризы, да и немногие знакомые от него никаких сюрпризов не ждали. Он был существом очень обыденным и негероическим, к чему привык с детских лет и никогда не пытался перебороть свою одинокую планиду.

В угрюмую ноябрьскую пору, когда мир сер и слякотен и на улице находиться совершенно не хочется, Глебычу пришлось посреди дня заскочить в редакцию – нужно было срочно вычитать

важный материал, причем в распечатке, а не в файле. Много времени это не заняло, но день был безнадежно растрачен: в Москве планировать больше одного выездного дела бессмысленно, все равно не успеешь. Глебыч собирался с утра пошарить в интернете: вырисовывалась интересная статья и стоило восполнить пробелы в знаниях. А после обеда рассчитывал наварить борщу, позвать соседа Витьку и усидеть предпраздничную бутылку «Гжелки», каковую Глебыч у Витьки же и выиграл недавно на спор. Но позвонил ответсек и замечательный план рассыпался, как старый шалаш в бурю. Пришлось одеваться, выходить из дому в промозглый ноябрь, брести к метро…

Правда, из редакции Глебыч возвращался с уже улучшающимся настроением: похоже, борщу наварить он все-таки успевал, причем успевал даже завершить сие священнодейство в достаточно разумное время, чтобы их с Витькой посиделки Витькина жена не обозвала «ночным кукованием».

Да и вообще, домой возвращаться всегда приятнее, чем уезжать.

Короче, стоял Глебыч у края платформы на «Пушкинской» и предвкушал. Из темного зева тоннеля потянуло ветерком – приближался поезд, уже и свет фар замерцал.

И тут на рельсы свалился ребенок – пацан лет трех-четырех в неуклюжем комбинезоне-дутыше, купленном явно на вырост. Момент падения Глебыч пропустил, вдруг глянул и обомлел: пацан на рельсах и визг тормозов накатывается.

Дальнейшее произошло само по себе: ни подумать, ни испугаться Глебыч не успел. Он как-то очень просто и естественно оказался рядом с малышом, сцапал его экономным и выверенным движением (и откуда что взялось?) за воротник, выпихнул наверх, в толпу, сам подпрыгнул, налег грудью на платформу, ухватился за чью-то протянутую ладонь и через несколько мгновений почувствовал ощутимый удар по ноге – это был привет от не успевшего затормозить поезда. Но Глебыч, равно как и пацан, были уже в безопасности. От тычка Глебыч просто опрокинулся с четверенек на бок, но никаких повреждений не получил, даже больно не было.

Что тут началось! Мамаша, белая, как привидение, что-то шептала, одной рукой прижимая к себе пацаненка, другой судорожно вцепившись Глебычу в рукав. Пацаненок ревел белугой. В толпе кто-то возился и истошно вопил: «Это он, он ребенка толкнул!» Кто-то хлопал Глебыча по плечам, попеременно по правому и левому. Потом машинист прибежал – глаза квадратные. В центральном зале раздавалась звонкая трель

свистка и чей-то авторитетный голос требовал: «Пройти дайте! Посторонись!»

Поминали милицию, которая по идее вот-вот должна была появиться.

Мамаша наконец отпустила рукав Глебыча и прижала сына к себе. Тот все орал, но уже заметно тише. Глебыча шатнуло, кто-то тут же громко произнес: «Дайте ему сесть!»

Глебыч быстро оказался у лавочки, но тут толпа колыхнулась – в проход протискивался милиционер. И как-то незаметно Глебыча вынесло на самую середину зала; почему-то никто на это внимания не обратил, хотя еще секунду назад локальным центром вселенной являлись мамаша, спасенный и спаситель.

А окончательно в себя Глебыч пришел в переходе: с «Пушкинской» он зачем-то отправился на «Чеховскую». Лица вокруг были сплошь незнакомые. Похоже, от разборок и нового потока благодарностей удалось благополучно ускользнуть, чему Глебыч был, в принципе, рад, поскольку от недавнего шепота мамаши чувствовал необъяснимую неловкость. Поэтому он уже целенаправленно перешел с «Чеховской» на «Тверскую» и стал ждать поезда до «Театральной».

А потом с немалым удивлением спросил себя: а чего это он, спрашивается, торчал сегодня на «Пушкинской»?

Всю жизнь, сколько себя помнил, Глебыч ездил домой естественным и рациональным способом: «Тверская» (ранее – «Горьковская») – «Театральная», вперед по ходу поезда, пересадка на «Площадь Революции» (длинные эскалаторы, на которых всегда хорошо читалось) и прямехонько домой, до «Измайловского парка».

Сегодня Глебыч почему-то решил проехать от «Пушкинской» до «Таганки», там пересесть на кольцо, проехать одну остановку до «Курской» и на родимую Арбатско-Покровскую перейти только там, поскольку прямой пересадки с фиолетовой ветки на темно-синюю в природе не существовало.

Но почему он так решил – Глебыч не понимал напрочь. Неудобный же маршрут, две пересадки! Зачем? И ведь если бы не это нелепое решение – так и не увидел бы Глебыч малыша на рельсах. И кто знает, что бы с тем стало в этом случае? Нашелся бы кто-нибудь, кто не побоялся бы прыгнуть с платформы на помощь?

Впрочем, при чем тут «не побоялся»? Можно подумать, Глебыч раздумывал – боится он или не боится. Прыгнул, ничего не соображая, и все. Хорошо еще, что мальчонку успел отбросить и сам вылезти на платформу успел. Мог бы и не успеть…

Но об этом думать совсем уж не хотелось.

Домой он добрался пришибленный, Витьке звонить не стал, откупорил «Гжелку» как был, в куртке и сапогах, и залпом засадил почти полный стакан.

Нельзя сказать, что Глебычу полегчало: ему не было плохо и до стакана. Но стало определенно лучше.

А когда Глебыч с легким стуком утвердил пустой стакан на столе и утробно крякнул, обнаружив, что рядом с бутылкой «Гжелки» на скатерти лежит визитка Гения подземки. Как она переместилась с полочки шкафа на кухню Глебыч снова-таки не выяснил, ни в первые минуты, ни потом. Он просто взял ее со стола и сунул во внутренний карман куртки, рядом с паспортом.

«На счастье», – подумал он.

Борщу в этот день (а точнее вечер) Глебыч все-таки не наварил, но совсем не расстроился из-за этого. Тем более что назавтра узнал: Витек и жена его ненаглядная все равно с трех часов дня и до часу ночи пробыли в гостях.

* * *

К утру Глебыч окончательно успокоился, мандраж сошел на нет, осталось только неожиданно светлое чувство удовлетворения своим поступком, пусть даже ненамеренным и спонтанным. И утренний звонок из редакции его совершенно не расстроил. Снова предстояло ехать в центр, но за окнами, не в пример вчерашнему, светило солнце и настроение попросту не желало ухудшаться. А тут еще звякнул Сева Баклужин, сказал, что готов прямо сейчас заехать и завезти долг. Глебыч, разумеется, не возражал.

Удачи накладывались одна на другую: Сева, оказывается, ехал на Белорусскую и мог подбросить Глебыча на своей лихой «Субару» чуть ли не до дверей редакции. По дороге они умудрились не вляпаться ни в единую пробку, проклятие автомобильной Москвы. Работа в итоге оказалась плевая, Глебыч справился с нею буквально за час. Перед самым его уходом сотрудникам стали выдавать давно обещанную премию, так что (если учитывать и возвращенный Севой должок) из редакции Глебыч выходил с весьма туго набитым бумажником. По пути к метро он прикидывал (раз уж завелись деньги), чего в ближайшее время прикупит: музыкальный центр или новый монитор. В принципе, хотелось и того, и того.

Немного не дойдя до Пушкинской площади, Глебыч неожиданно завернул в «Елки-Палки», отведал «Тамерлана» под пиво и совсем уж в благодушном настроении наконец-то

спустился в метро. На этот раз он следовал вполне логичным и естественным маршрутом, через «Театральную» и «Площадь Революции».

Перейдя на родимую ветку, Глебыч успел вклиниться в толпу, которая мерно втягивалась в открытые двери одного из центральных вагонов. Пассажиров было действительно много, даже до поручней дотянуться толком не удалось. Да и в вагон уместились не все, кое-кто остался на платформе.

«Надо будет на «Курской» пересесть ближе к хвосту, – подумал Глебыч с ленцой. – Если удастся…»

Створки дверей с характерным звуком схлопнулись.

«Осторожно, двери закрываются, – запоздало объявила дикторша, – следующая станция – «Маросейка», пересадка на станции «Китай-город» Калужско-Рижской и Таганско-Краснопресненской линий».

Долгие несколько секунд Глебыч соображал – что же это значит? Потом боязливо покосился на соседей.

Тех, казалось, ничуть не смутило объявление дикторши, словно станция «Маросейка» действительно существовала. Но Глебыч прекрасно помнил, что никаких станций между «Площадью Революции» и «Курской» нет и никогда не было.

Совершенно сбитый с толку, Глебыч вывалился из вагона на станции «Маросейка». Станция как станция – гранит, мрамор, панели с филигранной резьбой, колонны, помпезные сталинские светильники, в центре зала – небольшая скульптура на постаменте, изображающая Богдана Хмельницкого верхом и с булавой в руке. В восточном торце – длинный эскалатор, выход в город, на Маросейку и переулки Армянский и Старопосадский; в западном – эскалатор на спуск; однако, если верить указателю, он тоже выводил в город, на улицу Маросейка и Лубянский проезд; одновременно он вел на пересадку. Видимо, выход на поверхность был устроен через станции «Китай-город». Глебыч отправился на разведку – спустился и оказался в хорошо знакомом вестибюле, причем появился Глебыч из того места, где раньше имелась глухая стена и бюст Ногина перед нею. Бюст теперь стоял у другой стены, справа, посредине между залами «Китай-города». Если пройти прямо, можно было выйти из метро, на Старую и Новую Площади, или на ту же Маросейку, или на Лубянский проезд. Но Глебыч выходить не стал, свернул на ближний к нему «Китай-город»; потом перешел на второй.

В обоих залах «Китай-города» все оставалось как обычно, за исключением, разве что, дополнительных надписей на указателях. Везде, на любой табличке, станция «Маросейка» значилась между «Площадью Революции» и «Курской», словно

существовала на Арбатско-Покровской линии изначально. И никто, ни единый человек не удивлялся существованию этой станции, кроме, разве что, Глебыча.

Видимо, он действительно привлекал внимание, бесцельно бродя по станции, потому что вскоре в зале появился милиционер, нечувствительно возник на пути и потребовал документы. Глебыч предъявил и паспорт с регистрацией, и журналистское удостоверение.

– А, – понимающе протянул милиционер, возвращая документы. – Материал для статьи собираете? Что ж, удачи, удачи…

Он козырнул.

– Скажите, – по возможности непринужденно справился Глебыч, – а давно вы на этой станции работаете?

– Да лет пять уже, – милиционер поправил фуражку и с интересом поглядел на Глебыча. – А что? Что-нибудь криминальное описать хотите?

– Нет-нет, я больше по истории и архитектуре, – торопливо увильнул Глебыч. – Да и пора мне уже! До свидания.

К платформе как раз подошел поезд, направляющийся к «Курской».

Глебыч шмыгнул в вагон, тоже набитый достаточно плотно, и принялся настойчиво протискиваться к схеме у соседних дверей.

Наверное, у него был вид человека, которому действительно крайне необходимо взглянуть на схему метро, потому что люди уступали дорогу на удивление безропотно, без косых взглядов и дежурного мата вполголоса.

Схема как схема – сколько раз Глебыч такие видел. И в метро, и на улицах, и на календариках, и на рекламных буклетах. Все привычно. Линии, станции. Вот только узел на «Китай-городе» действительно трехстанционный. Кроссплатформенная пересадка с рыжей на фиолетвую ветки и обратно, и станция «Маросейка» рядом.

Больше никаких отличий от того, что хранилось в памяти, Глебыч не нашел. И до Измайловского парка доехал совершенно как обычно, хотя озирался при этом, наверное, как марсианин. Уже на улице около метро у него снова проверили документы, а ушлые тетки с бэджами дважды предложили номер в гостинице.

Глебыч иногда почитывал фантастику и с термином «альтернативная история» был неплохо знаком. В принципе, он видел случившемуся лишь два объяснения: либо приключилось банальное сумасшествие, когда видишь то, чего нет, либо его неким невообразимым образом засосало в параллельную реальность, где станция «Маросейка» действительно существует.

Но тогда в окружающем должны быть и иные детали, отличные от привычной Глебычу реальности. Потому он и озирался, собственно.

И одновременно, холодея, осознавал: насколько же мало внимания мы обращаем на окружающий мир! Вот, к примеру, рекламный плакат у дороги. Что было на нем изображено вчера? Глебыч дважды проходил мимо, но не помнил даже, какого цвета этот плакат. Сейчас на плакате красовался космонавт в скафандре на фоне половинки земного шара, а также две гигантских пачки сигарет «Союз-Аполлон», синяя и белая. Надпись гласила: «Знай наших!» В самом низу еще имелась строка, предупреждающая о вреде курения.

Как назывался цветочный павильон рядом с троллейбусной остановкой? Сейчас – просто «Цветы». А вчера? Вроде бы «Букет». Или тоже просто «Цветы»?

Был ли чуть в стороне от дороги квадратный раскоп, огороженный кокетливой полосатой ленточкой? А надпись на заборе – вот это небрежное «Россия для русских!!!» – была?

Впрочем, надпись – дело дурное, а потому нехитрое. Ее в любом мире сначала вроде нету-нету, а потом в одночасье: бац – и есть.

В общем, к дому Глебыч подходил вконец издерганный, поскольку ни единого внятного отличия обнаружить не сумел. Однако на всякий случай приготовился к самому ужасному: к тому, что в его квартире живет некто посторонний, причем живет давным-давно и вполне счастливо. И слыхом никогда не слыхал о каком-то там Глебыче из реальности, где нет станции метро «Маросейка».

Однако страхи оказались напрасными. Уж свою-то дверь Глебыч мог описать чуть ли не по квадратному сантиметру, от еле заметных силуэтов некогда наклеенных, а позже бесстыдно спертых какими-то крохоборами циферок – номера квартиры – до надорванного (после заноса негабаритного дивана) дерматина на уровне колен. И звонок свой, родной, на одном шурупе, но тем не менее незыблемый, как Монблан или Майкрософт. И ключи подошли к замкам. И внутри все было до боли знакомое и родное – мебель, пыль, запахи.

Кое-как переодевшись в домашнее, Глебыч еще долго шастал по квартире в надежде отловить какую-нибудь подозрительную мелочь.

Тщетно.

Потом возникла мысль о телевизоре, и несколько долгих часов Глебыч терзал пульт, выискивая на многочисленных каналах новости или иные информационные передачи, способные

подтвердить его опасения. И снова ноль – убери из сегодняшнего дня станцию «Маросейка», мысли об альтернативном мире никогда не пришли бы Глебычу в голову.

Когда к телевизору он охладел, возникла следующая мысль: интернет! И не что-нибудь, а www.metro.ru! Вот что может пролить свет на сегодняшние чудеса!

Компьютер, как назло, грузился лениво и долго. И на «Юникорн» было не дозвониться – лишь через четверть часа линия капитулировала и отдалась модему. И сайт грузился так, словно на него именно сейчас ломанулся весь компьютеризированный мир и укупорил канал плотнее плотного.

Но все же в конце концов Глебыч выяснил, что станция «Маросейка», оказывается, проектировалась и была запущена вместе с соседними «Площадью Революции» и «Курской» в далеком 1938 году, причем задел на будущее сопряжение с тогда еще безымянными станциями сразу двух линий на площади Ногина (или как там она называлась в тридцать восьмом?) был оставлен загодя и частично расконсервирован лишь в 1970-м, а окончательно – в 1975-м, с пуском соответствующего участка Таганско-Краснопресненской линии. Станция «Маросейка» значилась как одна из немногих старых станций, не имеющая наземного вестибюля. Точнее, вестибюль пришлось встроить в одно из исторических зданий на углу Маросейки и Большого Спасоглинищевского переулка.

В растрепанных и смешанных чувствах Глебыч отошел ко сну.

* * *

Проснувшись, Глебыч долго прикидывал – приснились ему вчерашние непонятки или же он помалу сходит с ума. В глубине души он прекрасно сознавал: нет, не приснились. И все же не удержался, как был, в футболке и семейных, в цветочек, трусах (невзирая на то, что семьи у него никогда не было и не предвиделось) шастнул к компьютеру и поставил диалер на дозвон в интернет, а сам покуда удалился в сторону совмещенных удобств: зубы чистить и все такое прочее.

Когда Глебыч вернулся, компьютер уже установил связь. Медленную, как всегда днем, всего на девятнадцать двести. Но этого вполне хватало, чтобы по сохранившейся вчерашней ссылке загрузить нужную страницу с metro.ru.

Надежды его были напрасны. Станция «Маросейка» упрямо вросла в привычный мир, пустила корни, глубокие, как у саксаула, и исчезать ни разу не собиралась.

И тогда Глебыч немного даже рассердился:

«И чего это я? Если схожу с ума – беспокоиться поздно. Плюнуть и принять! Тем более, удобная же станция, к Баклужину на «Алексеевскую» теперь будет куда сподручнее ездить, да и вообще… Скольким людям она жизнь облегчит? Тысячам? Даже нет – миллионам! Метро, говорят, за сутки девять миллионов пассажиров по Москве растаскивает туда-сюда. Вот пусть и радуются! А я буду просто жить! И тоже радоваться, вместе со всеми! А в будущем году «Парк Победы» откроют – тут радость вообще через края польется!»

Единственное, что чуточку портило тщательно выстроенную благолепную картину – непонятная черная визитка и особенно обстоятельства ее появления у Глебыча, а также некоторые ее подозрительные свойства, связанные с умением самостоятельно возникать то там, то сям…

В общем, бодрясь по возможности, Глебыч сварганил себе легкий завтрак, сжевал его, пересчитал содержимое бумажника и заначки, покумекал малость, отделил некоторую сумму и отправился на Семеновскую, покупать музыкальный центр.

Спешить Глебыч не стал, неторопливо обошел три магазина – «Техносилу», «Эльдорадо» и «М-видео», поизучал модели, прикинул цены и наконец остановился на компактном «Самсунге», исключительно потому, что тот понимал mp3-диски, составлявшие немалую часть его фонотеки, и стоил меньше трехсот баксов. Остальные модели с mp3 тянули больше четырехсот.

Продавец Глебычу не то чтобы не понравился… Вроде и не тормозил особо, и на вопросы ответил довольно внятно, но как-то без огонька, без радушия, будто бы нехотя, с презрением. Так же нехотя выписал квитанцию. Глебыч пошел оплачивать; потом ему продемонстрировали работоспособность, шмякнули штамп на гарантийный талон, упаковали все корейское добро и положенные к нему причиндалы, и отправился он домой в смешанных чувствах.

В смешанных, потому что центр стоил восемь триста тридцать восемь в рублях, а продавец на квитанции написал три восемьсот тридцать восемь. И Глебыч это заметил в первую же секунду.

Но смолчал. Сам толком не понимая почему. Полагал, ошибка быстро выяснится, он спокойно доплатит недостающие четыре с половиной тысячи. Когда уже вышел за двери магазина, прошел метров двадцать, запнулся было, едва не поддался порыву пойти и честно заплатить.

Но потом подумал: а какого черта? Продавец этот чем-то

недовольный… Это его, продавца, работа, в конце концов, – быть внимательным. Глебыч вовсе не обязан следить за его работой и указывать на ошибки. Ошибся – сам и виноват!

И пошел Глебыч домой. Не оборачиваясь и не замедляя шага.

Но червячок его все-таки грыз, ведь, в принципе, Глебыч был человеком честным. Даже мусор бросал только в урны, потому что хотел видеть родной город чистым и незагаженным, хотя вместе с тем прекрасно понимал: его «души прекрасные порывы» многомиллионной Москве совершенно до лампочки, и чище она от Глебыча принципов не станет ни на йоту.

Вдобавок неправедным путем сэкономленные почти полторы сотни баксов позволяли без напряжения приобрести взлелеянный в мечтах новый монитор прямо сейчас. Или, точнее, уже завтра, потому что Баклужину нужно было звонить с утра – евойного сына-железячника, коий последнее время трудился в одной из бесчисленных гнездящихся на ВДНХ компьютерных фирм, можно было запрячь на покупку только до десяти часов или вечером: пользоваться мобильником или служебным телефоном в личных целях на упомянутой фирме сотрудникам почему-то категорически возбранялось.

В общем, Глебыч возился потихоньку со свежекупленным центром, подключал все, устанавливал, читал руководство, знакомился с управлением и возможностями, дивился непривычным функциям, учился программировать воспроизведение, манипулируя многочисленными кнопочками, проверял, читает ли этот хваленый «Самсунг» RW-диски… Незаметно для себя он увлекся и думать забыл о некрасивом своем поступке в магазине.

Вечер тоже пролетел незаметно: интернет, материал для очередной статьи, звонок Севе Баклужину и разговор с его сыном о завтрашней покупке, вполне успешный и многообещающий разговор, ужин, чай, телевизор, заведенный на десять будильник, сон.

Утро тоже прошло как по накатанному; вчерашний червячок куснул только однажды, когда Глебыч снова отсчитывал деньги, но вскоре шевелиться перестал и затих. Скорее всего, окончательно и бесповоротно.

Глебыч добежал до метро, купил свежий «Спорт-экспресс», в который и поспешил уткнуться в вагоне.

«До «Маросейки», а там на «Китай-город!» – с подъемом подумал он и погрузился в перипетии очередного тура российского чемпионата, в этом году обещавшего довольно занятную интригу.

От газеты Глебыч оторвался только после того, как двери на

«Курской» захлопнулись и диктор поведал что-де следующая – «Площадь Революции».

– Что такое? – удивленно пробормотал Глебыч, поднимая голову. – Чего, на «Маросейке» остановки нет?

Поезд с грохотом втянулся в тоннель.

Сосед поглядел на Глебыча как на больного и демонстративно отвернулся. А Глебыч скосил глаза на схему, к которой стоял боком. Потом медленно повернулся к ней лицом, чувствуя, как в груди разрастается неприятная пустота.

Он увидел хорошо знакомый вариант схемы. Без станции «Маросейка». Тот, с которым соседствовал всю сознательную жизнь, за исключением вчерашнего дня.

До Площади Революции Глебыч доехал как в тумане. Вышел, растерянный и обескураженный, не зная, куда идти и что думать. Вышедшие вместе с ним пассажиры торопливо рассасывались с платформы кто куда.

Лишь когда платформа ненадолго опустела, Глебыч заметил его. Высокого подтянутого парня в джинсах и кожаной куртке, пристально глядящего прямо на Глебыча. Он стоял, привалившись плечом к скульптуре матроса с наганом – почему-то внимание Глебыча на миг сфокусировалось именно на этом нагане с отполированным до блеска стволом. Вся скульптура была темной от времени, а ствол нагана – блестел.

Когда взгляды Глебыча и парня встретились, тот шагнул навстречу, раз, другой. И подошел вплотную.

Первое, что бросилось Глебычу в глаза – черный бэдж с золоченой надписью. «Гений подземки. Москва». Только линия была указана Калужско-Рижская. Та самая, на которую теперь с родимой Арбатско-Покровской напрямую не пересесть. Знакомая визитка была вставлена в пластиковую оболочку с булавкой наподобие тех, что носят сотрудники солидных фирм или настырные тетки-посредницы у Измайловских гостиниц. И носил ее парень так, будто это был не бэдж с визиткой, а по меньшей мере орден Славы или медаль Героя России.

Глебыч несмело прижал руку к нагрудному карману, где лежали его паспорт и визитка. Его, по всей видимости, орден. Прижал – и так же несмело поднял глаза.

Парень глядел на него сверху вниз, в упор, пристально и вместе с тем укоризненно, даже презрительно. Долго глядел. Странно, но окружающие совершенно не обращали внимания на достаточно необычно ведущую себя парочку в самом центре платформы, словно Глебыча с парнем окутывала вуаль невидимости.

Парень шевельнулся. Прищурил один глаз, то ли устало, то

ли разочарованно, то ли и то и другое вместе.

– Эх, ты, – процедил он негромко. – А я уж было подумал…

А потом повернулся и пошел прочь, туда, где останавливается головной вагон. Люди невольно уступали ему дорогу. Где-то там, у выпуклого зеркала или даже дальше, Гений подземки с Калужско-Рижской линии словно бы растворился, исчез без следа, и Глебыч почему-то этому ничуть не удивился.

Только спустя долгую минуту он проглотил неприятный комок в горле и медленно-медленно отнял руку от кармана. И тоже пошел. На противоположную платформу.

И люди расступались перед ним.

Часть вторая, почти не реалистическая
Гений подземки

От наземного вестибюля Семеновской до магазина бытовой техники Глебыч несся так, словно опаздывал на самолет. Лишь в магазине он поумерил пыл, попытался придать себе вид естественный и солидный и, стараясь ступать твердо и независимо, направился к отделу, где покупал вчера злополучный «Самсунг». Там Глебыч некоторое время озирался в поисках вчерашнего неприятного продавца, но того нигде не было видно. Зато миловидная девчушка в униформе моментально оказалась рядом:

– Добрый день, вам чем-нибудь помочь?

Глебыч взглянул на ее простую и неискусственную улыбку и внезапно успокоился. Разом. Судя по бэджу, девушку звали Машей и работала она менеджером отдела.

– Да, помогите, пожалуйста, – у Глебыча даже голос не дрожал, чего он втайне опасался. – Видите ли, в чем дело, я вчера купил у вас музыкальный центр, и мне, по-моему, неправильно указали цену. Я заплатил на четыре с половиной тысячи меньше…

– А, я понимаю, о чем вы говорите! «Самсунг» модели…

– Да, «Самсунг», – перебил Глебыч, потому что номер модели, откровенно говоря, не запомнил. – У вас есть продавец парень, такой… неторопливый.

– Уже нет, – сообщила девушка с некоторым сожалением. – Он уволен.

– Уволен? – упавшим голосом повторил Глебыч. Такого поворота он совершенно не ожидал. Хотел просто доплатить деньги, чтобы парню не нагорело из-за этого злосчастного «Самсунга», и вдруг – уволен!

– Да, уволен. Внимательным обязан быть продавец, а не клиент. Это ошибка продавца, не ваша. И деньги уже высчитаны из его зарплаты, так что вам не нужно ничего доплачивать. Спасибо, что пришли, может быть, еще что-нибудь купите?

Глебыч низко опустил голову, чтобы Маша не увидела его растерянного лица.

– Нет, наверное, не сейчас…

– Приходите еще! – девушка улыбнулась, Глебыч видел это, даже уставившись в пол.

Все-таки это не была дежурная улыбка. Наверное, Маше действительно нравилось работать в большом магазине и

беспрерывно разговаривать с новыми людьми.

На следующий день после все изменившей встречи в метро позвонил сынуля Севки Баклужина и довольно развязно поинтересовался: будет Глебыч покупать монитор или где?

– Не буду, – тихо, но твердо ответил Глебыч. – Извини, не получается. И что вчера не пришел и не перезвонил – извини.

Голос Баклужина-младшего стал серьезнее:

– Дядя Олег, случилось что?

– Случилось, Максим. Но я сам справлюсь. До свидания. Извини еще раз…

Целую неделю Глебыч был угрюм, мрачен и нелюдим. Хорошо, что в редакции не нашлось работы, которая требовала бы его непосредственного присутствия. Глебыч писал статьи дома и отсылал их электронной почтой. На улицу он выходил всего дважды, оба раза в магазин напротив подъезда, за продуктами.

Глебыч много думал о произошедшем. Неужели между появлением и исчезновением станции «Маросейка» и его поступками существует какая-то мистическая связь? Бред ведь, сказки, небывальщина! Фантастика! Но если вспомнить слова того парня, Гения Калужско-Рижской… Глебыч глядел на черную визитку, которую по его примеру вставил в бэдж, оставшийся с прошедшего киносеминара, поверх листка со своей фамилией и названием журнала. Он знал, что когда выйдет из дому и направится к метро, приколет бэдж к свитеру.

Почему-то Глебычу хотелось, чтобы Гений Калужско-Рижской не думал о нем плохо.

* * *

Через неделю все-таки пришлось выходить из дому дальше магазина и ехать на церемонию вручения очередных премий за очередные заслуги. Глебыч частенько бывал на подобных мероприятиях. Узкий замкнутый мирок профессионалов в какой либо области, украшенная сцена, конферансье, речь, приз, вручение, жиденькие аплодисменты, полнящиеся завистью глаза в зале… Потом фуршет, бутерброды, водка, пьяные разборки и блевотина по углам. Бомонд, чтоб его.

Подобные мероприятия Глебыч не любил, но регулярно посещал по профессиональной надобности. Представители десятков замкнутых мирков уже несколько лет как здоровались с ним – примелькался, видимо.

Сегодня ехать предстояло на Таганку, в ресторан «Семь пятниц».

«Надеюсь, никакой гадости я за последнее время не совершил, – мрачно думал Глебыч, ныряя под мост окружной железки, – и станция «Измайловский парк» никуда не делась. Равно как и «Таганская-радиальная»…»

«Измайловский парк» обнаружился на месте. И наземный вестибюль, и все остальное.

Бэдж с визиткой, конечно же, был загодя приколот к свитеру.

Держа в руке карточку, Глебыч подошел к крайнему левому турникету, рядом с будочкой бабули-дежурной. Не успел он сунуть карточку в щель, как на турникете зажегся зеленый глазок.

Глебыч насупился.

«Ну, вот… опять халява… Не пойду, заплачу, как положено», – подумал он сердито.

Но бабуля вдруг обратила к нему широкое румяное лицо и приветливо улыбнулась, что работникам общественных мест, в общем-то, не свойственно:

– Проходите-проходите! Вам можно! И о карточках можете забыть… пока вы наш Гений.

Глебыч с сомнением поглядел на нее. И вдруг понял: ему действительно можно. Более того – нужно.

Он кивнул бабуле и смело вошел на станцию.

Что-то изменилось. Звуки: – они стали объемнее, четче, выпуклее. И их стало больше. Глебыч слышал, как поскрипывают металлические конструкции над лестницами, как звучат шаги каждого из пассажиров, как урчит и щелкает позади электронная и механическая начинка турникетов. Как с шорохом падают в урну использованные карточки.

В зале, вроде бы, стало светлее чем обычно. Бронзовая Зоя Космодемьянская определенно улыбалась Глебычу как своему. Глебыч чувствовал, что на левой стене ближе к центру зала вот-вот отвалится одна из мраморных плиток, и что у зеркала в конце платформы помутнели верхние уголки, и что одна из лампочек среднего пути (внизу, над контактным рельсом) не горит…

Ощущения были очень странные и вместе с тем очень естественные. Нужно было просто к ним привыкнуть.

С «Измайловской» как раз прибыл поезд; Глебыч наладился было в переднюю дверь переднего вагона, но тут из кабины выглянул машинист.

– О! – сказал он. – Привет. Заходи.

Глебыч нерешительно замялся.

– Это ж, вроде, запрещено…

– Пассажирам – запрещено, – подтвердил машинист со смешком. – Но не тебе же!

Он протянул руку:

– Я – Петро. Заходи, давай!

Глебыч на мгновение зажмурился, а затем вошел в кабину поезда метро. Впервые в жизни.

Поздоровался с помощником машиниста, с нескрываемым любопытством обозрел приборы и органы управления.

Выглядели они загадочно.

«Интересно, – подумал Глебыч. – По идее, мне придется во всем этом разобраться…»

Вид несущегося навстречу тоннеля, освещенного фарами поезда, был незабываем. Ехать в кабине поезда метро – совсем не то, что ехать просто в вагоне…

А еще Глебыч понял, что в ближайшее время его ждет немало открытий. Удивительных и волшебных.

* * *

И действительно, в отношении метро жизнь Глебыча переменилась кардинально. Теперь он мог переходить со станции на станцию в любое время, даже если уже час ночи и переход закрыт. Любой турникет безропотно пропускал его без всяких карточек или проездных. Милиционеры ему козыряли. Машинисты здоровались. Техники подмигивали и иногда затаскивали в таинственные помещения за дверями со строгими табличками «Служебный вход» и «Посторонним вход воспрещен». Пили техники в основном спирт. Если перед эскалаторами собиралась внушительная толпа и хотя бы один из эскалаторов стоял, для Глебыча, не задумываясь, запускали его, и ни единый умник не норовил последовать за Глебычем. Однажды Глебыч пережил форменное потрясение: он обнаружил, что может сесть в вагон через закрытые двери. Равно как и покинуть оный вагон. И ни один из пассажиров не обращает на это внимания. Ни один!!!

Под Новый Год Глебыч во второй раз встретил коллег. Правда, не понял с каких они веток. Но других Гениев он теперь узнавал безошибочно: чувствовал визитку. Нутром, селезенкой, седьмым или восьмым чувством. У встреченных, к примеру, визитки оказались в карманах. У одного, лысоватого и хлыщеватого мужичонки с острым лицом и бегающими глазками, – во внутреннем кармане пиджака. У второго, тучного кучерявого херувима – в кармане необъятной куртки. Глебыч столкнулся с ними на «Автозаводской», выйдя из поезда.

– О! Смотри! Наш маросейский герой, – сказал хлыщ насмешливо, подталкивая соседа локтем.

Глебыч застыл, глядя на них. Он не знал, что сказать и как

поздороваться. Банально растерялся.

Херувим почему-то обидно заржал. Хлыщ тоже усмехнулся, как-то недобро и хищно. А потом оба, ни слова больше не говоря, уселись в вагон и поезд тронулся.

Глебыч некоторое время неподвижно стоял, глядя на убегающие во тьму габаритные огни. Люди старательно обходили его.

«Черт! – подумал Глебыч вскоре. – Все-таки я ничегошеньки не понимаю в этой игре. Надо искать Гения Калужской. По-моему, нужно поговорить с ним, а не с этими…»

И он стал искать. Часами бесцельно кружить по метро, пересаживаясь со станции на станцию без всякой системы. В этом Глебыч неожиданно для себя стал находить еще большее удовольствие, чем раньше. Он ведь всегда любил метро. И московское, и киевское, и даже питерское, хотя Питер как город недолюбливал.

Поиски не привели ни к чему. Всю зиму и почти всю весну Глебыч жил надеждой на встречу, но ни с кем из Гениев так и не столкнулся. Он продолжал поиски и боялся только одного.

Что его сознательно избегают.

А вскоре произошло то, что рано или поздно происходит со всеми: у Глебыча умерла мама.

Ей было уже восемьдесят три года; невзирая на возраст, Виктория Ильинична до последних дней оставалась бодрой и деятельной старушкой – с поправкой на возраст, конечно. В магазины ходила сама, готовила сама. В общем, никого и ничем не обременяла. Глебыч, наверное, внутренне давно был готов к смерти мамы, потому что ощутил лишь стылую пустоту и тихую горечь. Сестра, видимо, испытывала то же, потому что никаких истерик и криков на похоронах не случилось – только слезы и нескрываемая печаль. Печаль по человеку, прожившему большую и правильную жизнь и ушедшему только потому, что все мы рано или поздно уходим. Несколько дней после похорон Глебыч ходил подавленный. Он вдруг поймал себя на мысли, что в последние годы очень редко виделся с мамой. Изредка забегал подкинуть деньжат к ее скудной пенсии, о себе не рассказывал (да и нечего было рассказывать), на вопросы отвечал односложно и торопился бежать дальше – дела. Виктория Ильинична так и не дождалась невестки и внуков от непутевого сына-одиночки. Хорошо хоть, у сестры семья вполне сложилась: молодчина муж, четверо детей…

На десятый день после смерти Виктории Ильиничны позвонила сестра, попросила придти в мамину квартиру. Глебыч догадывался зачем.

Он прекрасно знал текст завещания. Все пополам.

Сбережений у родителей никаких не было, стало быть, речь шла только об имуществе. О двухкомнатной квартире в Кунцево и нехитром ее убранстве.

Глебыч ехал в Кунцево, не замечая ничего вокруг. Глядел невидящими глазами в пустоту и заранее обдумывал, что скажет сестре.

Ни к чему этот мещанский дележ. У сестры четверо детей, живут в неплохой трешке на Нагатинской, но шесть человек для трехкомнатной квартиры – все же слишком. Тем более, старшие девки-близняшки здоровенные уже, вымахали выше Глебыча. Стройные, длинноногие и, что приятно, не без масла в голове. Заканчивают школу, или, как это теперь у них называется, колледж. А поступать навострились не куда-нибудь, а в МГИМО.

А на другой чаше весов Глебыч, старый пень-одиночка. На плеши – сороковник, за душой – ничего путного. Ну, несколько сотен статей, ну десяток убойных репортажей. Своим горбом заработанная квартирка – двухкомнатной совестно назвать. Типичная однушка с дополнительной стеной-перегородкой. И ванна сидячая. В общем, холостяцкая берлога, стены в разводах и драный линолеум на балконе…

«Нечего тут обсуждать, – подвел черту под недолгими раздумьями Глебыч. – Пусть Светка мамину квартиру продает или разменивает свою и мамину на бóльшую. Им нужнее, как ни крути. А я перебьюсь…»

Это решение зрело в Глебыче давно, лишь сейчас он осмелился оформить его в слова, пусть даже произнесенные только мысленно. Впрочем, через какой-нибудь час он скажет их вслух и никогда не пожалеет об этом.

А из вещей попросит только старинный письменный стол, любимое папино кресло и книги. И все.

Отцовские часы и бритва уже лет пятнадцать как хранились у Глебыча. Теперь кресло, стол… вот и вся овеществленная память. А еще надо будет как-нибудь зайти к сестре с гостинцами для младшеньких, с бутылкой и посвятить вечер просмотру фотографий. Начиная с самых старых, пожелтевших от времени, с трогательными надписями на обороте.

Погруженный в себя Глебыч доехал до «Кунцевской» и так и не заметил, что на схеме метро Арбатско-Покровская линия стала длиннее. После «Щелковской» значилась станция «Гольяново».

Не заметил. Не до того ему было сейчас.

* * *

Телефонный звонок выдернул Глебыча из похмельного утреннего сна. Вчера со Светкой и ее мужем все обговорили, Глебыч своего решения не изменил. Сестра расплакалась… В общем, пообщались еще немного, а потом выпили. В память. Совсем немного.

Но Глебыч отчего-то захмелел. Не слишком, но дома достало сил только раздеться и, примостив у койки запасенную бутылку минералки, тихо отключиться. Наверное, это действительно были опустошение и усталость, а не опьянение.

– Алло! – сказал Глебыч в трубку и закашлялся.

– Поздравляю, – донеслось в ответ. – Все-таки я был прав, что не списал тебя со счетов…

– Секундочку, – сдавленно всхрипнул Глебыч, отложил трубку и потянулся к минералке. Только с наслаждением выпив грамм триста, он смог заставить себя оторваться от горлышка.

– Алло! Кто это? С чем поздравляете? Я не понял.

Собеседник тихо засмеялся:

– Мы встречались в метро, коллега. Я – Гений Калужско-Рижской. Полагаю, нам следует встретиться и поговорить. Ты в самом деле новичок и в самом деле ничего еще не соображаешь.

Сон и тяжесть в голове безвозвратно унеслись прочь, словно последний поезд во втором часу ночи с конечной станции.

– Встретиться? Конечно! Где?

Гений Калужской фыркнул и рассмеялся:

– Что значит – где? Разумеется, в метро!

– На какой станции?

– На новой. Недалеко от тебя. Ты поймешь, только на схему взгляни внимательнее. Выезжай, я там буду минут через двадцать.

Следом из телефона донеслись короткие гудки.

Глебыч озадаченно отнял трубку от уха. А мгновение спустя до него дошло. Он кинулся к компьютеру; пока дозванивался до провайдера и входил в сеть – нетерпеливо притопывал ногой.

А еще минутой позже, разглядывая свежую схему с www.metro.ru, догадался куда ехать.

На станцию Гольяново, конечную Арбатско-Покровской ветки. Открытую, как утверждала информашка с сайта, в шестьдесят пятом, через два года после Щелковской. Выходы со станции располагались в районе Хабаровской, Уссурийской и Алтайской улиц.

До входа в метро Глебыч домчался в рекордные семь минут. Поезд почему-то еле-еле полз; а, возможно, Глебычу это только казалось. Но, так или иначе, проехали «Измайловскую», «Первомайскую»… На «Щелковской» никого не попросили из

вагона.

Этот перегон казался бесконечным. Но закончился и он: приехали в «Гольяново». Глебыч жадно заозирался.

Внешне станция выглядела, как большинство открытых в шестидесятые: хрущевский аскетизм, отсутствие дорогих отделочных материалов. Типичная «сороконожка»: два ряда колонн поддерживают свод, кафель на стенах и колоннах; ни тебе мрамора, ни тебе гранита.

Зато до МКАДа рукой подать…

Глебычу всегда казалось: лучше уж такая станция метро рядом с домом, чем никакой.

Он отошел от поезда в центр зала и огляделся. Пассажиры двумя потоками спешили к выходам в торцах станции. Меньше чем через минуту Глебыч остался в центре один.

«Наверное, – подумал он, – Гений Калужской еще не приехал…»

Но не успел Глебыч додумать, как из-за колонны показался тот самый парень, виденный когда-то на Площади Революции. Одет он был снова в джинсы и кожаную куртку; на этот раз Глебыч отметил еще и высокие ботинки на рифленой подошве.

Парень приблизился и протянул руку:

– Привет! Меня зовут Костя.

– Глебыч, – представился Глебыч.

– А имя?

– Вообще-то Олег… Но все зовут Глебычем. Я привык…

– Ладно, Глебыч так Глебыч.

Станция постепенно заполнялась пассажирами, ожидающими поезда в сторону Щелковской. Тот факт, что мимо Гениев подземки все проходили словно мимо пустого места, Глебыча уже давно не удивлял.

– Ты действительно человек? – со странной интонацией спросил Костя.

Глебыч слегка удивился: а кем он еще может быть? Но все же решил, что просто не понимает какой-нибудь важной мелочи и переспросил:

– В каком смысле?

– В прямом, – не меняя интонации ответил Костя. – В самом прямом. Кем ты был до того, как завладел визиткой?

– Журналистом, – пожал плечами Глебыч. – Я и сейчас журналист…

– То есть, – подытожил Костя, – обычным человеком?

– Ну, да…

– Невероятно, – покачал головой Костя. – Такого еще не случалось.

Наверное, Глебыч поглядел на собеседника так жалобно, что тот поверил. Поверил и стал объяснять:

– Мы не люди, Глебыч. Мы – духи. Духи метро, гении новой стихии. Духи, джинны, гении, элементали – люди придумали нам много названий. Когда-то мы властвовали лишь четырьмя природными стихиями – огнем, водой, воздухом и землей. Вы, люди, сумели создать новые стихии, такие, например, как метро, комбинаторные. Какая-то часть духов стала осваивать их, в основном молодежь. Мы, Гении московской подземки, потомки этих первопроходцев.

Наверное у Глебыча сделалось нехорошее лицо. Он был человеком сугубо рациональным, в летающие тарелочки, лох-несское чудовище и прочий экзорцизм не верил ни грамма. Поэтому слова Кости не мог воспринять вот так, с ходу. Невзирая на то, что сам умел проходить сквозь сомкнутые двери вагонов или перепрыгивать из вагона в вагон прямо на ходу.

– Тебе ли не верить… – усмехнулся Костя.

И взлетел. Просто и естественно взмыл под свод станции, а потом нырнул внутрь колонны. Несколько секунд – и он медленно всплыл из-под платформы, снова уравнявшись с Глебычем.

– Собственно, ты ведь тоже все это умеешь.

– Да, – пробормотал Глебыч. – Глупо… Но ты ведь сам сказал, что я всего лишь человек. Мне трудно поверить в подобное.

– А ты не верь, – пожал плечами Костя. – Просто прими. Законы стихий непостижимы, однако это не мешает им быть незыблемыми.

– Ладно, – Глебыч вздохнул и нахмурился. – Лучше расскажи: что за чудеса с возникающими и пропадающими станциями?

– Погоди, – остановил его Костя. – Сначала объясни, как к тебе попала визитка. Обычно Гений может стать хозяином линии, только победив прежнего хозяина. Я не верю, что Маркуса победил простой человек.

– Не помню, – Глебыч виновато развел руками. – Точнее, не знаю. Я однажды… заснул в метро. А когда пришел домой – в кармане нашлась эта визитка.

Костя несколько долгих секунд пристально глядел Глебычу в глаза. Потом недоверчиво покачал головой:

– Не понимаю. По-моему, это невозможно. Но куда подевался Маркус? Может быть, он сам отдал тебе визитку?

– Не помню, – беспомощно развел руками Глебыч. – Может быть.

– Н-да, – Костя громко щелкнул пальцами. – Ладно, тогда слушай. Суть вот в чем: метро, как и всякая стихия, непостоянно.

Его облик напрямую зависит от нас, Гениев подземки. В особенности – от хозяев линий, линий, реально существующих или ирреально существующих. Полной карты, я так понимаю, у тебя нет?

Глебыч отрицательно замотал головой.

– Вот, гляди, – Костя показал Глебычу глянцевый лист плотной бумаги, а возможно – пластика. На листе была изображена сложнейшая схема, состоящая из пересекающихся разноцветных линий и точек-станций с названиями. Центром этой схемы служила хорошо знакомая Глебычу схема московского метрополитена; незнакомые компоненты были обозначены контурами, как строящиеся.

– Это полная схема нашей стихии. Частично она существует реально – это то, что могут видеть люди и чем они могут пользоваться как транспортным средством. Остальное – ирреальная часть. Во власти хозяев линий перемещать отдельные станции или линии целиком из реальности в ирреальность и наоборот. Но сделать и то и другое довольно сложно. Причем перенос из ирреальности в реальность в десятки раз сложнее, чем в обратном направлении. К сожалению, в Москве большинство хозяев линий большие… как бы это сказать помягче… Нехорошие они духи, короче. Лишь некоторые, такие как я или Гений Серпуховской линии, пытаются увеличить реальную составляющую стихии. Большинству просто наплевать – живут как хотят. Самые замшелые, вроде Гениев Солнцевской или Митино-Бутовской, перетащили свои линии в ирреальность целиком.

– Знаешь, – перебил Костю Глебыч. – А я как-то встретил двоих Гениев на Автозаводской. Один костлявый такой, как вобла, а второй жирный, на херувима похож.

– А, – Костя брезгливо поморщился. – Как же, как же. Балласт. Сухой – это Герман с Сокольнической линии. Что с Воробьевыми горами было, сам знаешь. А херувим – вообще мурло мурлом… Хозяин Среднего Кольца. Тебе оно известно под именем Каховская линия… Тьфу. Линия! Три станции, два перегона! Сказать стыдно. Кстати, перегон «Улица Подбельского – Черкизовская» Герман у нашего херувима лет десять назад в карты выиграл…

– Нежели… все так безнадежно? – тихо спросил Глебыч. – Получается, в Москве метро скоро исчезнет совсем?

– Не думаю, – покачал головой Костя. – Я, например, сделаю все, чтобы этого не позволить. И я не одинок, можешь не сомневаться. Именно поэтому я страшно обрадовался, когда ты вытащил из ирреала «Маросейку». Поверь, вытащить из ирреала

станцию внутри Малой Кольцевой – это… это… Это силища неимоверная. Последней, если я не ошибаюсь, вернули «Горьковскую», которая нынче «Тверская». В общем, когда вернулась «Маросейка», я решил, что у нас появился союзник – могучий, сильнее нас.

– Почему сильнее?

– Да потому, что я не могу вернуть станцию «Якиманка» уже лет двадцать… Это на пересечении Калужской и Серпуховской линий, с пересадкой на «Полянку». Вернон с Калининской не может восстановить «Остоженку», сопряженную с «Кропоткинской». Боря с Люблинской достаточно быстро вернул кусок от «Чкаловской» на юг, а внутрь Малой Кольцевой – как отрезало. Не получается, слаб.

– Значит, – угрюмо заключил Глебыч, – теперь от меня напрямую зависит существование Арбатско-Покровской? От моих поступков? От того, веду я себя как скотина или как человек?

Костик невесело улыбнулся:

– Если бы все было так просто… Сунул бомжу сто баксов – конечная станция. Вынул мальчонку из-под поезда – станция «Маросейка»… Увы. Не от поступков все зависит. А от того же, от чего зависят сами поступки. От помыслов. От устремлений. Проход из ирреала нельзя купить подачкой, его можно только выстрадать. По-честному. Искренне.

Глебыч некоторое время молчал.

– Прости меня, Костя… За «Маросейку». Я ее верну. Обязательно верну, вот увидишь.

– Верю, – серьезно отозвался Гений Калужской. – Во, поезд подходит! Поехали, я тебя с нашими познакомлю! Бран с Серпуховской, Вернон, Борька! Отличные ребята!

– Поехали! – загорелся Глебыч и направился к поезду. Прямо сквозь облицованную плиткой колонну.

– Скажи, Костя, – обратился он к духу подземки через несколько секунд, – а если мы, скажем, напьемся по поводу возвращения «Остоженки», «Якиманки» или той же «Маросейки», это будет плохо? Мы не навредим нашей стихии в реальности?

– Если ничего дурного не натворим – не навредим.

– Тогда давай так и сделаем, а? В смысле, напьемся, кто бы первым свою станцию ни вернул?

– А давай! – залихватски махнул рукой Костя.

* * *

Бран, Вернон и Борис и вправду оказались мировыми

ребятами, невзирая, что духи. Глебыч влился в их компанию легко и естественно, как встает на свое место недостающая деталька паззла.

И они напились – правда раньше, чем собирались: весной 2003-го, когда на Арбатско-Покровской линии открылась станция «Парк Победы». За три года до возвращения «Якиманки», за пять – до «Остоженки» и «Российской» и за девять – до второго на памяти Глебыча пришествия из ирреала станции «Маросейка».

© Май 2003

Москва – Николаев

Небо-ТФ

1.

Поплавок вместо того, чтобы уйти под воду, неожиданно приподнялся и завалился набок, словно у мостика непостижимым образом возникла мель. Семен даже не подсек толком – просто потянул удилище, а вместе с ним и леску, и сразу почувствовал, что крючок определенно не пуст.

– Хы! – сказал он, перехватывая удилище поудобнее.

Клюнуло что-то немаленькое, никак не тараночка, на которую только и можно было рассчитывать у берега. И не мелкий бычок, которые под мостиком тоже шныряли в изобилии.

Секунд через пять Семен вынул из воды здоровенного бычка, чуть не в локоть длиной. Бычок раздул жабры и растопырил плавники, отчего голова его казалась не меньше кулака взрослого мужчины.

– Вот это бык! – изумился удивший по соседству дедуля-пенсионер. – Старше меня, поди!

Рыбина и впрямь была почтенного возраста, с мутноватыми глазами и чешуей едва видной из-под мучнистого налета.

– И не клевал почти, – сообщил Семен пенсионеру. – Тихушник, тля!

– Здоровый, – умеренно порадовался за Семена пенсионер и добавил: – Одно жаль, невкусный поди. Ни пожарить, ни завялить… И в ухе весь смак перебьет. Больно стар. Ты его, сынку, сфотографируй на память да чучел набей!

– Можно и чучел, – согласился Семен, особо не расстраиваясь.

По поводу бычка у него не возникло никаких опасений: кудлатый обормот Шуля (пес-дворняга) даже этим реликтом не побрезгует, заглотит и не поморщится.

Престарелая рыбина канула в узкий зев садка, а Семен принялся перезаряжать крючок.

Прежде чем клев окончательно прекратился, он поймал еще несколько тараночек и небольших бычков.

– Не клюет, холера! – пожаловался дед, заметив, что Семен принялся сворачивать нехитрую рыбацкую снасть.

– Не клюет, – подтвердил Семен. – Пойду я…

– Я посижу еще, – дед отличался завидным упорством. А может быть, ему просто нечем было заняться с тех пор, как вышел на пенсию.

Вынув садок из воды, Семен вытряхнул улов в полиэтиленовый пакет. Бычок-ветеран весил примерно столько же, сколько все остальные рыбки, выглядящие на его фоне мальками.

– Динозавр, – Семен покачал головой и криво усмехнулся.

До дома было недалеко, минут двадцать пешком. По дороге, обдавая удушливым выхлопом, проносились грузовики и редкие легковушки, и даже обильная зелень частных дворов по обеим сторонам улицы от выхлопа не спасала.

Шуля радостно залаял, когда Семен подходил к воротам, а едва вошел во двор – принялся неистово скакать вокруг, норовя лизнуть в лицо.

– Ну тебя, черт кудлатый! – отмахнулся Семен удочкой.

Скакать Шуля перестал, но настроение его изменилось мало. Теперь основное внимание пса переключилось на пакет с рыбой.

Из дома выглянула хозяйка, Вера Остаповна.

– О! – сказала она. – Рыбак! Чего наловил?

– Да мелочь, – вздохнул Семен, отпихивая настырного Шулю.

– Давай, я как раз свою дочистила, поджарю и тебе заодно, – великодушно предложила хозяйка, и Семен с готовностью протянул пакет: возиться с рыбой ему совершенно не хотелось.

Муж хозяйки вечно гонял на стареньком «Москвиче» куда-то аж под Каховку и по пути часто покупал свежую рыбу, но не такую мелюзгу, какую обыкновенно удил Семен, а здоровенных карпов, толстолобиков, лещей. Вера Остаповна, соответственно, все купленное чистила и готовила, не забывая и Семена угостить.

Удочку и коробку с рыбацким скарбом Семен отнес в сарай и направился к флигелю, в котором квартировал. Шуля вертелся под ногами, периодически плюхаясь на задницу и принимаясь самозабвенно чесать за ухом. Потом снова догонял Семена, хулигански прихватывал за лодыжки – баловался, короче. Он вообще был существом неунывающим и развеселым, невзирая на далеко не щенячий возраст.

Минут через десять от хозяйского крыльца донесся голос Веры Остаповны:

– Семен! Поди-ка сюда!

Семен выглянул из флигеля.

Вера Остаповна стояла с ножом в руке у входа в дом.

– Гляди! – сказала она, протягивая квартиранту на ладони что-то пока неразличимое.

Семен рысцой пересек двор. Вблизи стало видно, что к рукам Веры Остаповны и ножу кое-где прилипла рыбья чешуя.

– Что такое, Вера Остаповна? – настороженно осведомился Семен.

– Здорового ты бычка поймал, – сообщила та. – Я таких и не видела. Чистила, гляди, что в кишках нашла! Сначала думала – ракушка…

Семен взглянул. На испачканной ладони хозяйки лежало что-то прямоугольное и плоское. Лишь рассмотрев скошенный угол Семен наконец сообразил:

– Да это симка от мобильника!

Мобильником Вера Остаповна пользовалась, но Семен сильно сомневался, что она представляет, для чего нужна сим-карта. Мобильник был для нее не более чем обычным телефоном, который можно носить с собой, а потому гораздо более удобным, нежели домашний. Кроме как «снять трубку», набрать номер и «положить трубку» Вера Остаповна и функций-то больше не знала, хотя однажды Семен попытался научить ее пользоваться встроенной записной книжкой. Особых педагогических успехов, честно говоря, Семен не снискал.

Осторожно взяв сим-карту с ладони хозяйки, Семен всмотрелся повнимательнее. Первоначальный цвет ее теперь мудрено было угадать, симка казалась просто грязно-серой.

Вера Остаповна скрылась в доме, а Семен, изучая неожиданную добычу, побрел к водяной колонке. Кое-как отмыл сим-карту от слизи и грязи, с опаской полирнул рукавом – желтенькие контакты даже заблестели, хоть и не сразу. Пластик, похоже, когда-то имел синий или темно-синий цвет, но, вроде бы, другого оттенка, чем сим-карты Киевстара. Это не был также чип от Голден Телеком, Билайна или Лайфа.

Основные российские операторы мобильной связи тоже отпадали: у МТС-а симки красные, у Мегафона – зеленые.

«У Билайна, вроде, раньше синие были, – подумал Семен, вспоминая последний вояж в Россию. – Но теперь-то полосатые, как и у нас…»

Но что-то еще было в симке неправильное, он никак не мог уловить, что именно. Пришлось вынуть сим-карту из своего мобильника и сравнить.

Семен быстро понял – что. Форма контактов и их рисунок немного отличались, по крайней мере, от контактов на его киевстаровском чипе. Хотя основная, так сказать, конфигурация, совпадала.

Совать подсохшую находку в свой дежурный телефон Семен поостерегся. Пошарил в столе, выудил древнюю тридцать третью «Нокию». Батарея, конечно же, признаков жизни не подавала, пришлось сначала воткнуть на подзарядку.

«Ща включусь, – мечтательно подумал Семен. – А там гривен сто на счету! А то и больше! Хоть обболтайся!»

В сто гривен на счету он, конечно же, всерьез не верил. Вообще не верил, что чип остался работоспособным после визита на дно и тем более – в желудок к рыбине.

К его великому изумлению, «Нокия» включилась и на симкарту не заругалась. И даже код не потребовала, аппарат сразу же принялся искать сеть.

Тут Семена снова отвлекла Вера Остаповна – принесла тарелку свеженажаренной мелюзги, еще недавно шнырявшей в реке под мостиком, плюс несколько кусочков рыбы покрупнее, из мужниного автоулова. Бычок-гигант торжественно лежал на самом верху, поперек тарелки.

– Этот крокодил, скорее всего, невкусный, – предупредила хозяйка. – Стар больно. Если что – Шуле скорми.

– Спасибо, Вера Остаповна! – искренне поблагодарил Семен. – Разберусь!

Хозяйка благосклонно кивнула и ушла. Она вообще хорошо относилась к Семену – как квартирант он вел себя тихо, платил исправно, девок не водил. Да и Шуля успел себя проявить с лучшей стороны: дважды гонял со двора жуликов. А прежние обитатели флигеля, похоже, были другой породы – при вселении Семен выгреб больше мешка разнообразных неформатных бутылок из-под спиртного, а потом весь день отмывал и отскребывал от застарелой грязи свое будущее жилище.

Когда Семен вновь взял в руки старенькую «Нокию», она уже нашла сеть.

«Небо-ТФ», – было написано на квадратном дисплее меж двух столбиков-индикаторов. Индикатор заряда, естественно, мигал, шевелился. Сеть виделась отменно, на все четыре столбика.

– Ишь ты! – удивился Семен. – Небо-ТФ!

Такого оператора Семен не знал. Естественно, не знал он и служебных телефонов или кодов быстрого доступа. Например, состояние счета проверить.

С некоторой опаской Семен набрал свой собственный мобильный номер, заранее приготовившись услышать в трубке что-нибудь вроде: «Исходящие звонки заблокированы оператором».

Не тут-то было: дежурный телефон исторг радостную трель.

Семен хмыкнул. И взял трезвонящую трубку в левую руку. На дисплее было просто написано: «Звонок», значит номер не определился. Пришлось нажать отбой.

Так и есть, «номер не определен». Но получается, что симка живая и деньги на счету есть. Забавно!

«Ну и ладно, – подумал Семен с легким воодушевлением. – Хозяина симки мне в жизни не найти. Если не озаботился

заблокировать счет и перевести деньги на новый – его проблемы. Буду звонить, пока можно, да и все».

С этими мыслями Семен пообедал собственным уловом (кусочки хозяйского судака оставил на вечер). Большой бычок таки оказался невкусным, и Семен без колебаний скормил его обормоту Шуле, который, разумеется, заглотил все в один присест и лишь благодарно облизнулся. Усмехнувшись, Семен соскреб с тарелки остатки собственной трапезы – Шуля заглотил и это. Кто б сомневался…

Таскать с собой два мобильника Семен поленился, поэтому в ближайшие две недели звонил со старой «Нокии» всего несколько раз, когда находился дома. По первости он даже не следил, чтобы старый аппарат был все время заряжен – впервые обратил на это внимание только когда возникла нужда срочно позвонить маме на городской, а «Нокия» оказалась разряженной в ноль. Пришлось откапывать в столе старую зарядку с толстым штырьком, потому что за несколько дней она благополучно погрузилась в то, что Семен обтекаемо именовал «культурным слоем».

Содержимому его письменного стола это определение подходило вполне – в верхнем ящике как попало были навалены всевозможные кабели, шнуры, провода, переходники, блоки питания, компьютерные железяки, электрические тройники и удлинители, миниатюрный ноутбучный принтер, паяльник на подставке из гнутой проволоки… Что-нибудь из этого периодически извлекалось по надобности, пользовалось и вновь возвращалось в «культурный слой», конечно же – поверх того, что извлекалось вчера. Неудивительно, что старый блок питания от мобильника (новый обычно жил просто на столе, около пилота-разветвителя) успел погрузиться на самое дно и его реально пришлось откапывать, подключать к «Нокии» и несколько минут ждать, пока аппарат-ветеран соизволит включиться. И разговаривать пришлось, не прекращая зарядки, словно по обычному телефону, прикованному к розетке коротким проводом.

С этого момента зарядка с толстым штырьком поселилась на столешнице, рядом с более новой; старая «Нокия» обычно лежала тут же, но теперь Семен периодически поглядывал на нее и при надобности подзаряжал, даже если не собирался никуда звонить.

Тем не менее эффект Семен почувствовал незамедлительно: обычный режим звонков в среднем съедал двадцать-двадцать пять гривен в неделю. Как раз перед рыбалкой Семен в очередной раз пополнился на тридцаточку и рассчитывал, что вместе с небольшим остатком этого хватит на две недели.

По прошествии двух недель (точнее – шестнадцати дней, раньше не вспомнил, поскольку исходящие не заблокировались,

как обычно бывало) Семен решил проверить – сколько на счету осталось денег. Осталось больше, чем он ожидал, – двадцать четыре гривны. Получалось, что за шестнадцать дней Семен потратил на звонки гривен восемь, не больше. То есть звонить с халявной симки Неба-ТФ имелся прямой резон.

С этого момента Семен начал таскать старую «Нокию» с собой, но и в этом случае не всегда удавалось позвонить с нее – чаще всего неловко было на людях вынимать это старье из кармана. Поколебавшись еще какое-то время, Семен разорился на китайское двухсимочное чудо – более всего подкупило наличие стандартного разъема под нокиевскую зарядку (новую, тонкую). Китайцы были люди то ли совершенно беспардонные, то ли обладали своеобразным чувством юмора – на крышке батарейного отсека нового аппарата красовались сразу две узнаваемых надписи – одна, как и ожидалось «Nokia», а вторая, ни много ни мало, – «Vaio». Нативным соньковским шрифтом, что характерно. Всех знакомых гаджетоманов подобное сочетание оч-чень веселило и служило дежурной шуткой вплоть до выхода мегадевайса, под названием i-Пож и с логотипом в виде надкусанной груши.

Так или иначе, теперь Семен мог без проблем пользовать Небо-ТФ при исходящих звонках, прежнюю «Нокию» с легким сердцем отдал сестренке, а древняя тридцать третья вместе с зарядкой снова канула на дно «культурного слоя».

Киевстаровский счет Семен не пополнял сначала месяц, потом второй, потом полгода; Небо-ТФ продолжало и продолжало беспроблемно соединять, словно симка имела неисчерпаемый лимит. По какому-то странному наитию Семен ни словом не обмолвился о ней никому из приятелей, а единственный человек, кто знал, – Вера Остаповна – от мобильных дел была далека и наверняка давно забыла о странной находке в рыбьих потрохах.

Всего раз Семен попробовал набрать в интернетовском поисковике «Небо-ТФ», узнал о существовании в России одноименного ООО по торговле алкогольными напитками, но оператора мобильной связи с таким названием обнаружить не сумел.

Первое беспокойство, пока слабое и неясное, Семен ощутил после Нового Года. Можно безбоязненно болтать по найденному телефону с сотней баксов на счету – ну, в крайнем случае, сдерет с тебя внезапно обнаружившийся хозяин ту же сотку. А вот знай Семен, что на счету такого мобильника, скажем, миллион, побоялся бы ввязываться. Бесплатный сыр известно где бывает. Подспудные надежды на то, что через месяц-два деньги закончатся и звонить станет невозможно, не оправдались ни через

месяц, ни через два, ни через полгода. Как на людей вешают просроченные кредиты, Семен пару-тройку раз читал и боялся влипнуть в подобную историю панически. Правда, ни в одной из этих историй не фигурировали мобильные телефоны – кроме единственной байки, как некий не в меру продвинутый карапуз где-то в Норвегии накачал на папочкин ай-фон музыки из интернета аж на двадцать две тысячи долларов.

В общем, беспокойство Семена касательно Неба-ТФ медленно нарастало и звонить с этой симки он стал все реже, пока к весне, будучи слегка в подпитии и довольно меланхоличном настроении, он не дал себе слово прекратить ею пользоваться.

На следующее утро симка Неба-ТФ приняла первый входящий звонок.

Семен этого сначала и не понял – китайская «Nokia-Vaio» исторгла обычную мелодию веселой группы Pogues, установленную в качестве вызова. Номер звонящего не определился, но такое периодически бывает. Семен машинально ткнул ногтем в зеленую трубочку первой симки и приложил мобильник к уху, а мгновением позже сообразил, что мелодия продолжает играть.

Он отнял телефон от уха и поглядел на экран внимательнее.

Вызов шел на sim-2. На номер неведомого абонента сети Небо-ТФ.

Несколько секунд Семен оцепенело глядел на экранчик. Мигающая надпись гипнотизировала, а звонок все не прекращался. Ладонь ощущала периодическую вибрацию, Pogues наяривали, а в голове у Семена сделалось гулко и пусто. Но потом он (неожиданно для себя) встрепенулся, подумал: «А что я теряю?» и решительно нажал на правую кнопку с зеленым телефончиком, ответственную за вызовы sim-2.

– Слушаю, – сказал Семен как мог ровно.

– Наконец-то, – прозвучал в ответ голос. Мужской. Разумеется, незнакомый. – Я уже и ждать перестал.

Семен не знал, как ответить, поэтому молчал.

– Почему не отписал, как вернулся? – спросил незнакомец с нажимом.

– Вы номером не ошиблись? – в свою очередь поинтересовался Семен, стараясь говорить вежливо, но твердо.

Собеседник несколько секунд размышлял.

– Надо понимать, ты не Ринат? – предположил голос.

– Надо понимать, – подтвердил Семен.

– И ты, конечно же, не в Москве?

– Даже не в России, – обтекаемо ответил Семен, заранее решив, что точнее сообщать, где он находится, ни за какие

коврижки не станет.

– Плохо, – вздохнул незнакомец.

– Я могу вернуть сим-карту, если это необходимо, – на всякий случай пообещал Семен.

– Нет смысла. Мне нужен Ринат. Но раз на звонок ответил ты, значит, Рината больше нет.

Несколько секунд собеседник молчал, а потом вызов неожиданно прервался.

Семен, еле дыша, уставился в экранчик мобильника. Рука с телефоном предательски подрагивала. Довольно долго Семен боролся с соблазном вынуть странную симку из мобильника, но что-то его удержало.

В целом услышанное крайне не понравилось: Москва, Ринат, которого больше нет… Поневоле заподозришь худое. Минимум – простых бандитов, максимум – террористов из какой-нибудь Аль-Каиды. Семен к контактам ни по минимуму, ни тем более по максимуму был явно не готов.

Но симку из мобильника так и не вынул.

Когда спустя полтора часа неизвестный позвонил на Небо-ТФ вторично, Семен каким-то образом заранее почувствовал: для ответа придется нажать на зеленую трубку с двойкой.

Так и есть – вызов шел на sim-2.

– Слушаю.

– Здравствуй, Семен, – поздоровался все тот же голос. – Как там в Николаеве погода?

В следующие несколько мгновений Семен пережил целую гамму противоречивых чувств. Во-первых – страх. Во-вторых – изумление. Как быстро сработали! И имя, и местонахождение…

Но если два первых чувства были понятны и естественны, то третьему Семен чуть позднее изумился едва ли не больше, нежели скорости, с которой его вычислили. Потому что третьим чувством стало жгучее, немыслимое любопытство – к какой жутковатой тайне ему удалось прикоснуться?

– Плюс девять, переменная облачность, – сообщил Семен деревянным голосом, зачем-то решив исчерпывающе ответить на вопрос о погоде.

– Это хорошо, – удовлетворенно произнес незнакомец. – Не придется куковать в аэропорту.

– В каком… – Семен запнулся, сглатывая слюну, – аэропорту?

– В николаевском, разумеется, – хмыкнул незнакомец. – Не тащиться же тебе в Одессу?

– Мне? – Семен продолжал глупо переспрашивать, потому что вообразил было, будто за ним уже выслали плечистых парней в черных костюмах и черных очках.

– Тебе, – подтвердил незнакомец. – Ты нужен мне в Москве, а Украина в последнее время становится все менее и менее интересной. Впрочем, об этом позже. Ты просто еще не знаешь, насколько тебе повезло. Главное, что ты сейчас должен уяснить – не произошло ничего страшного лично для тебя. Я не шпион, не бандит, не террорист и вообще никак не связан с нарушением никаких писаных законов. Приедешь – узнаешь все подробнее.

– Но, – промямлил Семен, – я не хочу никуда ехать! Да и не могу, на работу завтра…

– Работа не проблема, – бодро заверил незнакомец. – С прежнего места ты уже уволен.

– Как уволен? – похолодел Семен.

– Очень просто. Приказом по фирме, номер девяносто шесть семнадцать, по собственному желанию. Зараев подписал.

Семен несколько секунд тупо молчал. Что-то подсказывало – ему не врут. Уволен. Но не ехать же, в самом деле, в Москву?

Потом внезапно нашелся весомый, как показалось Семену, аргумент.

– У меня нет загранпаспорта!

– Для въезда в Россию не нужен загранпаспорт, – хладнокровно разбил его надежды незнакомец. – Достаточно внутреннего. А даже если и был бы нужен – тебе осталось бы только подъехать куда следует и забрать его. Нашел, тоже мне, проблему! В общем, собирайся, вылет послезавтра днем. Я перезвоню еще.

И – короткие гудки.

Семен медленно-медленно отнял трубку от уха и так взглянул на нее, будто китайская «Нокия-Вайо» вдруг превратилась в гремучую змею.

Назавтра он с опаской заявился в контору и прямо на пороге столкнулся с шефом.

– А, Семен, – дружелюбно сказал Зараев и протянул руку. – Привет! Отходную пришел ставить?

Семен пожал шефу руку, во второй раз в жизни, и пробормотал:

– Ну… вроде того.

– Меня позовешь, надеюсь? Охотно опрокину рюмашку за твой успех в Москве!

«Да что же это делается! – мысленно взвыл Семен. – Все вокруг знают больше меня о моей же собственной судьбе!»

В магазин тем не менее пришлось сбегать, и с ребятами выпить, и Зараева позвать, и даже вредную тетку-бухгалтершу тоже пригласить за стол. К полудню Семен, несколько размякший от выпитого, бесцельно прошелся по Соборной, периодически

прикасаясь к карману куртки с трудовой книжкой и выходным пособием, зачем-то купил флэшку пообъемистее в китайское чудо и, уже вполне сознательно, – приличную дорожную сумку взамен своей, старой и драной. И только дома наконец сумел сформулировать одолевавшую смутную мысль.

«Поплыл по течению, – подумал Семен мрачно. – Вот ведь!»

Удивительно, но даже легкая тревога за будущее не повлияла на невесть как сформировавшуюся решимость действительно съездить в Москву. Семен даже осознавал, что решимость его, скорее всего, не внутренняя, а сторонняя – внушенная голосом человека, звонившего на Небо-ТФ.

Странно было чувствовать и осознавать все это.

Разбудил его звонок на Небо-ТФ.

– Привет.

– Здравствуйте.

– Вылет в 12–45, регистрация за час. За билетом зайдешь в агентство и назовешься. Как прилетишь, я тебя опять наберу.

– А как в аэропорт? – обреченно поинтересовался Семен. – Туда ж не ходит ничего.

– Такси вызови, маленький, что ли? Кстати, денег с собой можешь особо не брать, не твоя это забота. Раз уж выдергиваю тебя, то и о жизни позабочусь: и кров у тебя будет, и стол.

– Спасибо, – буркнул Семен и сдавленно зевнул.

– Не вздумай опоздать. И счастливого полета.

Трубка разразилась короткими гудками, а через пару секунд умолкла, перейдя в режим ожидания.

Вещи Семен собрал еще вчера.

На Соборной он вышел из маршрутки, миновал сотый магазин и с некоторой опаской сунулся в агентство воздушных сообщений.

Женщина офисного вида взглянула на него поверх компьютерного монитора. Семен замялся в дверях, лихорадочно соображая – куда девать сумку?

– Вы, наверное, Немоляев? – предположила женщина.

– Да, – с облегчением признался Семен.

– Давайте паспорт.

Семен с постыдной торопливостью зашарил по карманам, вынул паспорт и подал женщине. Та в паспорт всего лишь заглянула – удостоверилась, что он действительно Семен Немоляев, взяла с краешка стола билет в цветастом конверте, вложила между страниц паспорта и протянула Семену:

– Держите. Счастливого полета!

– Спасибо! – у Семена неожиданно возникло желание поклониться, но он решил, что это будет чересчур, поэтому

неловко развернулся и поскорее ретировался из агентства на улицу.

Свернув на Лягина, где было потише, он полез в конверт и вынул билет. Все чин-чином: до Москвы, вылет в 12–45, компания ЮТ-Эйр, рейс UT-770, тариф тысяча восемьсот сорок гривен.

Семен взглянул на часы. Без пяти одиннадцать. Пора вызывать такси.

Позвонил он с Киевстара – с Неба-ТФ такси звать было бессмысленно, номер-то не определялся. А звонки с засекреченных номеров диспетчерши почему-то игнорировали – может, было им какое-то тайное указание на этот счет.

Машина подошла мгновенно – небось, дежурила напротив сотки, полста метров вперед и направо, на Лягина.

Семен забросил сумку на заднее сидение темно-зеленой «Деу», а сам уселся рядом с водителем.

– В аэропорт, – вздохнув, объявил он.

«Дэу» тронулся.

– Далеко собрался? – без особого интереса полюбопытствовал таксист, пожилой дядька с желтоватой фиксой напоказ.

– В Москву, – грустно сообщил Семен.

– К москалям, значит, – констатировал таксист.

– Да я и сам москаль, если разобраться, – пожал плечами Семен. – Даже родился в России.

– В Москве?

– Нет, в Краснодаре. Родителей сюда распределили, еще в восьмидесятые, вот и переехали. Сестра уже здесь родилась, в незалежной…

– Понятно, – кивнул таксист и умолк.

Семен сначала решил, что таксист – любитель поболтать в дороге, но после стартовых расспросов тот до самого аэропорта не проронил больше ни слова. Собственно, единственное, что Семен еще от него услышал, – это была сумма за проезд.

«Странный какой-то таксист», – подумал Семен, задумчиво глядя вослед удаляющейся темно-зеленой «Дэу».

В здании аэропорта он не бывал лет пятнадцать, если не больше. Некогда симпатичное, хоть и в совковом стиле, оно страшно обветшало и производило впечатление наспех отмытого коровника. Внутри было почти пусто – а ведь Семен помнил этот зал людным и красивым. На посадку теперь приходилось тащиться через второй этаж и предварительно проходить сначала таможенный досмотр вместе с обычным, авиационным, потом пограничный контроль, а потом довольно долго сидеть в тесном зале ожидания с крохотным магазинчиком «Дьюти-фри». Магазинчик выглядел под стать аэропорту, но водку в нем

продавали. Семен решил, что надо, и взял плоскую бутылочку «Немирова» плюс банку пепсухи на запивку.

В большое, во всю стену, окно виднелся самолет, на котором предстояло лететь, – сначала Семен решил, что это АН-24, но смущал непонятный конический вырост в корме. У настоящего АНа там косой срез – это Семен прекрасно помнил еще по перелету из Краснодара. Позже выяснилось, что сегодня предстояло лететь на более новом французском аналоге именем ATR-42.

«Француз так француз, – с непонятным безразличием подумал Семен. – Авось долетит».

Кресла в этом французе, во всяком случае, были просторнее, чем в АНе, – даже коленками Семен ни во что не упирался. Полет прошел скучно и уныло – сначала Семен глядел в окно, потом задремал даже, а потом разбудили чаем с печенькой. После он вдумчиво заполнил миграционную карту, а оставшиеся полтора часа просто сидел, глядя на редкие облака и на землю далеко внизу, затянутую белесой дымкой.

Ближе к Москве облаков стало больше. Семен порадовался, что помимо любимой куртки прихватил и любимый свитер – в последний момент сунул в сумку. И правильно сделал: едва выйдя на трап, он сразу почувствовал, что Москва находится много севернее. Хорошо, что модерновый низкопольный автобус ждал совсем рядом – Семен шмыгнул в него, словно мышь в укрытие, и сразу же полез в сумку за свитером.

Утеплившись, он почувствовал себя увереннее и веселее. Автобус, прошипев пневматикой дверей, тронулся и поехал, сначала по необъятному полю, мимо разрисованных логотипами авиакомпаний самолетов, потом мимо обнесенной забором стройки. Наконец прибыли к стеклянному подъезду, где, ежась на ветру, поджидала девушка в пограничной форме.

Эскалатор (новенький!). Зал с несколькими очередями к стеклянным будочкам.

– Цель прибытия в Российскую Федерацию?

– По делам… – пожал плечами Семен, глядя пограничнику прямо в глаза.

Тот вздохнул, и – шлеп! – штампом в уполовиненную миграционку.

Российские таможенники отнеслись к зарубежным гостям столицы с величайшим равнодушием – не только не трясли, но даже и вопросов никаких не задали, хотя Семен уже приготовился доложить, что валюты, предметов старины, искусства, оружия и наркотиков при себе не имеет.

А едва он совершенно официально вывалился из зоны

прибытия в зал, на обычную российскую землю, в кармане куртки грянули Pogyes.

Звонок шел, разумеется, на номер Неба-ТФ.

– Слушаю? – настороженно отозвался Семен, стараясь не выпускать из поля зрения сумку.

– Welcome to Russia! – произнес хорошо знакомый голос; как показалось Семену – очень чисто и естественно, совершенно по-американски, без всякого акцента. А затем уже по-русски: – Как долетел?

– Спасибо, нормально, – сухо отозвался Семен.

Наверное, ему не следовало говорить так сухо – в сущности, все дальнейшие действия напрямую зависели от звонившего, потому что идти Семену в Москве было совершенно некуда. Денег с собой он, конечно же, взял, но немного, всего пятьсот долларов. Семен прекрасно представлял, что по московским меркам это ничто. Но, собственно, Семен и брал их как аварийный запас на случай, если все это окажется каким-нибудь нелепым розыгрышем – чтобы купить обратный билет и вернуться. Не сразу, конечно: раз уж прилетел, денек-другой следует поглазеть на столицу бывшей Родины, дохнуть воздуха предков. Удушливая атмосфера хохляцкой брехни и ненависти за последние лет десять приелась по самое не могу.

Семен не был наивным человеком – он не надеялся, что в России много лучше. Просто не мог больше видеть откормленные рожи украинских политиков и слушать очередные лживые обещания, которые никто не собирался выполнять.

– Значит, так, – голос из мобильника вернул Семена к реальности. – Внимательно слушай объявления по залу. Экспресс в Москву через двадцать минут. Найти его просто: выйдешь из здания аэропорта и все время налево. Там указатели, не собьешься. Где взять денег – поймешь через пару минут. Пин-код – два, три, девять, семь. Запомни, два, три, девять, семь. Успехов.

Семен не успел ничего переспросить – его странный собеседник отключился.

«Чем дальше, тем веселее, – подумал Семен, убирая мобильник в карман и подхватывая с пола сумку. – Объявления, значит, слушать. Ладно, послушаем…»

Дикторша как раз вещала что-то о регистрации на рейс до Стамбула. Вскоре она ненадолго умолкла, а потом заговорила снова:

– Внимание! Семен Немоляев, прилетевший из Николаева рейсом Ю-Тэ семьсот семьдесят, пройдите, пожалуйста, к справочному бюро, вас ожидают.

Пока Семен шарил взглядом по залу ожидания, дикторша

повторила объявление еще дважды.

Ага, вон и нужное окошко. Правда, рядом никого нет – а сказали, что ожидают.

Семен пересек зал, поозирался – людей вокруг было, в общем-то, достаточно, но никого нельзя было заподозрить в ожидании около справочной. Наоборот, все были поглощены чем-нибудь своим: кто внимательно изучал таблицу вылетов, кто уставился на экран телевизора, по которому транслировали хоккейный матч, кто просто шел по своим делам. Семен для порядку повертел головой еще с полминуты, а потом все же обратился в окошко:

– Здравствуйте! Тут объявили, что меня ждут, а я никого не вижу!

– Вы Немоляев? – уточнила немолодая женщина в модных очках-паутинках.

Окошко было таким крохотным, что, кроме лица женщины и очков, Семен ничего больше не видел.

– Да, Немоляев.

– Будьте добры паспорт, – попросила женщина.

Семен предъявил – на этот раз без ненужной суеты и спешки.

Женщина взглянула на страницу с именем-фамилией, на фотографию и вернула паспорт на стойку. А рядом выложила кредитную карточку.

– Банкомат напротив и еще один – у «Шоколадницы».

– Спасибо… – пробормотал Семен, сгребая паспорт и кредитку со стойки.

«Вот значит, что за пин-код, – сообразил он через пару секунд. – Ну да, логично – за экспресс в Москву надо будет заплатить, причем рублями».

Вторично пересекая зал, Семен подглядел в обменнике курсы доллара и евро к рублю – считать было удобно, доллар почти ровно тридцать рублей, евро – почти сорок. Наверное, стоило снять с карточки тысячи три-четыре. Так, на всякий случай, чтобы было. Москва все-таки.

Манипуляции с банкоматом он производил с некоторой опаской, но все прошло без малейших заминок, пин-код подошел и меньше чем за минуту Семен стал счастливым обладателем трех российских тысячных купюр. Проверять остаток средств на карте Семен постеснялся. Мало ли, вдруг нужно будет ее потом вернуть.

Не случилось проблем и с поиском места, откуда уходили обещанные экспрессы. К некоторому удивлению Семена, они отправлялись из-под земли – пришлось спускаться по эскалатору на платформу, очень похожую на станцию метро. Как раз

подошел поезд и в него принялись грузиться пассажиры. Погрузился и Семен. В отличие от прокопченных пригородных дизелей Николаева, этот смотрелся запредельно модерновым и удобным.

Полчаса Семен глазел в окно, а на выходе в город у Киевского вокзала его настиг очередной звонок.

– На Киевском уже?

– На Киевском.

– Садись в метро. Проездной можешь сразу месячный брать, потому что ездить тебе придется много. Синяя радиальная ветка, станция Первомайская. Найдешь? Не заплутаешь?

– Разберусь, – заверил Семен.

Он и впрямь не сомневался, что разберется.

Вход в метро обнаружился прямо в туше вокзала. Некоторое время Семен постоял в очереди, хотя некие темные личности кавказской наружности предлагали проездные из-под полы со скидкой. Семен решил не рисковать и, несомненно, правильно сделал – около турникетов, как раз когда он прикладывал проездной к желтому кругляшу валидатора, полицейский при посильной помощи дежурной кого-то сосредоточенно винтил под беспрерывные тревожные трели свистка. Окружающие на это не обращали ни малейшего внимания, из чего Семен заключил, что Москва осталась, как и прежде, равнодушной и холодной к человеческим существам.

Воспоминания детства о визите в Москву с отцом подсказывали, что в метро главное – внимательно глядеть на указатели. Семен глядел. Внимательно. И ни малейших проблем с попаданием на нужную ветку и выбором поезда в нужную сторону не испытал. Он помнил станцию Киевская конечной, но эти времена безвозвратно прошли – теперь Арбатско-Покровская линия простиралась далеко на запад и северо-запад, если топология карты метро хоть сколько-нибудь соответствовала действительности. Впрочем, Семену все равно было не туда, а на восток: станция Первомайская оказалась предпоследней на этой ветке. Семен забился в угол нового, прежде невиданного состава и отправился в путь по московской подземке.

Смотреть было особенно не на что, пассажиры-попутчики оставались по-московски безучастными к окружающим; Семен под мерное покачивание вагона стал даже задремывать, но тут очень удачно поезд на некоторое время выбрался из-под земли на поверхность, а после расположенной под открытым небом станции как раз объявили Первомайскую.

В метро Семен провел около получаса.

Неведомый телефонный поводырь на удивление точно

прогнозировал его перемещения: едва Семен вышел из подземного перехода на улицу, последовал звонок на Небо-ТФ.

– Ты куда вышел из метро – по ходу поезда вперед или назад?

– Вперед.

– Отлично! Сюда и надо. Ты находишься на Девятой Парковой улице. Чуть впереди – Измайловский бульвар. Тебе налево по бульвару, до Седьмой Парковой. И даже чуть дальше. Давай, выходи на бульвар, тут идти минут пять, не больше.

– Хорошо.

В любом случае, неведомый собеседник был неплохим штурманом. Семен ни мгновения не колебался в выборе пути.

На бульваре было слякотно, но влажные скамеечки все равно не пустовали – на их спинках там и сям восседала галдящая молодежь с разнообразным алкоголем. Семен с интересом прислушивался к местной манере говорить, растягивая одни гласные и глотая другие.

И снова звонок.

– Да?

– Посмотри направо. Школу видишь?

– Вижу.

– Чуть левее ее – шестнадцатиэтажный дом-свечка. Видишь?

– Вижу.

– Тебе туда. Можешь прямо через школьный двор. На подъезде замок, наберешь код, девяносто пять – ключ – сорок два двенадцать. Запомнил?

– Запомнил.

– Верхний этаж. Девяносто пятая квартира. Дверь будет открыта, и первая, и вторая, просто входи и все.

– Хорошо.

– Тогда до связи…

Семен уверенно добрался до указанного дома, без помех вошел в единственный подъезд и поднялся в здоровенном грузовом лифте на верхний этаж. Тут он понял, что значит: «и первая дверь, и вторая» – коридорчик на три квартиры, в одну из которых его направили, был забран металлической перегородкой с дверью. Это была первая, и была она действительно не заперта, хотя когда Семен вошел в тесный аппендикс с окрашенными в темно-зеленый цвет панелями, дверь захлопнулась сама собой.

Вторая дверь вела собственно в квартиру. Семен толкнул – дверь, негромко лязгнув, открылась. Семен вошел.

Квартирка оказалась пустой – ни в комнатах, коих насчитывалось две, ни на кухне, ни в санузле никто не прятался, Семен проверил. Никого не нашлось и на балконе. Тишину нарушало только тихое урчание холодильника на просторной

кухне.

– Как бы там ни было, – сказал Семен вслух, – здравствуй, новый дом.

И уронил сумку на пол, в изголовье заманчиво выглядящего диванчика.

Снова звонок!

– Слушаю.

– Ну, как тебе апартаменты?

– Жить можно, – пожал плечами Семен, словно собеседник мог его видеть.

– Ничо, – собеседник сказал именно так, на московский манер, не «ничего», а «ничо», – освоишься – подберем тебе жилье попригляднее. Это, считай, гостиница для новичков. Ты где сейчас? В комнате?

– Да. В дальней.

– Сервант видишь? У окна.

– Вижу.

– Подойди к нему.

Семен послушно переместился к указанному предмету меблировки.

– Открывай левое отделение.

– Открыл.

– На полочке лежит паспорт. Он твой. А украинский спрячь подальше, с ним в Москве не очень комфортно.

Семен протянул руку и взял обернутую кожей книжицу в руки.

Надо же! Паспорт. Российский. Его, Семена Немоляева, паспорт! Выданный Измайловским ОВД шесть лет назад… и последние два с лишком года зарегистрированный по адресу: город Москва, улица 5-я Парковая, дом 40, корпус 1, квартира 95.

– Ну, как, нравится?

– Не очень, – честно признался Семен.

– Почему? – изумился собеседник.

– По-моему, это незаконно, – хмуро сообщил Семен. – Не станете ведь вы утверждать, что он подлинный?

– Паспорт самый что ни на есть подлинный! – сердито заявил незнакомец. – Хотя бы потому, что его выдавала та самая структура, которая выдает подлинные паспорта. И на совершенно законных основаниях.

– Но я ведь не гражданин России! – продолжал гнуть свое Семен.

– Кто сказал? – хмыкнул собеседник. – С сегодняшнего дня – гражданин. Политики пусть там что хотят, то и делают. Они оторвались от реальности настолько далеко, что большую часть

издаваемых ими законов невозможно реально соблюдать. А строгость российских законов, как известно, компенсируется необязательностью их выполнения. В общем, не дури, парень, с украинским паспортом ты не сможешь стать в этом городе своим. А что до сроков выдачи и времени прописки… Запомни: прошлого не существует. Существует только настоящее, в котором конструируется будущее. Именно этим, дружище Семен, мы и занимаемся.

– Конструированием будущего?

– В точку.

Собеседник ненадолго умолк, словно отвлекся на какую-нибудь мелочь – взглянуть на часы, например.

– Сегодня я тебя трогать не буду, – сообщил он вскоре. – Отдыхай. А завтра приступим. Поесть и попить ищи в холодильнике или в магазин сходи. Не маленький, найдешь. Все. Будь здоров.

– И вам, – проворчал Семен, нажимая на кнопку с красной трубочкой, – не кашлять.

«Интересно, – подумал он. – Что там за будущее эти типы конструируют?»

Как-то незаметно он стал думать о незнакомом собеседнике во множественном числе, словно тот представлял какую-то мощную и многолюдную организацию. Так оно, скорее всего, и было. Уж слишком лихо орудовали – билет в соседнюю страну, квартира, паспорт российский… Паспорт, честно говоря, жжет руки, беспокоит. Не готов был Семен ни к каким конфликтам с законом. Что бы там ни утверждал неведомый дядька-телефонист – все преступления начинаются с уверений в честности. Может, следует поскорей ноги в руки, сумку за спину и рвать с этой квартиры куда глаза глядят? А симку вынуть и выбросить? Да еще сломать для верности?

Однако в глубине души Семен знал, что этого не сделает. Что-то мешало. Но что именно – он пока еще не понимал.

Дверь Семен запер – на замок и на цепочку – и пошел исследовать содержимое холодильника.

Было около девяти вечера. Первого вечера в чужой и незнакомой Москве.

2.

Чего у Семена было не отнять – это умения быстро приспосабливаться к новому, будь то место работы, новое жилье или внешнеполитический курс очередного президента. Вот и к

Москве он привык очень быстро, словно жил тут все предыдущие годы. Даже бабушки у подъезда здоровались с ним так, будто помнили Семена еще бегающим в школу. Это было странно и не очень правдоподобно, но Семен смирился.

Особенно в свете того, чем он теперь занимался.

Он очень хорошо запомнил первое свое задание.

На следующий день после прилета в Москву позвонил шеф (надо же было как-то называть обладателя телефонного голоса?) и выдал первую инструкцию. Семену было велено купить в ближайшем супермаркете обыкновеннейшее пластиковое ведро, подъехать по указанному адресу, на ближайшей стройке наполнить ведро песком и потом рассыпать песок около трансформаторной будки, ведро оставить здесь же и отправляться восвояси.

Семен выполнил все, как было сказано, хотя ежесекундно ждал строгого оклика, особенно когда набирал на стройке песок. Однако обошлось. Почти час Семен просидел на лавочке в противоположной стороне двора, но все-таки дождался событий.

Сначала у трансформаторной будки запарковался здоровенный бензовоз с логотипами ТНК на округлых боках цистерны. Водила выскочил и метнулся в ближайший подъезд – видать, заехал домой перекусить, время-то дневное, обеденное.

Через семь минут во двор влетел какой-то идиот на белой «Субару», а следом – два полицейских «Мерседеса». Семен не очень понял, что произошло, но один из «Мерседесов» едва не протаранил бензовоз с кормы, затормозив как раз на рассыпанном Семеном песочке. «Субару» с ходу врубился в дерево у трансформаторной будки, да так, что обломившаяся ветка оборвала электрические провода. Когда они мазнули по металлу бензовоза, шарахнула такая неслабая искра, что Семен непроизвольно вздрогнул. Легко было представить последствия, воткнись «Мерседес» с ходу в цистерну – искра, разлитое топливо…

Рядом с трансформаторной будкой, за сетчатым заборчиком, располагалась игровая площадка детского сада. И в момент, когда все происходило, на ней играли дети.

Когда Семен сопоставил все факты, внутри у него все похолодело. Нет, он вполне допускал, что полицейская машина вовремя затормозила бы и без песочка. Но воображение ведь не отключишь?

Семен как раз шел к метро, когда позвонил шеф и просто сказал:

– Молодец. Плюс сто на карточке. Будь всегда на связи.

И отключился, потому что Семен долго молчал в трубку, впав

в странный мыслительный ступор.

Дома, в девяносто пятой квартире, он не выдержал и дернул стакан водки.

И пошло. Шеф звонил в самое непредсказуемое время – днем, ночью, безотносительно ко времени суток. Иногда раз в неделю, иногда дважды в день. Как-то даже три раза за день пришлось мотаться. Семен выполнял на первый взгляд мелкие и незначительные поручения – убирал с края крыши забытые кем-то кирпичи, закрывал распахнутые двери подъездов, пару раз вбивал на место костыли, крепящие железнодорожные рельсы, красил фосфоресцирующей краской бетонные плиты, уложенные поперек закрытой на ремонт улицы, выламывал и уносил подальше расшатанные металлические прутья заборов, подпиливал и валил указанные деревья накануне сильных штормов… Чего только ему ни приходилось делать! Странно, но даже когда он совершал на первый взгляд хулиганские и асоциальные вещи (например, разбивал булыжником витрину в магазине), ему как-то удавалось разминуться с охраной или полицией. Видимо, шеф идеально вычислял время очередной акции, так, чтобы у Семена всегда был безопасный вариант отхода. Семен вообще не был склонен к завышенной самооценке и не питал иллюзий относительно собственной значимости, но обычная логика то и дело подсказывала ему неизбежно печальный и зачастую трагичный сценарий дальнейшего развития событий, если исключить его, Семена, вмешательство. Ну, кирпичи на крыше или перекрытая бетонными плитами улица – понятно. Чья-то сбереженная голова и уцелевшая машина. Однако то и дело приходилось выполнять и достаточно абстрактные и с виду совершенно невинные поручения – например, задержать у входа в метро некоего человека и выяснить у него дорогу к месту, окрестности которого Семен на самом деле прекрасно знал. Семен честно забалтывал этого человека – по-спортивному одетого молодого парня – минуты полторы. И гадал потом: кого и от чего уберегла эта задержка? От падения под поезд? От ножа в боку после нелепой драки?

В любом случае, Семен отчетливо понимал, что на самом деле является лишь орудием, инструментом в руках истинного вершителя чьих-то судеб. Был ли этим вершителем шеф, чей голос он постоянно слышал посредством загадочной сети Небо-ТФ, или же этот неведомый человек, которого Семен никогда не видел, и сам был схожим орудием высшей силы – неизвестно. Но, так или иначе, у Семена постепенно вызрело твердое намерение увидеть человека, с которым он разговаривает, и понять – кто он? Если такой же исполнитель, как и сам Семен, только рангом

повыше, то кто сидит еще выше него?

Понимал Семен и то, что его изыскания вряд ли будут одобрены теми, кто сидит выше. Да и вообще будут небезопасными. Но извечный страх перед властью, перед бандитами и вообще перед людьми, способными на необратимые поступки, который всегда жил в нем, маленьком человеке из маленького города, волшебным образом испарился. Возможно именно потому, что в последнее время ему самому пришлось совершить немало странных поступков, сильно изменяющих кое-что в окружающем мире.

Можно думать что угодно, но спасенная человеческая жизнь – это в чистом виде изменение окружающего мира. Возможно, что весьма сильное – все мы читали «Бабочку» Рея Брэдбери. И если, черт возьми, судьба (или кто там стоит за шефом?) назначила его, Семена Немоляева, этой самой бабочкой, то лучше уж быть разумной бабочкой, а не безмозглой. Не слепым орудием в чьих-то раскладах, а существом мыслящим, наделенным, как Семен смел надеяться, совестью и здравым смыслом.

Злодеяний он, во всяком случае, совершать не хотел категорически – и без него в Москве то и дело что-нибудь взрывали.

Со взрывами он как в воду смотрел.

Очередной звонок на Небо-ТФ застал его в очереди перед кассой продуктового магазина-минимаркета.

«Хорошо, что не минутой позже, – подумал Семен мимолетно. – А то рук не хватило бы и покупки по пакетам распихивать, и сдачу от кассирши принимать, и на звонок отвечать…»

– Слушаю! – сказал он буднично.

– Метро «Проспект Вернадского», – шеф как всегда был краток. – Выход назад. Как доедешь, жди звонка.

– Еду, – так же буднично отозвался Семен, поставил корзинку с продуктами на пол и протиснулся мимо расплачивающихся покупателей к выходу.

Очередь таращилась на него с немым уважением: вот так вот просто поставить корзинку и уйти – есть в этом нечто театральное. Охранник у выхода, напротив, глядел с подозрением. Но Семен прошел между рамок и ничего не зазвенело, поэтому охранник всего лишь проводил его взглядом и направился к оставленной корзинке. Но Семен этого, конечно же, видеть не мог.

Он быстрым шагом достиг Первомайской, спустился на платформу, скользнул в подоспевший «Русич» и сел на одиночное место в самом углу вагона. Ехать ему предстояло минут сорок

пять минимум. Под равномерный гул и убаюкивающее покачивание совершенно не думалось и Семен впал в странное оцепенение. Совершенно механически вышел на «Арбатской», перешел на «Библиотеку» и втиснулся в поезд, следующий на юго-запад.

На «Проспекте Вернадского» он вышел из метро под навес очередного торгового центра и вынул из кармана мобильник. Через секунду он дрогнул в руке и зазвонил.

– Слушаю!

– Справа от тебя вход, там «Ион», должно быть видно.

– Вижу, – подтвердил Семен.

– Входи.

– Вхожу.

Не отнимая телефона от уха, Семен миновал стеклянные двери, придержал локтем, чтобы не ударили в спину, и вошел в салон электроники, которых в последнее время расплодилось на каждом углу без счета. В салоне было тесновато, запыхавшиеся менеджеры явно разрывались на части между покупателями.

– Терминал оплаты в углу, – сообщил шеф.

– Вижу.

– Между ним и стеной стоит пакет. Подбери его.

Перед терминалом стояла худющая, как цапля, девица в сером и сосредоточенно тыкала в сенсорный экран. Рядом ожидали своей очереди двое парней.

– Простите, – спокойно обратился Семен ко всем сразу. – Я там пакет забыл. Можно забрать?

Парни молча посторонились, пропуская его, а девица продолжала отрешенно касаться экрана.

Семен тронул ее за плечо.

– А?

– Пакет, – терпеливо пояснил Семен. – Вон там. Забыл.

Девица глянула между терминалом и стеной, затем сложилась чуть не пополам взяла пакет. По всей видимости, он оказался неожиданно тяжелым, потому что отчетливо было видно, как девушка напряглась.

– Спасибо, – поблагодарил Семен, принимая пакет. Действительно очень тяжелый.

– Кирпичи у вас там, что ли? – недовольно проскрипела девица и снова уткнулась в экран.

– Нет, бомба! – ляпнул один из парней, и оба с готовностью заржали.

Семен молча протиснулся между ними и свернул к выходу. В проходе у салона он вспомнил о телефоне и поднес его к уху.

– Забрал, – сообщил он шефу.

– Отлично! Выходи наружу, направо, к проспекту.

Семен подчинился. Основное его внимание было поглощено тем, чтобы тяжелый пакет не бил по ноге.

– Пройди чуть вперед, мимо маршруток. Там должна стоять древняя темно-синяя «Копейка». Открой правую заднюю дверь и оставь пакет на полу, за водительским сиденьем.

– А что водителю сказать?

– Поздоровайся, – буркнул шеф с внезапным раздражением и отключился.

– Ладно, – пробормотал Семен, убирая телефон в карман и перехватывая пакет освободившейся правой рукой, потому что левая уже ныла от тяжести и напряжения.

Чуть впереди неизбежных приметрошных таксистов к тротуару действительно примостилась потрепанная «Копейка», грязная и неухоженная. Внутри и рядом с ней никого не было, так что обмен приветствиями с водителем как минимум откладывался.

«Вот будет номер, если она закрыта», – подумал Семен, берясь за дверную ручку.

Однако его опасения были напрасными – машина оказалась незапертой, и дверь без труда открылась. Семен, не оглядываясь, по-хозяйски сунулся внутрь, примостил пакет за водительским сиденьем и завернул свободный верх так, чтобы не торчал. В таком положении темный пакет заметить было очень трудно.

Семен со второй попытки захлопнул разболтанную дверцу и отошел в сторону. Боковым зрением он видел, что болтавшие у своих драндулетов таксисты прервали разговор и смотрят в его сторону.

Стараясь выглядеть непринужденно, Семен неторопливо пошел к метро. Обернулся он всего раз, на полпути. Обернулся и вздрогнул.

В старую «Копейку» как раз садились двое мужчин. Семен отошел довольно далеко, поэтому рассмотреть их особенно не мог, но одеты они были примерно так же, как таксисты – темные брюки, темные куртки, вязаные шапочки.

Семен отвернулся и ускорил шаг.

По проспекту машины неслись сплошным потоком, но периодически, когда светофоры переключались и позволяли пешеходам перейти на противоположную сторону дороги, в этом сплошном потоке ненадолго возникала прореха.

Именно в такой момент старая «Копейка», даже не успевшая отъехать от тротуара, взорвалась. Таксистов и две передние машины просто смело. Ограждение на разделительной линии смело тоже и его обломками сильно побило машины на встречке.

Наверняка пострадали и оказавшиеся рядом пешеходы – у метро всегда многолюдно.

Но если бы бомба взорвалась в торговом центре…

Семен представил и похолодел.

В тот же миг ожил телефон – снова шеф.

– В метро не суйся, – предупредил он. – Уходи по проспекту против движения, к улице Кравченко, там перейди и садись на троллейбус до Киевского вокзала.

Семен, до этого глядящий себе под ноги, поднял взгляд и увидел белую табличку-указатель около дороги:

«Улица Кравченко – 250 м».

Он сделал все так, как велел шеф, – прошел вперед, пересек проспект и улицу Кравченко и сел на троллейбус, который даже не пришлось ждать – тут была конечная остановка, и троллейбус с открытыми дверьми просто стоял у диспетчерской. Вскоре он отправился, а Семен сидел, безучастно глядел за окно и размышлял. В основном о том, что надо бы поплотнее поговорить с шефом. Террористом-подрывником Семен себя не видел ни при каких раскладах.

У Киевского вокзала он покинул троллейбус, спустился в метро и вернулся домой через тот же супермаркет, в котором его застал звонок шефа. На этот раз Семен купил все, что хотел, и полную корзинку не пришлось бросать, так и не оплатив покупки.

Дома Семен сварил пельмени, клацнул выключателем чайника и задумчиво застыл у окна. Мысль, занимавшая его уже довольно давно, сегодня наконец выкристаллизовалась и обрела вербальное воплощение.

«Надо найти способ звонить шефу, – думал Семен. – Когда это МНЕ нужно, а не только когда шеф сам соизволит позвонить. Но как? Номер у него не определяется…»

Семен вздохнул, выловил пельмени из кастрюли в тарелку, вымыл вилку, потому что чистой традиционно не нашлось, и присел к столу. Поглощая нехитрый холостяцкий ужин, он не прекращал размышлять. Да и потом, когда он уже валялся на диване перед телевизором и прихлебывал чай из большой чашки, мысли продолжали вертеться вокруг одного и того же – в телефонной книге мобильника, увы, нет, номера шефа…

Примерно через час, когда положительный герой изводил на экране очередную пачку злодеев, Семена вдруг посетила дельная идея. Он даже сел на диване, опустив ступни на холодный пол.

«Стоп! – сказал он сам себе, удивленный, что такая простая мысль не пришла в голову раньше. – В записной книге телефона, конечно же, нет номера шефа. Там только телефоны знакомых. Но контакты могут храниться и на симке!»

Семен уже много лет целенаправленно включал только телефонную книгу аппарата, а на симках никаких номеров старался не хранить. Был неприятный опыт при перетыкании сим-карт в чужие мобильники.

Метнувшись в коридор, Семен добыл из кармана куртки свое китайское чудо, вернулся в комнату с телевизором и принялся листать настройки.

– Та-а-ак, – протянул он, добравшись до свойств телефонной книги. – Только телефон, телефон и сим, только сим! Вот это и выберем!

Он нажал на кнопочку под надписью «сохранить настройки» и вышел из меню. Потом, затаив дыхание, коснулся кнопки под надписью «имена».

Открылась телефонная книга. Семен боялся, что она окажется совершенно пустой, но одна запись там все же была.

Только странная.

«Имя недоступно».

Тем не менее Семен навел на нее курсор и вошел в опции, где выбрал «просмотр».

Странная запись, определенно странная! В графе «имя» – значится «имя недоступно». В графе «номер» – «номер недоступен». Но запись, тем не менее, существует!

Семен вздохнул, зачем-то переместил курсор на строку, где полагалось находиться номеру, а затем нажал на вызов – разумеется, с симки «Неба-ТФ».

Он был практически уверен, что механический голос сейчас сообщит: номер набран неверно, или такого абонента не существует, или он находится вне зоны действия сети, или еще какую-нибудь дежурную отговорку сотовых операторов.

Однако ничего подобного не произошло – раздались обычные длинные гудки вызова. А несколькими секундами спустя трубку сняли и голос шефа спокойно произнес:

– Слушаю!

– Здравствуйте! – поздоровался Семен, чувствуя, что в горле некстати пересохло.

– Догадался заглянуть в телефонную книгу? – чуточку сварливо поинтересовался шеф.

– Да.

– Молодец! Долго собирался, но некоторые вообще не додумываются. Ну, что скажешь?

Семен немного поколебался, однако все же набрался храбрости и выпалил:

– А обязательно было взрывать ту машину?

Шеф тоже помедлил с ответом.

– Обязательно, – сказал он без тени сомнения. – Это была машина террористов. Они и подорвались.

– А прохожие?

– А что прохожие?

– Погибло несколько человек. И несколько в больнице, я в новостях слышал, пока ехал.

– Взорвись бомба в торговом центре, цифры были бы совершенно иные. Совершенно. Ты это понимаешь?

– А что, нельзя было бомбу обезвредить? – почти закричал Семен.

– Нельзя, – вздохнул шеф. – Если бы было можно, я бы сказал как и ты бы это сделал. Привыкай, парень. Тебе часто придется совершать зло, но это будет меньшее зло, гораздо меньшее, чем то, которое ты своими поступками предотвратишь. Сегодняшнее задание считай боевым крещением, за него положена особая премия. Теперь я знаю, что ты готов и для более серьезных дел. Между прочим, рекомендую скачать и прочесть руководство по саперному делу, а заодно и методики ухода от уличной слежки. Пригодится.

Еще в середине тирады шефа Семен придумал, что возразить ему: мол, меньшее зло – все равно зло. Убивая пятерых вместо пятисот, так или иначе делаешься убийцей. Однако дальнейшие предложения шефа сбили с толку и Семен попросту растерялся. Какое саперное дело? Какая слежка? Кажется, его не за того принимают.

– А вы не боитесь, что вас найдут? – тоскливо спросил он у шефа.

Тот неожиданно рассмеялся, а потом уточнил:

– Кто найдет?

– Ну, – протянул Семен, – ФСБ какое-нибудь…

– ФСБ слишком сложная и неповоротливая структура, – не задумываясь ответил шеф. – Она была более-менее эффективна до семидесятых, даже до середины восьмидесятых годов, даром что называлась иначе. А потом – финиш, техника и электроника сделали свое дело. Сегодня нет организаций, способных эффективно противостоять терроризму и техногенным катастрофам. На это способны только хорошо информированные кроты-одиночки вроде тебя. При эффективном управлении, разумеется. Ты мне сразу понравился, действуешь точно, четко и быстро, так как и подобает кроту. А до недавнего времени еще и вопросов лишних не задавал. Не то чтобы вопросы в нашем деле исключены, просто на определенном этапе начинаешь осознавать их избыточность и ненужность. Я думаю, ты дорастешь и до этого.

– В нашем деле? – переспросил Семен, оживляясь. – А можно

ли поинтересоваться – в чем оно, собственно, заключается, наше дело?

– Наше дело, Семен, – доверительно сообщил шеф, – хранить город. Пока город жив, хорошо будет и людям, его населяющим.

– Угу, – пробурчал Семен. – Особенно тем, кто сегодня погиб, стало хорошо.

– Еще раз повторю, выживших больше. В разы. В десятки раз. В таких случаях нельзя колебаться: всегда выбирай вариант с минимумом жертв. В идеале, конечно, лучше бы вовсе без жертв, да только идеал потому и зовется идеалом, что на практике обычно недостижим. Не казни себя и не забивай голову этикой: главное, чтобы город жил. Если погибнет город – умрут все.

– Да как можно убить целый город? – с легкой досадой произнес Семен в трубку, убрав ее от уха и поднеся почти вплотную к губам.

– Проще, чем кажется, – сухо ответил шеф. – Все, хватит разговоров. Отдыхай, набирайся сил, в основном моральных. И жди новых звонков. Пока.

Не дожидаясь, пока Семен ответит, он отключался – в трубке загудело, коротко и часто.

Честно говоря, разговор с шефом получился сумбурным, но неожиданным. Нетривиальным даже. Семен вернулся к телевизору – там главный герой как раз докромсал полчища злодеев и ушел на закат с какой-то голозадой девицей, а поверх финальных кадров побежали титры.

После фильма начался выпуск новостей. Сюжет о взрыве на проспекте Вернадского пошел в самом начале.

По версии ФСБ-шников, которую они скормили репортерам, в последний момент террористы изменили первоначальный план – взорвать бомбу в торговом центре, забрали ее из «Иона» и вернулись в машину, где «по неосторожности привели взрывное устройство в действие». Далее мельком показали свидетелей – Семен легко узнал тощую девицу, виденную у терминала, и двух парней, о которых сказать ему было нечего: может, они торчали тогда же у того же терминала, а может, и не они, лиц Семен совершенно не запомнил. Дикторша проникновенно сообщила, что по показаниям свидетелей составлен фоторобот террориста, отчего Семен сильно напрягся, однако секундой позже показали этот фоторобот и у него слегка отлегло от сердца: лицо на экране до такой степени отличалось от лица Семена, что беспокоиться совершенно не стоило.

«Ерунда какая-то, – подумал Семен растерянно. – Неужели контора так грубо и беспардонно врет? Или свидетели насочиняли? Разве у меня такой нос? И глаза не так близко

посажены. И прическа совсем другая… А челюсть?»

Он даже встал и сходил в коридор к зеркалу. Не такая челюсть, совершенно не квадратная! Лицо с фоторобота легко может принадлежать какому-нибудь провинциальному бандюгану, а Семен больше похож на вечного студента или на абстрактного ай-тишника, особенно когда в очках.

Однако против фактов не попрешь: обнародован фоторобот, ничего общего не имеющий с ним, человеком, реально вынесшим бомбу из торгового центра в машину террористов. Как-то страшновато жить в стране, где люди и организации, ответственные за безопасность людей, работают таким вот образом!

В принципе, Семен не был наивным мальчиком и прекрасно знал, что полиция и прочие спецслужбы Украины и России никого и ни от чего даже не пытаются защищать, а спокойно себе занимаются поборами и крышеванием. Но хотя бы против взрывов можно бороться не понарошку? Это уже за гранью цинизма.

Сегодня Семен убедился, что у цинизма нет границ.

В эту ночь Семен плохо спал и несколько раз просыпался. Снилось, что шеф велел ему положить бомбу в камеру хранения почему-то на Рижском вокзале, но Семен заблудился в метро и непонятно как все время приезжал на Савеловский, а когда время, отведенное шефом, вышло, просто оставил бомбу в вагоне метро, вышел на «Менделеевской» и как мог резво припустил по платформе. Взрыва он не дождался – проснулся весь в поту.

Потом приснилось, что шеф велел взорвать Останкинскую башню и Крымский мост. Во сне они располагались рядом, поэтому Семен решил действовать хитро́ – так установить заряды, чтобы башня просто упала на мост и разрушила его. Однако до взрыва снова не дошло – проснувшись, Семен чертыхнулся и побрел на кухню, хлебнуть чаю.

В итоге он совершенно не выспался, а наутро действительно позвонил шеф. Правда, задание выпало тривиальное и со взрывами никак не связанное. Нужно было всего лишь проколоть покрышку автомобилю на стоянке в Строгино. Единственное, что пришлось предварительно сделать, – заскочить в спортивный магазин и купить в рыболовном отделе взрослый нож, поскольку, за исключением кухонных, других ножей в квартире не нашлось, а шила не имелось вовсе. Можно было, конечно, купить шило напротив, в строймаге, но нож показался как-то притягательнее, не в смысле сегодняшнего дела, а вообще, в целом.

Выполнив задание, Семен немного поразмышлял – куда сегодня должна была вляпаться несчастная вишневая «Лада»? Ничего особенного, увы, не придумал. Оставил ее, болезненно

припавшую на правое переднее колесо, и покинул автостоянку незамеченным, потому что точно знал: сторож отлучился из будочки в ближайший магазин. Скорее всего – за чекушкой на опохмел, судя по его внешнему виду.

Вернувшись домой, Семен прилег на диванчик перед телевизором и не заметил, как крепко уснул. Проспал он остаток дня и всю ночь, а когда проснулся – мучившие вопросы как-то сами собой отступили на второй план.

В следующие две недели Семен выполнил еще с десяток умеренно безобидных заданий шефа, а еще убедился, что в Москве иногда тоже может отключиться свет. Как ни странно, это обыденное для провинциальных городов и тем более деревень-поселков, событие в столице было воспринято с тревогой и даже неоднократно отражено в теленовостях, которые Семен с некоторых пор стал регулярно смотреть. Дикторы в один голос твердили о каких-то веерных отключениях, а послушав еще немного, Семен понял, что энергосистема Москвы попросту перестала справляться с возросшей нагрузкой. Ну, да, мощности всякой бытовой техники выросли в разы, даже в десятки раз. Одних киловаттных электрочайников не счесть, а магистрали-то остаются древними, еще советскими. Какой же чиновник в своем уме станет тратить деньги на новые магистрали, если деньги можно просто украсть? Вот никто и не тратился. А город тем временем рос, китайцы в немыслимых количествах штамповали электрочайники и везли их в Россию…

Это событие отложилось в памяти Семена, но первоначально он не придал ему особого значения. Подумаешь, свет пропал!

В конце лета, когда по всей стране дружно чадили торфяники, а в Москве было серо от дыма, в очередной раз позвонил шеф. Начало разговора сразу напомнило Семену подзабытые уже события на проспекте Вернадского.

– Привет, – поздоровался шеф. Голос шефа Семену сразу не понравился – показался то ли раздраженным, то ли встревоженным. – Ты руководство по взрывотехнике проштудировал?

Семен нахмурился, хотя шеф этого увидеть, конечно же, не мог.

– Нет, – ответил он честно.

– А чего хмуришься? – поинтересовался шеф.

Семен оторопело замер – до этого он просто шел по тротуару мимо какого-то модного магазина на Алексеевской. На него тут же налетел ближайший прохожий – высокий парень, тоже треплющийся по мобильнику. Налетел, коротко извинился и исчез, но Семен этого практически не заметил.

– Откуда вы знаете, что я хмурюсь? – осторожно спросил он у шефа.

– Вижу, – коротко объяснил шеф.

Семен невольно принялся озираться и вдруг взгляд его зацепился за камеру видеонаблюдения, установленную над входом в магазин. Камера целилась объективом прямо в Семена.

– Да-да, – подтвердил шеф. – Через нее и вижу.

– А вы что, тут, в магазине? Или в охранной фирме? – с чрезвычайно глупым видом спросил Семен, прекрасно сознавая неуместность вопроса.

Шеф вздохнул.

– Семен, я везде. Правда, в основном в пределах МКАДа, но кое-где уже и за него выбрался. Ты совершенно напрасно относишься ко мне, как к человеку, хотя это и неизбежно. Я везде, где работает роуминг Неба-ТФ.

Семен ничего не понял, но решил глупые расспросы пока прекратить.

– Ладно, к делу. Опять возникла проблема с подрывниками, будь они неладны. Готовят большой бум в Сокольниках. Не хочу никого пугать, но может лечь энергоснабжение всего востока Москвы.

Шеф умолк; Семен многозначительно молчал, поскольку не знал – что можно сказать в ответ на это сообщение.

– Бомба у них готова. Надо ее… того…

Шеф снова умолк, но теперь хотя бы стало понятно, куда клонится разговор.

– …обезвредить? – Семен закончил фразу за шефа.

– Можно сказать и так. Ты сам признался, что ничего не читал на эту тему. Поэтому обезвреживать придется громко. Но зато не там, где может пострадать подстанция.

– Понимаю. Что делать?

– Езжай на Преображенку, доедешь – перезвоню.

– Понял, – Семен кивнул в камеру, спрятал мобильник в карман и решительно зашагал к метро.

На эскалаторе, когда сказанное слегка улеглось в сознании, Семен в полной мере прочувствовал: ему все меньше нравится то, что обезвреживание будет громким. Он долго не решался признаться себе чего на самом деле хочет. Но в конце концов сформулировал, уже на переходе с «Тургеневской» на «Чистые Пруды».

«Если велит взрывать в людном месте, – подумал Семен со всей решимостью, на какую был способен, – откажусь!»

Едва он вынырнул из-под земли на Преображенской площади, позвонил шеф. Объяснил, как найти дом, сообщил, что дверь

подъезда, дверь тамбура на этаже и даже дверь в нужную квартиру открыты. Семену это сразу не понравилось, однако в тот момент он смолчал.

По словам шефа, у Семена имелось окно минут в десять-пятнадцать, после чего неведомые террористы вернутся. На вопрос – что ж это за террористы такие, которые двери в квартиру с бомбой не запирают, шеф хмыкнул и многозначительно сообщил:

– Они-то как раз заперли…

В общем, через какое-то время Семен, напряженный и потный от страха, стоял в чужой квартире перед загадочным устройством, помещенным в коробку из-под обуви. Квартира была явно съемная, из мебели – только стол на кухне, пара табуретов да вешалка в прихожей. Плюс несколько матрасов на полу в комнате и тут же – клетчатые рыночные сумки с какими-то вещами.

Бомба в коробке покоилась на табурете, Семен стоял перед ней на коленях.

– Там должен быть мобильник выпотрошенный, скорее всего, без корпуса, только дисплейчик и кнопки. А может, и кнопок нет.

– Есть дисплейчик! – подтвердил Семен.

– Что на нем?

– Билайн, индикатор батареи… – пробормотал Семен.

– Ага, значит в сети, отлично. Проводки к нему идут?

– Идут.

– Сколько?

– Четыре. Синий, зеленый, еще зеленый и коричневый.

– Должны быть три примерно в одно место и один отдельно. Так?

– Да, один зеленый отдельно.

– Перекуси его! – велел шеф.

Семен, вынимая из кармана «Викторинокс», опасливо поинтересовался:

– А оно того… Не бабахнет?

– Сейчас нет, – заверил шеф спокойно. – У тебя будет время уйти, а потом я ее по смс-ке взорву вместе с террористами, да и все.

Семен, уже откинувший ножнички швейцарского ножа и наладившийся было перерезать одиночный зеленый провод, невольно замер.

– То есть, как взорвете? Где?

– Да прямо там, где оно лежит, – ответил шеф. – Давай, не тяни время, хозяева вот-вот вернутся!

– То есть, я эту бомбу не буду никуда выносить? Вы хотите взорвать квартиру?

– Времени нет выносить! – нетерпеливо сказал шеф. – Не успеем! Перекусывай давай, иначе смс-ка не пройдет!

Семен решительно убрал руку с ножничками от перемотанной изоляционной лентой адской машинки.

– Я не буду взрывать жилой дом, – твердо сказал он.

– Семен! – разозлился шеф. – Эта долбанная хрущоба стоит на снос, жильцы почти все отселены! Дом практически пустой!!!

– Почти? – переспросил Семен, вставая с корточек. – Практически? Да пусть эти уроды хоть десять подстанций взорвут! В подстанциях люди не живут.

– Ты не понимаешь! – заорал шеф. – Если они взорвут подстанцию, это будет начало самой страшной техногенной катастрофы за время существования человечества!!!

– Я не буду взрывать жилой дом, – упрямо повторил Семен и решительно сбросил вызов.

Со всей возможной поспешностью он покинул квартиру, потом дом и отошел к соседней хрущобе. Обернулся, пригляделся.

Дом и вправду выглядел покинутым, но на одном из балконов все же сушилось белье, около дальнего подъезда жалась к бордюру «Газель»-фургон, куда грузили хозяйский скарб рабочие в линялых синих комбинезонах, а рядом мирно беседовали две бабульки.

Это лишь укрепило Семена в принятом решении. Он отключил телефон и вынул симку «Неба-ТФ» из гнезда. Хотел размахнуться и зашвырнуть ее в сторону мусорника, но в последний момент передумал и сунул во внутренний карман ветровки.

Он уже знал, что сделает дальше: снимет с карты все деньги, заскочит домой за вещами – и прямиком в аэропорт. Рейс на Николаев улетел утром, но это не важно, стартанет куда получится – в Симферополь, в Одессу, в Киев. Куда-нибудь, главное – поближе к дому.

Вынырнув из дворов на Большую Черкизовскую, Семен поспешил в сторону метро, на площадь. По дороге он без всякого умысла глянул на витрину «М-видео», полную всяческой электроники.

В витрине помимо всего прочего было выставлено три телевизора. Именно в тот момент, когда Семен на них поглядел, изображение с экранов всех трех синхронно исчезло и сменилось одинокой строкой с текстом: «Семен! Вернись!»

Он вздрогнул, втянул голову в плечи и ускорил шаг.

«Чертовщина какая-то, – думал Семен, приближаясь к остановке. – Вся моя жизнь в последние месяцы – сплошная

техногенная чертовщина!»

Юркнув в подходящую маршрутку, Семен с некоторым облегчением умостился в кресле. Однако в следующее мгновение от облегчения не осталось и следа: на экранчике «Маршрут-ТВ» после очередного рекламного ролика возникла надпись: «Семен! Не убивай меня!»

И подпись: «Небо-ТФ».

У Семена внутри все замерло.

Из маршрутки он пулей выскочил на ближайшей же остановке и дальше решил добираться пешком, избегая вездесущих экранов. Едва он свернул на Сиреневый бульвар, зазвонил мобильник. Обычный, московский, первая симка.

«Номер не определен», – прочел Семен на экранчике и подрагивающими руками утопил кнопку питания. Утопил и удержал.

Трель прервалась, экранчик погас. Телефон выключился.

Минут пятнадцать Семен шагал по Сиреневому, ежесекундно ожидая какого-нибудь подвоха и с подозрением косясь на витрины магазинов. Он специально вышел в центр бульвара, подальше от возможных видеокамер.

Идея зайти за вещами уже казалась ему плохой, но в девяносто пятую квартиру стандартной шестиэтажки-свечки между седьмой и пятой Парковыми попасть все равно было нужно: там остался украинский паспорт.

Пробираясь туда, Семен чувствовал себя Бучем из «Криминального чтива», вернувшимся за отцовскими часами. Тем не менее, ни Винса Веги, ни его пушки с огроменным глушителем дома не обнаружилось, даже в туалете. Семен наскоро похватал вещи, ключи повесил в коридоре на гвоздик, вышел и захлопнул двери.

Теперь он мог вернуться, только взломав замок. Эдакий маленький Рубикон.

На бульваре Семен поймал машину, потому что втайне побаивался новых текстовых посланий от шефа – например, в вагоне метро, бегущей строкой.

Неразговорчивый кавказец гнал «жигуль»-универсал чуть ли не дворами – на основных улицах уже начали формироваться добротные вечерние пробки. Тем более что в правом ряду то и дело попадались стоящие троллейбусы. Даже МКАД, как выяснилось чуть позже, еле полз.

На юге, примерно в районе Битцы и Варшавки, водитель в очередной раз свернул на заправку – но эта, как и несколько предыдущих, не работала.

– Нет света, – флегматично сообщил рабочий у бензоколонок.

«Нет света, – эхом отдалось в голове у Семена. – Рванули таки подстанцию? Или просто совпадение?»

Семен еще не знал, что примерно в эти же минуты обрушились Останкинская башня и Крымский мост, а в подвалах высотного дома на Котельнической набережной впервые с момента постройки отключились криогенные установки, замораживающие грунт под фундаментом. Вопрос сползания дома в реку стал просто вопросом времени. И это было далеко не все, что произошло в этот день в Москве.

Но Семен пока верил, что еще до полуночи куда-нибудь улетит.

– Слюшай, и мобила не работаит! – с сильным акцентом сообщил водитель. – Я брату хотел пазвнить, а мобила гаварыт – нэт сэти! И бэнзын нэт савсэм! Сыды, я тыбе сыйчас сам машина поймаю, раз до Внуково нэ довез!

3.

Сеть начала ловиться ближе к Туле. В Москве, налаженная жизнь которой рухнула в мгновение ока, вряд ли что-либо восстановят во внятные сроки, там творятся форменные ужасы, и Семен правильно сделал, когда решил уходить на юг пешком. Хорошо, что он догадался захватить на разгромленной бензозаправке карту автодорог – GPS подзарядить было попросту негде, а на тех же бензоколонках мародеры забирали в первую очередь батарейки, новую валюту нового времени. В первой день он даже пытался голосовать, но, во-первых, на дороге почти не было движения, а те редкие автомобили, которые все-таки встречались, ехали как раз к Москве. Надо думать, народ из провинции тоже решил помародерствовать в павшей столице. В общем, заслышав шум двигателя, Семен теперь благоразумно сходил с дороги на обочину и старался укрыться за деревьями.

Ну его…

Батарейки в найденном китайском приемничке Семен экономил как мог – приемничек был единственной нитью, связывавшей его с остальным миром. Он нашел станцию, которая передавала только новости штаба по преодолению катастрофы, и слушал ее по нескольку минут в день, цепенея от растерянности и страха. Случившееся не умещалось в голове – теракт на обыкновенной энергетической подстанции, превышение нагрузки на соседних, веерное отключение сначала на востоке, потом на севере и юго-востоке Москвы, потом вообще во всей Москве и области и даже кое-где в прилегающих областях.

Останкинскую башню и еще много что взорвали исключительно в силу того, что легла электроника и террористов с самодельными бомбами просто не смогли вовремя переловить, да и вообще потому, что воцарился форменный хаос. Отключилось все, от мобильных сетей до обыкновенного освещения. И тогда выяснилось, что без электричества невозможно сделать ничего. Вообще ничего. Люди становятся бессильными.

Нет, разумеется, кое-где добросовестно включились и некоторое время исправно тарахтели автономные генераторы. Но топливо к ним имеет весьма неприятное свойство иссякать, а подвоз нового быстро стал невозможен.

Семен точно не знал, что сейчас творится в Москве, однако воображение услужливо подсовывало ему множество очень красочных картин в духе киношной постядерной апокалиптики.

И, скорее всего, эти картины были недалеки от истины.

Заряд в батарее мобильника Семен тоже экономил. До сих пор сеть виделась всего пару раз, и это не была сеть Небо-ТФ. Дважды ловился МТС и однажды Мегафон.

Сейчас «Nokia-VAIO» поймала слабенький сигнал тульского Билайна.

Ни на что особо не надеясь, Семен влез в записную книжку симки Неба-ТФ и попробовал набрать единственный номер, который даже не отображался.

Одинокий человек на обочине пустынной дороги, жмущий на кнопку с нарисованным зеленым телефончиком.

© 2010–2011

Николаев – Москва

Силуминовая соната

– Да хороший смартфон, зря сомневаетесь, – доверительно сказал Митяй клиенту. – Лучше только новый ай-фон будет. А тут и состояние приличное, и не старый еще, меньше года юзан. Я бы взял.

– То-то я смотрю, у вас-то у самого и вовсе не смартфон, а мобильник древний, – скептически заметил клиент, усатый дядька лет примерно пятидесяти.

Что правда, то правда, смартфонами Митяй торговал, но сам пользовался старенькой «Нокией» 65-классик, еще венгерской сборки. Три клавиатуры уже стер, четвертая стояла.

– Так под мои-то задачи мне и простого мобильника много, – пожал плечами Митяй. – А вам, сами сказали, – почта, доступ к сайту, база… Были бы у меня такие задачи, давно бы уже сменил. А я-то даже эс-эм-эс не пишу, звоню только да будильник иногда пользую. Для остального у меня ноут.

Дядьке, похоже, больше хотелось поговорить, чем купить смартфон. Митяй, в принципе, любил пообщаться, однако считал, что навязываться клиенту – это уже лишнее, поэтому старался изъясняться сдержанно и ненавязчиво.

– Пойду еще похожу, – задумчиво протянул дядька и побрел вдоль ряда в сторону кафе.

Когда он удалился шагов на двадцать, из-за смежной левой перегородки выглянул Дуст – сосед по точке. Дуст торговал ноутбуками и сопутствующей комплектухой. Митяй, говоря начистоту, лучше бы перешел к нему. Но с обязанностями продавца и ремонтника Дуст прекрасно справлялся и сам, а расширения торговли, увы, не предвиделось, и так еле концы с концами сводили, что Дуст со своими ноутбуками, что Степаныч, хозяин точки, где торговал Митяй.

Смартфоны Митяй действительно не любил и полагал дорогой и ненужной нормальному человеку блажью. Нет, головой он, конечно, понимал, что некоторым людям реально бывает нужно сию секунду прочесть срочный мейл или влезть в сеть и поглядеть чего-нибудь. Однако нутром прочувствовать подобные потребности был не в состоянии, поскольку сам обычно никуда не спешил – почта прекрасно могла потерпеть и до вечера, до возвращения домой, а в сеть он, бывало, сутками не вылезал, благо с экрана читать не любил, а вместе с дядькиной квартирой ему в наследство досталась огроменная бумажная библиотека, из которой Митяй успел прочесть хорошо если полсотни томов. По этой же причине Митяй не спешил обзаводиться и электронной

читалкой, хотя ими торговал тоже. Правда, не новыми – пользованными. На новые хозяин почему-то жался, скупал где-то бэ-ушные за бесценок. А потом пилил Митяя за то, что весь этот юзаный хлам плохо продается. Конечно, хлам будет плохо продаваться, если напротив такие же новые смартфоны и ридеры лишь самую малость дороже!

– Че, не купил? – участливо поинтересовался Дуст.

– Не-а, – уныло подтвердил Митяй.

– Выгонит тебя Степаныч, – напророчил Дуст с неожиданной уверенностью.

– Да и хрен с ним, – отмахнулся Митяй, совершенно не расстраиваясь. – Мне и самому надоело уже. Честно. Вроде в Эм-Видео персонал опять набирают, схожу, авось возьмут. Хоть не этим дерьмом бэ-ушным торговать.

– Ага, – хмыкнул Дуст язвительно. – Будешь весь такой гламурный, в красной маечке. И чуть что – какой-нибудь старший менеджер на пять лет тебя моложе и весь в угрях станет регулярно сношать за всякие мелочи. Я знаю, я проходил.

Митяй вяло отмахнулся, но даже этого не особенно энергичного движения хватило, чтобы сшибить с полочки один из смартфонов, который не замедлил с размаху грянуться о бетонный пол. У Митяя округлились глаза.

– Твою жеж мать! – процедил он сквозь зубы.

«Только бы экран не убился, – подумал Митяй с отчаянием. – Корпус, хрен с ним, куплю, если что, новый, у Юрки Денежкина, он точно скинет хоть сколько-нибудь…»

Однако надежды его были напрасны.

В принципе, Митяй ожидал, что у смартфона отвалится задняя крышка и вывалится батарея, однако, к немалому удивлению смартфон просто переломился пополам. Как раз посередке экрана.

Митяй мрачно подобрал обе половинки и поглядел на слом.

Тут глаза его округлились еще сильнее.

Внутри смартфона не было ни батареи, ни платы с чипами, ни даже экрана. Такое впечатление, что пополам раскололся не настоящий гаджет, а кусок силумина, продолговатый и плоский, сверху окрашенный, как гаджет. Слом был сплошной, не слоистый; он тускло отблескивал и оттого, что состоял словно бы из слипшихся мелких крупинок металла или блестящего пластика, еще сильнее напоминал силумин.

Митяй озадаченно разглядывал две половинки «смартфона». Дуст с интересом наблюдал за ним.

– Муляж, что ли? – протянул Дуст не очень уверенно. – Специально на витрину?

– Да вроде никогда у Степаныча муляжей не было, – озадаченно произнес Митяй. – По крайней мере, я об этом ничего не знаю.

Он зачем-то составил половинки сломанного смартфона вместе – они идеально подошли друг к другу, а значит смартфон просто переломился надвое, больше кусочков от него не откалывалось.

– Склей, – внезапно посоветовал Дуст, приглушив голос. – У меня тюбик китайщины есть, клеит все ко всему. Пару часов как распечатал. Только пальцы береги, если склеятся – отдерешь вместе с кожей, реально.

Митяй воровато оглянулся – к счастью, у его прилавка не было ни посетителей, ни знакомых продавцов, а кто торчал за своими прилавками, на Митяя с Дустом внимания не обращал.

«Может, и правда? – подумал Митяй с легким замешательством. – Пусть Степаныч сам со своими муляжами разбирается!»

– Давай свою китайщину, – тихо попросил Митяй, присаживаясь на низкий табурет у такого же низкого столика, практически незаметного с наружной стороны прилавка.

Голова Дуста на несколько мгновений исчезла, а потом возникла снова.

– Держи, – из-за перегородки протянулась рука Дуста с желтоватым тюбиком клея. Тюбик Дуст держал словно опасное насекомое – двумя пальцами.

Митяй привстал, потянулся, принял тюбик и сел снова. Смартфон как ни в чем не бывало лежал на столешнице; он даже казался целым, потому что Митяй клал его очень аккуратно, даже зачем-то прижал обе половинки друг к другу. Потом Митяй отвинтил черный колпачок, убедился, что сумеет одной рукой выдавить немного клея, а носиком дозатора вполне удобно будет нанести клей на место слома. После этого второй рукой Митяй взял половинку гаджета.

Вернее, ожидал взять одну, но взял обе, так уж вышло.

Обе половинки словно слиплись – смартфон в руке Митяя выглядел целым, хотя держал его Митяй совершенно точно только за одну половинку, нижнюю, с кнопкой. Однако верхняя половина отваливаться и не думала.

Близоруко щурясь, Митяй внимательно оглядел злополучный гаджет. Линии недавнего разлома он не увидел, сколько ни вглядывался. Смартфон выглядел совершенно целым, словно Митяй и не держал только что одну из его половин в правой руке, а вторую – в левой.

– Что за чертовщина? – растерянно пробормотал Митяй,

вернул внезапно восстановившийся смартфон на столешницу, тщательно завинтил тюбик с клеем, отложил его в сторону и снова взялся за смартфон.

Выглядел тот как обычный выключенный гаджет, с той лишь разницей, что в «Самсунгах» этой модели полагалось быть задней крышке, под ней – месту для карты памяти и сим-карты, а также батарее. Но сейчас смартфон выглядел неразборным, монолитным – никакого намека на заднюю крышку, как у айфонов.

Ничего особенного не ожидая, Митяй утопил кнопку включения.

Экран мигнул, смартфон пискнул, а потом начал загружаться «Андроид».

Митяй оторопело глядел на экран. Когда гаджет пришел в рабочее состояние, он, чувствуя себя полным идиотом, набрал собственный номер. Спустя пару секунд в кармане тихо загудела и завибрировала верная «Нокия». Митяй вынул ее из кармана и мельком глянул на экран.

«Номер засекречен», – значилось там.

– Фигассе, – прошептал Митяй и дал на смартфоне отбой.

В тот же миг на точке Митяя погас свет. И у соседей тоже – единственное, что продолжало светиться – это экранчики «Нокии» и злополучного «Самсунга». Впрочем, «Нокию» Митяй даже не снимал с блокировки, поэтому ее экран очень быстро погас.

Митяй присел, поднырнул под прилавок и выглянул наружу, вдоль ряда. В одну сторону, в другую. Света не было нигде, похоже, обесточили весь рынок.

– Во радость-то! – послышалось слева и из-за перегородки в который уже раз за сегодня выглянул Дуст. – Опять, что ли веерное отключение?

– Фиг его знает… – отозвался из-под прилавка Митяй.

Он вернулся назад, на точку, и вернул смартфон на витрину, а свой мобильник в карман. И почти в тот же момент мобильник зазвонил – пришлось по новой его вытаскивать.

Звонил Степаныч.

– Да, шеф! – бодро ответил Митяй.

– Здорово, лодырь, – буркнул Степаныч. – Там у вас ща свет отключат, будь готов.

– Уже отключили, – отрапортовал Митяй. – Буквально вот только что, минуты не прошло.

– Понятно. Тогда сворачивайся, запирай лавочку и гуляй до понедельника, света не будет, там чего-то монтируют эти дни. Зарплату потом получишь.

– Есть сворачиваться и гулять, – покорно вздохнул Митяй.

Шеф сбросил соединение. Митяй несколько секунд держал трубку у уха, потом отнял и с ненавистью поглядел на экранчик.

– Потом получишь, – пробормотал он негромко. – Коз-зел! А жрать мне, типа, не надо! И за хату платить тоже!

Сердито воткнув ни в чем не повинную «Нокию» в карман, Митяй запер кассу, снова поднырнул под прилавок и принялся опускать ролеты.

– Шабашишь? – поинтересовался Дуст из-за своего прилавка.

– Ага. Степаныч позвонил, сказал – аж до понедельника света не будет. И зарплату зажал, скотина!

– Тогда и я закрываюсь на хрен, – решил Дуст.

Через пару минут и Митяй, и Дуст закончили – торговые точки были надежно заперты. Многие из соседей тоже шабашили, видимо, о грядущем монтаже только Митяй с Дустом не были осведомлены. Покупатели, чертыхаясь сквозь зубы, брели на свет – к выходу.

– Ну что, по пивку? – предложил Дуст воодушевленно. – Раз уж выпали каникулы, надо время проводить с пользой.

Митяй прикинул собственную платежеспособность и решил, что пивко не нанесет совсем уж невосполнимых потерь его бюджету.

– Можно и по-пивку, – вздохнул он, пряча ключи от точки в другой карман джинсов, где не было «Нокии». – А можно и по чему покрепче…

* * *

Неожиданный мини-отпуск, несомненно, поспособствовал тому, что странности со сломанным и затем внезапно ожившим смартфоном-обманкой основательно затерлись в памяти. Нет, Митяй о сюрпризах того четверга, конечно же, помнил, но из сиюминутных воспоминаний они оказались вытеснены более свежими событиями – и посиделками в «Кварце» с Дустом и девчонками, и субботним футбольным матчем, куда Митяй ходил с дружками-соседями по старому двору («Спартак» в кои-то веки не продул, а выиграл, причем крупно и всухую, три-ноль), и воскресной премьерой «Лабиринта отражений» по Первому каналу, и вечерним свиданием с Анжелой, подругой дустовой Натахи, с которой Митяй познакомился в четверг в «Кварце». В общем, явившись на работу в понедельник и застав точку уже открытой – с ранней рани изволил заявиться Степаныч, – Митяй на злополучный смартфон с витрины даже и не глянул. Вопреки опасениям Степаныч сразу же отстегнул Митяю законную сумму –

ввиду нерабочей пятницы несколько меньшую, нежели обычно, но к этому Митяй был морально готов, поэтому особо и не расстроился.

– Я там забрал кое-что с витрины на «Овощ», – предупредил Степаныч. – Все, работай!

«Овощем» называлась вторая точка Степаныча, у самого метро, помещавшаяся в уголке напротив входа в овощной отдел «Пятерочки».

– Ага, – кивнул Митяй и принялся рассовывать в ящики под прилавком свежепривезенные шефом коробки с гаджетами и комплектухой. К открытию рынка для покупателей Митяй как раз успел все рассовать и выставить новинки на витрину. Того самого смартфона на виду не оказалось, видимо, его забрал Степаныч. Митяй этот факт мельком отметил, но, поскольку как раз подоспел мелкий оптовик из Владимира, отвлекся и в этот день ни о каких странностях не вспоминал вовсе.

Не вспомнил и на следующий день, и в среду – покупатель ринулся косяком, и Митяй вертелся как белка в колесе, то и дело телефонируя Степанычу о грядущих подвозах. Торговля, как говорят рыночные аборигены, пошла, иногда такое бывает, чаще всего – перед праздниками, но случается, что и на ровном месте, как сейчас. Митяй ничуть не возражал, поскольку за хорошие продажи ему полагалась премия, а кто ж будет возражать против премии?

В общем, день за днем, неделя за неделей, новые события и впечатления пластовались в памяти Митяя поверх того случая, и о необычном смартфоне он и сам не думал, и никому не рассказывал. Митяй не забыл, нет – просто сами мысли к нему не возвращались, а напомнить было некому.

Однако ближе к зиме все-таки вспомнил. И опять все произошло у него на точке и снова в конце рабочей недели, правда, на этот раз в штатную пятницу, а не днем раньше. Продав очередной китаефон счастливому юнцу лет двенадцати, Митяй полез записывать уход товара в специальную тетрадочку, которую заставлял вести Степаныч. Касса кассой, говорил шеф, а бумага надежнее. Митяй так не считал и гораздо охотнее вел бы учет продаж на компе, но с начальством особо не поспоришь. Вот и приходилось упражняться в постепенно отмирающем искусстве писания от руки.

Он накорябал модель проданного мобильника, указал цену и собрался уже было закрыть тетрадь, но что-то его остановило. Сегодняшняя запись сопровождалась каким-то непривычным ощущением, неуловимым, но несомненным. Митяй надолго задумался и наконец сообразил: в тетради сегодня обнаружилась

не та ручка, к которой он привык, – не дешевый одноразовый «Bic» оранжевого цвета с синим колпачком, а что-то на вид куда более солидное, чуть ли не «Паркер».

Митяй взял авторучку и поднес к лицу, разглядывая. Черная, с блестящей кнопкой на одном торце и аккуратным конусом писчего стержня на другом. Зачем-то Митяй пару раз нажал на кнопку – с еле слышным щелчком конус сначала спрятался, а потом снова показался. В общем, ручка была хоть и незнакомой, но особенно ничем не примечательной, если не считать несомненную дороговизну. Однако Митяй не мог остановиться и зачем-то решил раскрутить ее. Зачем – он и сам не мог толком объяснить. Поглядеть на писчий стержень? Полюбоваться пружинкой?

Но с первого раза раскрутить ручку ему не удалось, завинчена была на удивление плотно. Тогда Митяй крякнул, сжал ее обеими руками и изо всех сил попытался сдвинуть резьбу с места. Вместо этого ручка просто сломалась.

– Тьфу ты, – в сердцах буркнул Митяй и осекся.

В ручке не было никакого стержня. Она вообще была словно монолитная и место слома слабо серебрилось в свете энергосберегающей лампы. Внутренняя структура ручки напоминала опять же силумин или другой какой-нибудь материал, в котором отчетливо выделяются крупинки.

У Митяя враз пересохло в горле, хотя он не понимал – почему.

Почти не сомневаясь в результате, Митяй взял две половинки сломанной ручки и прижал друг к другу местами слома. Прижал, подержал так секунд пять-шесть. Потом присмотрелся.

Ручка «склеилась» – на ней не осталось ни царапинки, и выглядела она так, словно никто и никогда ее не ломал.

Митяй опасливо пощелкал кнопкой на торце – головка писчего стержня исправно то показывалась, то пряталась. И писала ручка, как и прежде, – тоненькой темно-синей линией, аккуратной и однородной.

– Елки-палки, – прошептал Митяй и вдруг заметил, что напротив его точки у прилавка Юрки Денежкина стоит человек и пристально глядит через проход на него, Митяя, а вовсе не на прилавок Юрки, что было бы куда логичнее, да и просто естественнее. Человек был высокий и худой; одет в черный костюм, белую рубашку, черный галстук, черные штиблеты и вдобавок он носил круглые солнцезащитные очки в тонкой металлической оправе.

Это поздней осенью-то солнцезащитные очки!

Митяя аж передернуло.

Человек вдруг отвернулся и торопливо зашагал вдоль ряда прочь. У Митяя немного отлегло от сердца, хотя он не смог бы объяснить – что такого страшного было в этом человеке в черном.

Из-за перегородки высунулся Дуст и задумчиво поглядел сначала на Митяя, а потом на удаляющегося незнакомца.

– Это че еще за агент Смит? – спросил он негромко.

– Не зна… – выдавил Митяй и закашлялся. – Не знаю.

Ненормальную ручку он все еще держал в правой руке.

– Слушай, Дуст, – обратился он к соседу. – Заползай-ка ко мне на минутку.

Дуст тут же исчез за перегородкой, а спустя пару секунд показался из-под прилавка и выбрался в проход. Подошел к месту Митяя и поднырнул под его прилавок.

– Чего стряслось? – поинтересовался он с ленцой.

– Гляди, – сказал Митяй со значением и показал ему ручку. Пощелкал кнопкой, нарисовал на клочке бумаги чертика, а потом взял ее обеими руками и вполне сознательно, с хорошо видимым усилием переломил пополам.

– Полюбуйся. Никакого стержня, никакой пружины, только крупинки эти серебристые. Видишь?

– Вижу, – подтвердил Дуст на удивление спокойно.

– Смотри дальше, – Митяй составил обломки. Ручка исправно «склеилась». – Вот. Опять целая. Опять работает. Опять пишет.

Щелчком он выдвинул конус писчего стержня, которого на самом деле не было, и нарисовал второго чертика рядом с первым.

– Никаких следов поломки, заметь. Как будто я ее и не ломал.

– Интересненько, – буркнул Дуст, как показалось Митяю – не особенно удивившись. – А теперь давай ко мне заглянем, тоже кое-чего покажу.

У Митяя моментально возникли нехорошие подозрения, которые, забегая вперед, увы, оправдались.

Дуст показал ему ноутбук. Первым делом раскрыл и врубил – загрузилась винда-семерка.

– С виду ноут как ноут, – заговорил Дуст, коснувшись кнопки выключения. Винда штатно финишировала и экран погас. – Мне его принесли под замену винта. Только я не смог ничего заменить.

Дуст закрыл крышку и перевернул ноутбук днищем вверх.

– Он неразборной, приглядись, у него даже крепежных винтиков нет. И не склеен, я долго изучал. Ломать, правда, не решился. Поэтому я не знаю, что у него внутри. Но… догадываюсь.

Митяй присмотрелся – и действительно, на днище ноутбука

не нашлось ни одного винта, хотя обычно их насчитывалось с десяток, а то и больше. Даже места под них не выделялись ни углублениями, ни разметкой, ни как-либо еще. И не похоже было, чтобы корпус ноутбука склеивали или соединяли какими-нибудь внутренними защелками. Корпус был монолитным, без линии стыка по торцам.

– Фигня какая-то, – пробормотал Митяй озадаченно, а потом навалился грудью на прилавок и зачем-то выглянул в проход.

Человек в черном стоял неподалеку и смотрел в сторону Дустовой точки. Выглянувшего Митяя он, несомненно, заметил, но не прореагировал никак, просто продолжал стоять и смотреть.

Митяй непроизвольно втянул голову в плечи и спрятался в глубину точки, для чего ему пришлось немного присесть. Дуст с удивлением воззрился на Митяя, поскольку продолжал сидеть и прилавок заслонял ему практически весь проход.

– Там снова этот… Агент Смит…

Дуст привстал и, по-птичьи вытянув шею, пригляделся.

– Че-то не вижу никого, – произнес он с сомнением.

Митяй тоже выглянул и, надо признаться, для этого ему пришлось сначала поискать в себе решимости. Странное дело: человек в черном действительно исчез, во всяком случае, у точки Денежкина его уже не было. Митяй вторично прилег на прилавок и украдкой поглядел вправо-влево, вдоль ряда.

Так и есть: таинственный наблюдатель за неправильными предметами никуда не исчезал, а, как и в первый раз, всего лишь отступил. Он дошел до поперечного прохода между рядами, свернул за угол и там сразу остановился, причем то и дело из-за угла выглядывал.

– Даже не прячется, гад, – буркнул Дуст неодобрительно. – Охране его сдать, что ли?

– А что ты ему предъявишь, что охране скажешь? – тоскливо протянул Митяй. – Одет, мол, не по сезону? Темные очки носит? Так это на рынке не запрещено…

Заметив, что за ним наблюдают, человек в черном прекратил выглядывать из-за угла и затаился.

Митяй глянул на часы (в телефоне, конечно, наручных он сроду не носил) – до закрытия рынка оставалось минут двадцать.

Тем временем Дуст внимательно осмотрел авторучку, понюхал даже – разве что на зуб не стал пробовать.

– Выглядит как ручка, – проворчал он. – Весит как ручка. Пишет как ручка. Что тогда это, если не ручка?

– Ты у меня спрашиваешь? – иронически отозвался Митяй, но развить мысль не успел: к его точке подошли покупатели, пришлось быстренько вернуться к себе и обслужить.

Покупатели случились дотошные до занудства, пока выбирали-смотрели-проверяли-расплачивались-записывали – двадцать минут истекли совершенно неощутимо. С облегчением глянув покупателям в спину, Митяй удовлетворенно вздохнул и обнаружил, что точка Юрки Денежкина уже закрыта. Дуст возился с ролетами – опускал как раз.

Свернувшись и закрывшись, Митяй подошел к поджидавшему невдалеке Дусту.

– Ты ее оставил или с собой? – спросил он.

– Кого? – в первый момент не понял Митяй.

– Ну, ручку эту ненормальную.

– А… Не, оставил в сейфе, в талмуде. А что?

Дуст отчего-то втянул голову в плечи и неопределенно протянул:

– Да так, ничего…

Они как раз подходили к выходу из павильона.

– По пивку? – предложил Дуст не очень уверенно.

– Не, меня предки на сегодня ангажировали, мебель двигать затеяли, – вздохнул Митяй. – Че им неймется, не пойму, лет десять простояла – всех устраивало, а тут вдруг разонравилось. Но не откажешь же…

– Это да, – вздохнул Дуст. – Ну, бывай тогда.

Он свернул налево, к метро, а Митяй побрел к остановке, где с равным успехом можно было сесть на трамвай, автобус или маршрутку – что первое придет. Удобнее всего был трамвай, чаще всего ходили маршрутки.

Пришел автобус. Митяй вошел и уселся в дальнем от дверей уголке самого заднего ряда сидений.

Примерно на половине пути к конечной, где ему предстояло выйти, когда автобус притормозил на очередном светофоре, Митяй, внезапно похолодев, увидел на противоположной стороне улицы человека в черном. Он неподвижно стоял у края тротуара, хотя пешеходам горел зеленый, и, вроде бы, смотрел на автобус, в котором ехал Митяй.

В голове внезапно, словно видеоролик, мелькнул следующий сюжет: человек в черном, спохватившись, быстро перебегает дорогу на мигающий зеленый, на бегу подавая знак водителю, и сердобольный шоферюга открывает переднюю дверь. Едва человек в черном вскакивает в автобус, тот трогается. Человек в черном медленно проходит по практически пустому салону в хвост автобуса, туда, где в уголке сидит Митяй, оцепеневший и одинокий.

Автобус тронулся, Митяй встрепенулся, отгоняя неожиданное наваждение. В реальности человек в черном продолжал стоять на

тротуаре у светофора, но теперь Митяй отчетливо разглядел, как его лицо поворачивается вслед за уходящим автобусом.

Лишь на следующем светофоре Митяй медленно полез в задний карман джинсов за носовым платком – чтобы утереть лоб от выступившей холодной испарины.

До конечной он доехал как на иголках, то и дело зыркая в окно, но ни из автобуса, ни по пути к родительской квартире никого в черном костюме и очках больше не увидел.

В квартире детства и юности он сначала немного расслабился (морально), а потом напрягся (физически). Мама затеяла воистину глобальную перестановку, тяжеленные шкафы пришлось не просто двигать, а перетаскивать из комнаты в комнату. Хорошо, соседи помогли – слегка постаревшие приятели отца и их давно возмужавшие, а теперь начавшие нагуливать животики и поблескивать нарождающимися лысинами сыновья, соратники Митяя по детским шалостям и подростковым выходкам.

И он снова отвлекся, тем более что за актом перетасовки мебели последовал вполне русский ужин для хорошо поработавших и очень довольных собой мужчин, которые вдобавок знают друг друга даже не годы, а десятки лет. Да и готовила мама Митя превосходно: хочешь – пальчики облизывай, хочешь – язык глотай.

Домой Митяй вернулся слегка навеселе, удачно подъехав разделяющие отцовскую квартиру и квартиру его покойного брата две остановки на дребезжащем трамвайчике. О человеке в черном Митяй вскользь подумал, но за стеклами было темно и моросно, никого не разглядишь, а алкоголь в крови придал храбрости для короткого забега от остановки до подъезда. Дома Митяй переоделся и рухнул на диван перед телевизором.

По ТВЦ показывали «Man in Black».

* * *

С этого момента Митяй стал иногда натыкаться на людей в черных костюмах и затененных очках с тонкой оправой. В самых неожиданных местах: в метро на встречном эскалаторе, в салоне обгоняющего автомобиля, когда сам Митяй ехал в маршрутке, в людных торговых центрах, чаще всего в такой ситуации, когда мгновенный контакт был заведомо невозможен. К примеру, как-то поднимался Митяй в прозрачном лифте с минус второго этажа на плюс третий и на нулевом сквозь подсвеченный пластик узрел соглядатая на узкой площадке перед лифтами.

Поначалу Митяй пугался и как можно быстрее покидал место

невольного столкновения – на ближайшей остановке выходил из маршрутки, торопился уехать на любом поезде в метро, даже если первым приходил тот, который ехал в противоположную сторону. Но люди в черном ни разу не пытались контактировать с ним – просто наблюдали, молча и издалека. К тому же, поразмыслив, Митяй справедливо решил, что не все из них так уж похожи на самого первого, с радиорынка. Мало ли в метро людей, носящих черные костюмы? И из них некоторые вполне могут носить еще и очки-хамелеоны, темнеющие при ярком освещении. Собственно, на одетых подобным образом людей Митяй натыкался всегда, просто раньше не было повода обращать на них внимание.

Теперь появился.

Недели через две после случая с ручкой (которая, к слову сказать, уже к понедельнику куда-то исчезла – видимо, Степаныч забрал), едва Митяй закрылся, его затащил к себе Дуст и с похоронным видом продемонстрировал разломанную зарядку для какого-то ноута. Монолит, ни проводков, ни платы, только слипшиеся серебристые крупинки. После склеивания зарядка заработала, как ни в чем не бывало.

Митяй потерянно глядел на приятеля – долго около минуты. Потом тихо спросил:

– Что это, Дуст? Что это за вещи-обманки, ешкин кот?

– Давай порассуждаем, – хмуро предложил Дуст.

– Давай.

– Итак, – приятель зачем-то убрал имитацию блока питания в ящик стола. – Что мы имеем? В обиходе появились копии всяких гаджетов и прочих девайсов, не обязательно электронных. Работают, но как устроены – непонятно. Я бы даже поверил, что в какой-нибудь Японии изобрели принципиально новую электронику, если бы не одно «но»: сломанные вещи срастаются и продолжают работать. Я точно знаю: у нас так не бывает! Напрашивается единственный вывод.

– Какой? – мрачно осведомился Митяй.

Дуст вздохнул и произнес:

– Это не земные технологии. По крайней мере, не технологии нашего мира. Звучит по-идиотски, согласен. Но мы видим то, что видим. И еще: я не удивлюсь, если видим это не только мы. Просто люди не хотят выглядеть сумасшедшими, поэтому помалкивают. Да и мы не особенно спешим делиться с кем-нибудь, ты, наверное, заметил.

Митяй уставился в пол. Дуст говорил странное, слушать его было, в общем-то, неловко, но, к сожалению, сам Митяй ничего правдоподобного придумать не мог, а слова Дуста, если в них действительно поверить, все объясняли.

– Ты Степанычу показывал что-нибудь такое? – поинтересовался Дуст уныло.

– Нет, – ответил Митяй, энергично мотая головой. – Мне и показывать-то нечего. Смарт тот я больше в глаза не видел, ручка тоже… куда-то делась.

Митяй взглянул Дусту в глаза и понизил голос:

– А ты этих… типов в черном замечаешь в последнее время?

– Замечаю, – признался Дуст неохотно. – То на улице, то в метро. Но они не приближаются, так маячат на периферии. А что?

Митяй зябко поежился.

– Пытаюсь представить – что им от нас нужно?

Дуст, похоже, не разделял тревоги Митяя:

– Чтобы понять, что им от нас нужно, хорошо бы знать – кто они на самом деле. А мы не знаем.

И снова у Митяя холодок прогулялся по спине.

– Подойди спроси, – буркнул он, злясь сам на себя.

– Я пробовал, – неожиданно спокойно сообщил Дуст. – Во вторник. Один тут ошивался, на рынке, около перекрестка, где точка Банзая. Ну, я вылез – и к нему. Удрал, гад.

– В смысле – на выход удрал? – зачем-то уточнил Митяй.

– Нет, – Дуст нахохлился и, глядя в сторону, добавил: – Отступил к среднему ряду. А потом просто в воздухе растворился. Хлоп – и нету.

– Как это? – не поверил Митяй.

– А вот так. Сначала шагал, оглядывался в мою сторону. А потом встал, р-раз! И исчез. С тихим таким хлопком. Прямо при народе, многие видели.

Митяй долго мялся, поджимал губы, просто не зная, что сказать. Невинная поначалу история постепенно начала напоминать дурной сон.

– Ну как можно серьезно говорить об… – он поморщился, – инопланетянах?

– В наше время в инопланетян не особенно верят, – меланхолично заметил Дуст. – Все больше в какую-нибудь чертовщину – вампиров, оборотней, зомби и прочий Ночной Дозор. Это мы с тобой два рационалиста, нам физику подавай.

– И много в этой хреновине, – Митяй указал на ящик стола, куда приятель спрятал поддельный блок питания, – физики?

– Согласись, если эта байда дает на выходе девятнадцать вольт, физика там присутствует. А она дает, я замерял. Но, с другой стороны, на вход она двести двадцать не требует. То есть, включить-то можно, но если не включать – на выходе все равно девятнадцать вольт.

– Даже так?

– Даже так.

– Может, оно заодно и аккумулятором притворяется?

– Может, и притворяется, – вздохнул Дуст. – В принципе, я пытался запитать от него ноут без двухсот двадцати. Почти пять суток ждал пока сядет – хрена там, работает себе. Под нехилой нагрузкой, между прочим. А дальше я не утерпел и тебе вот рассказал.

– Кстати! – Митяй встрепенулся. – А откуда у тебя этот псевдо-бэ-пэ? Как к тебе попал?

– Не знаю, – на удивление спокойно признался Дуст. – Точнее, не помню. У меня их, вон, полкоробки. Что мне, каждую запчасть помнить?

Дуст кивнул на картонную упаковку от старого принтера, в которую действительно были навалены ноутбучные блоки питания, ЮСБ-дисководы, всяческие кабели и тому подобный расходный хлам, которого у любого торговца-железячника скапливается без счета.

– Понадобился недавно, ну я и подобрал по разъему, питание замерил и все такое. Чуть в дело не пустил.

– И что же помешало?

– Опять не знаю, – Дуст вздохнул. – Наверное, чутье. Какой-то он на ощупь… не хьюлеттовский мне показался. А потом я твой смарт и твою авторучку вспомнил. Ну и… Холст, масло, зубило, молоток.

– А если бы оказался настоящий? – поинтересовался Митяй.

– Назвал бы себя паникером. Но видишь, угадал же. Не подвело чутье!

Дуст неожиданно скользнул вплотную к прилавку и осторожно выглянул в проход. Направо, налево.

У Митяя враз пересохло во рту и в горле, еле-еле сумел выдавить сиплое:

– Что?

– Смотрю, – процедил Дуст. – Есть у меня подозрение, что когда такие вещи ломают, а потом восстанавливают, это их и притягивает. Мужиков этих в черном.

– Да ладно! – усомнился Митяй. – Я давеча в метро одного видел. И ничего при этом не ломал. И тем более не восстанавливал.

– В пути – то другое. Когда впервые ломаешь – они тебя как бы находят и запоминают. А потом уже просто следят.

– Следят? – растерянно переспросил Митяй.

– Ну, может, не следят, а так, присматривают.

– Но зачем?

– Откуда ж мне знать? – пожал плечами Дуст. – Бояться, что

мы разболтаем – смешно, все равно никто не поверит, а нас могут и в психушку определить. На профилактику.

– Ну и как, прямо сейчас – присматривают?

– Хрен их знает, – буркнул Дуст. – Вроде, не видно никого.

– Слушай, Дуст, – протянул Митяй задумчиво. – А ты можешь с рациональной позиции объяснить – зачем они, кем бы эти люди в черном ни оказались, подсовывают нам дубликаты наших вещей? Какой в этом смысл?

Дуст сначала сделал умное лицо, но затем по-простецки поскреб затылок и все впечатление враз испортил.

– Предположить – могу. Объяснить – вряд ли, – обтекаемо ответил он.

– Ну и?

– Ищут рынки сбыта, – фыркнул Дуст.

– А серьезно?

– Да какое тут может быть серьезно? – вздохнул Дуст. – Версий-то я сотню могу накидать, это пожалуйста, только проку-то от них? Ни проверить, ни измерить…

– Но должен же быть в этом какой-то смысл!

– Смысл наверняка есть. Смысл есть всегда, но чтобы до него дойти, нам не хватает информации. Поэтому самое умное, что мы можем сделать, Митька, это собирать ее. Собирать и помалкивать. Да, и еще: если рассудок и жизнь дороги вам, остерегайтесь торфяных болот! В смысле, в одиночку вечерами не ходи.

Митяй подумал, что и так давно уже не появлялся в безлюдных местах поздним вечером. Да и в людных тоже. С работы скорее домой и на все замки запереться… Анжела, кажется, обиделась, не звонит. А как ей объяснишь, что в кино не стремно, стремно потом, после кино, ее проводить и в одиночку к себе возвращаться?

– Ладно, друг мой ситный, – вздохнул Дуст. – Вылезаем, закрываться буду. По пивку даже не предлагаю.

* * *

В полдвенадцатого ночи Дуст перезвонил Митяю и похоронным голосом сообщил:

– Митька! Прикинь: тот ноут, который у меня пять дней от неправильного бэ-пэ пахал, заразился.

– В смысле? – напрягся Митяй.

– Тоже стал неразборной и без винтиков. Я психанул, шарахнул по нему топориком. Знакомая картина, монолит, силумин. Восстановил – слипся и работает, зараза. Причем,

вообще без бэ-пэ. Правда, времени немного пока прошло, минут двадцать, столько и обычные ноуты могут. Но что-то мне подсказывает…

Приятель многозначительно умолк. Митяй судорожно сглотнул и свистящим шепотом вопросил:

– Куда ж мы с тобой вляпались, а, Дуст?

– Ты лучше свои вещи проверь как следует, – посоветовал Дуст. – Мало ли, может у тебя настоящих уже и не осталось, сплошной силумин.

У Митяя все внутри оборвалось. Он отнял мобильник от уха и затравленно огляделся.

А потом вдруг сообразил, что давно не слышит цокания дядькиного фамильного будильника, хотя вон он, стоит на серванте, и время показывает верное – ну, может, отстает минуты на две-три.

На негнущихся ногах Митяй подошел к серванту и некоторое время подозрительно глядел на злополучный будильник. Тот молчал, не цокал. Осторожно, словно будильник мог ужалить, Митяй протянул руку. Коснулся подушечками пальцев, ощутив прохладное железо.

А потом решительно снял с серванта и принялся разглядывать.

Будильник как будильник, древность древностью. Митяй его зачем-то слегка потряс – и дядькина реликвия неожиданно цокнула раза четыре, а затем вновь умолкла. Митяй встрепенулся, а затем принялся радостно вращать барашек завода. После первых же оборотов будильник размеренно зацокал, как ему и положено, и у Митяя отлегло от сердца.

– Так и инфаркт схватить недолго, – пробормотал он, возвращая заведенный будильник на привычное место. – Но, вообще, надо же – остановился он на полдвенадцатого и проверять я его полез в полдвенадцатого…

Митяй еще подумал: хорошо, что ничего в ванной за последнее время не ломалось. А то глядел бы на всамделишный силумин и напрасно потел бы от испуга.

* * *

Еще через неделю Митяй, вернувшись с работы, обнаружил, что дома в его отсутствие кто-то побывал. Обнаружил он это не сразу, только спустя примерно час после возвращения.

Еще на пороге он заметил грязный след от ботинка на паркете, но поскольку прекрасно помнил, что сегодня утром, уже

обувшись, заскакивал на кухню за мусорным пакетом, поначалу принял его за свой и не придал особого значения. Просто подумал, что след надо бы подтереть, но разувшись, раздевшись, умывшись и поужинав, начисто об этом забыл.

Потом у него запиликал почти разрядившийся мобильник, и Митяй вдруг осознал, что зарядка хоть и лежит примерно там же, где и обычно, – на рабочем столе, слева от монитора, – но ее провод аккуратно свернут и схвачен гибкой проволочкой, а ничего подобного достаточно безалаберный в быту Митяй сроду не делал.

Вот тогда-то он и вспомнил про след в коридоре.

Метнувшись туда, Митяй зажег свет и принялся разглядывать отпечаток на паркете. Теперь он вдруг понял, что отпечаток оставлен правой туфлей. Во всяком случае – точно не кроссовкой «Меррел», а в это время года Митяй носил только их. Туфли Митяй вообще и не помнил, когда в последний раз надевал. Кроме того, след на паркете явно был на пару размеров меньше, чем могла оставить обувка Митяя.

Следующие несколько секунд Митяй мрачно размышлял – осмотреть замки на входной двери или сразу идти проверять заначку. Заначка победила.

К величайшему удивлению, почти три тысячи накопленных долларов оказались на месте, и у Митяя отлегло от сердца. Для очистки совести он полез в секретер, где хранил небольшую сумму в рублях на текущие расходы. Рубли тоже были на месте и, по-видимому, все – точной суммы Митяй даже и не знал, но вряд ли там могло быть сильно больше найденных двенадцати тысяч.

Но след! Но зарядка!

«Может, мама заходила? – подумал Митяй и сам же себе возразил: – Ага, в мужских туфлях!»

«Может, тогда отец?»

Но и эту мысль Митяй быстро отверг: во-первых, у отца размер такой же, как и у него самого (вернее, наоборот), а во-вторых, отцу точно так же никогда не пришло бы в голову аккуратно сматывать шнур зарядного устройства.

«Может, родители вместе заходили? Но зачем?»

Митяй принялся слоняться по всей квартире, не исключая кухни, ванной и сортира. И подметил еще парочку несуразностей.

Давным-давно отломанная крышка CD-отсека магнитолы теперь была на месте. И под ней, в отсеке для диска, не обнаружилось ни пылинки. И да, да, ни единого крепежного винтика на магнитоле Митяй не увидел, ни единого стыка пластмассовых частей.

На холодильнике отсутствовала приметная царапина – ее

когда-то оставил Генка Забродский, добыв изнутри бутылку пива и неловко развернувшись после этого. Это трудно, оцарапать пробкой закрытой пивной бутылки дверцу холодильника. Но Генка умудрился.

Теперь царапины не было.

Ну и еще одно: доисторическая радиоточка, висящая на стене в одной из комнат, привлекла внимание Митяя чересчур свежим видом, а поскольку ею Митяй никогда не пользовался и даже не помышлял ни о чем подобном, ее не жалко было и разломать.

Вспомнив Дустово «зубило, молоток», Митяй прибег к тому же методу.

Это не заняло много времени, и результат был, в общем-то, предсказуем: силумин, крупинки.

Потерянно застыв над расколотой на газете «радиоточкой», Митяй с отчаянием думал – что за силуминовая чума обрушилась на привычные вещи, доселе верные и безобидные.

Ночь Митяй провел тревожную и почти бессонную, а наутро обнаружил, что мобильник больше не разбирается – «пластиковая» якобы крышечка намертво слилась с металлическим корпусом телефона.

Митяй видел, что руки его, исследующие враз ставший чужим мобильник, дрожат. Это было неприятно, но ничего поделать он не мог – по всей видимости, события пересекли некую условную черту, находясь за которой уже нельзя жить и думать как раньше. А когда мобильник внезапно исторг знакомую трель, Митяй его от неожиданности выронил.

Совладав с руками, не сразу, но совладав, Митяй нашел в себе мужество подобрать телефон и взглянуть на экран.

«Номер засекречен», – высвечивалось там.

«А что я теряю?» – тупо подумал Митяй и решил ответить.

– Слушаю! – сказал он в трубку.

Получилось даже не слишком похоронно.

– Включи телевизор, – услышал Митяй вместо приветствия. – Восемьдесят седьмой канал.

И звонивший отключился.

Митяй совершенно не помнил – на какую телепрограмму настроен восемьдесят седьмой канал дядькиного еще кинескопного «Филипса» и настроен ли он вообще на какую-нибудь программу, хотя после покупки этот «Филипс» доводил до рабочего состояния именно Митяй, тогда еще подросток.

Он прошаркал в комнату с телевизором, нашарил между диванных подушек пульт, включил телевизор, перевел его в режим двузначного задания каналов и последовательно нажал восьмерку, потом семерку. Подсознательно он ожидал нарваться

на выпуск экстренных новостей, вещающий о каком-нибудь внезапном катаклизме или очередном конце света, но на экране возник всего лишь человек в черном костюме и затененных очках. Тонкий черный галстук отчетливо выделялся на фоне белоснежной, аж глаза ело, рубашки. Человек был виден в режиме «бюста» – голова, плечи и верхняя часть торса.

– Молодец, – похвалил человек из телевизора. – И не надо бояться. И раньше не надо было, а теперь уж и вовсе нет смысла. Это один из нас заходил вчера к тебе домой. Он убедился: пора тебе сообщить.

– Кто вы? – хрипло спросил Митяй, ничуть не сомневаясь, что человек в телевизоре его услышит и поймет. – Что вообще происходит?

– Скоро узнаешь, – спокойно сообщил человек. – Главное, что тебе сейчас следует осознать и принять – теперь ты один из нас.

– Один из кого?

– Из нас. Я понимаю, в это трудно вот так сразу поверить, поэтому чтобы долго не препираться – пойди и отхвати себе, например, палец. Газетку можешь не стелить, крови не будет. Потом вернешь на место, ты уже в курсе как это делается.

Человек на экране взглянул на Митяя; взгляд его был жестким и злым.

– Хватит людям владеть вещами. Теперь вещи будут владеть людьми.

Митяя натурально затрясло. Ощущение реальности происходящего окончательно покинуло его, сознание захлестнули мутные волны испуга, растерянности и отчаяния. Он выронил пульт и без сил опрокинулся на диван.

Человек с экрана внимательно и вроде бы с интересом наблюдал за Митяем. А потом телевизор сам собой отключился и почти сразу в прихожей сначала лязгнул замок, на который Митяй запирался, когда находился дома, а потом и дверь негромко стукнула.

– Свои, Митяй! – послышался знакомый голос Дуста.

Митяя от облегчения аж трясти перестало. О том, каким манером Дуст вошел, Митяй в первые мгновения не подумал. А потом уже не было смысла думать.

Дуст по-хозяйски вошел в комнату и остановился напротив Митяя, заслонив телевизор. Одет он был в черный костюм, белую рубашку, черный галстук и черные штиблеты. А кроме того Митяй впервые увидел Дуста носящим очки – разумеется, в тонкой оправе и с затененными стеклами.

Второй комплект такой же одежды, надетый на магазинные плечики, он держал в вытянутой руке, а под мышкой сжимал

обувную коробку.

– Одевайся, – буднично сказал Дуст, бросил плечики с одеждой на диван рядом с Митяем, обувную коробку уронил на пол, а затем вынул из внутреннего кармана черный очешник.

© Ноябрь – декабрь 2012

Москва, Соколиная Гора

Нищие на пороге рая

Ночь была темная, глаз коли. Пашка первое время всматривался в стылую темень за оградой, но потом бросил – все равно ничего не разглядишь. Положился на слух. И правильно сделал. В целом было тихо, только звякал цепью Барбос, возился в будке своей, даже вздыхал, словно человек. Ну, в лесу еще периодически орала какая-то неугомонная птица, наверное, сова. Это были знакомые звуки, привычные и естественные, поэтому Пашка откинулся на кучу тряпья, служащую на вышке и креслом, и топчанчиком, и, прикрыв глаза, слушал. Заснуть он не боялся – перед ночным дежурством отменно выспался и на вышку влез с совершенно ясной головой.

Сразу после полуночи звезды заволокло тучами, а луны сегодня и так не видать было – новолуние.

Вышка, собранная из цельных стволов, венчалась дощатым настилом и четырехскатной островерхой крышей над ним. Борта по периметру настила были плетенные из лозы в палец толщиной. Почему – бог весть, наверное, общинники экономили доски. Ограду вокруг посада они изладили двойную – первый ряд из заостренных сверху бревен, второй, почти вплотную к бревнам, – из жердей, тоже заостренных. Жерди вкапывали так, что если кто и умудрится взобраться на ограду, то прыгнуть внутрь не сможет – непременно наколется. Наверное, дед Федя придумал, больше некому. Но чтобы мертвяк взобрался на ограду – ни единого случая пока не было. Пашка вообще сомневался, что они в состоянии это сделать. Они и ходят-то так, что без слез не взглянешь, как будто хромают сразу на обе ноги. Теоретически, даже ребенок от мертвяка должен убежать, но экспериментов таких никто, конечно же, не ставил, потому что мертвяки появлялись только ночью, а кто ж выпустит детей за ограду ночью? Дураков нет.

Пашка много размышлял над этим – почему люди так боятся мертвяков? Вид у них, конечно, тот еще: ни дать, ни взять – покойник, внезапно оживший, выкопавшийся из могилы и отправившийся бродить без особой цели и смысла по округе. Костей, правда, не видно, да и плоть не гниющая на них, а, скорее, ссохшаяся, как у мумий из исторического музея, – если вы, конечно, помните что такое музей.

Пашка-то еще помнил; дед Федя по возрасту тоже должен был помнить, но он всю жизнь прожил в деревне, где никаких музеев, понятное дело, не водилось. А вот нынешняя пацанва, уже жадно заглядывающаяся на Пашкино ружье, ничего такого

помнить не могла, потому что все они выросли уже тут, в общине.

Так вот о мертвяках: они нередко бродили ночами около человеческого жилья и, если оно не охранялось, вполне могли и внутрь вломиться. Но жилье обычно охранялось, и мертвяков просто расстреливали на подступах. Тем не менее они каждую ночь ковыляли к обитаемым местам, будто ночные бабочки на свет. Что-то их притягивало. И отогнать их никогда не удавалось, только расстрелять.

Впрочем, никто особо не размышлял о причинах, влекущих мертвяков к живым людям. Люди теперь вообще мало размышляли. Мертвяков – расстреливали, землю – возделывали, за жизнь – боролись… Некогда размышлять при таком раскладе.

Иное дело – Пашка. Во-первых, осколок прежней формации, сохранивший память, сообразительность и интерес к окружающему миру, даром что тот стал ну оч-чень негостеприимным. Во-вторых, ходок, то есть не общинник, всю жизнь проводящий за оградой и на окрестных полях, а бродяга, который и в ближние городки способен наведаться, и в Город, и даже в Столицу, куда Пашка добирался уже трижды. У него есть время для размышлений – на переходах, к примеру. Это общинники пашут от восхода до заката, голову некогда поднять, не то что о мертвяках размышлять.

Даже эта дружественная община Пашку не приняла – кормили (не даром, разумеется), позволяли переночевать (что, впрочем, не спасало от ночных дежурств на вышке), да и вообще относились в меру приветливо. Но своим так не признали, хотя именно к ним первым Пашка вышел вскоре после смуты.

Община была необычная даже по нынешним временам. Тут было мало, катастрофически мало взрослых мужчин, да и те сплошь рохли или тихони безрукие. Генератор, во всяком случае, пока Пашка не оживил, так и стоял у них в сарае мертвый. Почти месяц после смуты обходились без света, а тогда ведь ночами самый атас происходил. Как выжили – бог весть…

Зато было много женщин одного возраста, примерно ровесниц Пашки, и практически отсутствовали женщины старше или моложе (не считая родившихся уже после смуты и успевших сильно подрасти девчонок). Пашка поначалу удивлялся, а потом выяснилось, что почти вся община – это бывшие пэтэушницы, из училища при ткацкой фабрике, если вы, конечно, помните что такое училища и фабрики. Как вывезли весь курс той злосчастной осенью то ли на картошку, то ли еще на какие овощи, так и пересидели они смуту в глуши. Общинная маман, пани Лидия, работала тогда директрисой и, естественно, в конце концов все возглавила. Баба Марта была поварихой, Иванна – медсестрой,

дед Федя – шофером, возившим в глушь продукты и почту, еще три женщины постарше были мастерами. Мужичок-тихоня по имени Викентий в училище преподавал эстетику, потому, видимо, и в генераторах разбирался не лучше девок. Остальной народ прибился позже, по пальцам можно пересчитать. В целом плюс от такого контингента имелся – несостоявшиеся ткачихи учиться в Город приехали в основном из областных деревень, а, стало быть, на земле работать умели и подобной работы не чурались. Пашку, вон, при мысли о какой-нибудь прополке в дрожь до сих пор бросало, а эти были привычны, поэтому община с самого начала не голодала. Однако имелся у пани Лидии какой-то феминистический бзик в мозговых извилинах, и мужчин в общину она упорно не допускала, за редчайшими исключениями. Девок своих, что ли, она до сих пор блюла да берегла? Так все равно половина уже сподобилась родить, и многие даже не единожды.

Вот еще, кстати, вопрос: как все они умудрились выжить практически без мужиков и оружия? Пашка пока не находил этому разумного ответа. Но факт оставался фактом, редкие по нынешним временам бандиты обходили общину стороной, а излишек продуктов подопечным пани Лидии меняли на необходимую мануфактуру незлобивые ходоки вроде Пашки.

В общем, община была островком спокойствия и относительной безопасности, находилась в далекой глуши, лихие люди ее пока не трогали, а мертвяков навострились отстреливать даже эстеты. И даже девчонки, давно уже превратившиеся в женщин под сорок.

Четыре дня назад Пашка привез давние заказы – в основном тряпки и посуду, но еще, к примеру, запасные ремни к генератору, который давным-давно приспособили к восьмиметровому ветряку, поскольку вкопанная на задах цистерна с соляркой еще в первый год опустела, а таскать топливо на себе в такую даль – та еще работенка. С ветряком Пашка удачно придумал, да и оказия тогда случилась, до развилки на в ту пору еще сравнительно проезжем тракте довезли дальномеры, а от развилки забрал дед Федя на лошади с телегой. Помнится, аккумуляторную сборку тогда и лошадь еле дотащила, зато теперь красота: община со светом, даже если неделю нет ветра.

Хотя тут и один-два безветренных дня редкость, не то что неделя. А ночи в основном тихие, да.

Как сегодняшняя.

В лесу снова заорала сова и вдруг на половине вопля осеклась, словно ее пристукнули.

Пашка невольно подобрался.

Мертвяков даже звери и птицы сторонятся, это всякий знает.

И точно, явились, правда, ждать пришлось долго, минут двадцать. Но Пашка был готов, только гадал, откуда покажутся – со стороны практически заросшей дороги к развилке или прямо из леса.

Показались из леса. Надо понимать, напугали сову, и прямиком к забору. Трое. Ковыляют, словно испортившиеся заводные игрушки-роботы, если вы, конечно, помните что такое роботы и что такое заводные игрушки…

Ковыляют, кстати, не абы куда – точнехонько к оббитым жестью воротам. Пашка до сих пор не мог понять, что это? Соображалка? Нет, разума мертвяки точно лишались, иначе не перли бы дуром прямо на стволы, как они это всегда делают. Первое время находились сумасшедшие, которые пытались с мертвяками заговорить. Бесполезно, разумеется. Но почему потерявшие разум и жизнь человеческие тела тем не менее передвигаются осмысленно – по дорогам, тропам? Вот сейчас они, к бабке не ходи, не через бурелом перли, хоть сову и напугали. Наверняка по какой-нибудь тропке доковыляли. Гуськом. И цель у них всегда одна: человеческое жилье. Причем не долбятся они в стены или глухие заборы. Всегда находят калитки и двери и стремятся именно туда. Может, разум у них засыпает, но память остается? Память, инстинкты?

Дьявол их разберет!

Барбос, зараза трусливая, затаился у себя в будке, даже цепью бряцать перестал. Хоть бы гавкнул, дармоед! Только и горазд, что бегающих по двору ребятишек за щиколотки хватать.

Пашка не спеша потянулся к ружью, переломил его, убедился, что заряжено (хотя и так знал: заряжено, сам же перед тем, как влезть на вышку, и зарядил), поправил пояс-патронташ, умостил ствол поверх плетеного борта и принялся ждать.

Заряжено было картечью.

* * *

Когда солнце нехотя выползло из-за щетинистой кромки леса, Пашка позволил себе задремать. В этом не было ничего постыдного или крамольного: фактически вахта заканчивалась с рассветом, а рассвело уже давным-давно, наверное, с час назад. В посаде на задах кто-то уже гремел ведрами. Повизгивали оголодавшие свинки, лошадь деда Феди тоже всхрапывала. В общем, община просыпалась.

Подремать удалось с полчасика, не больше. Очнулся Пашка от деликатного стука по опоре вышки.

– Эй, ходок! – вибрирующим тенорком окликнул снизу дед Федя. – Слазь уже! Пойдем глянем, в кого ты там ночью пулял.

– Известно в кого, – сонно буркнул Пашка, потянулся, поднял крышку люка и привычно нашарил подошвой сапога верхнюю ступеньку.

Внизу он перевесил ружье поудобнее, на одно плечо, чтобы в случае чего ловчее было изготовиться к стрельбе. А то когда оно за спиной, по-походному – пока ремень через голову стащишь, какой-нибудь особо прыткий волчара уже полноги отъест.

– Много приперлоси? – поинтересовался дед, зевнул и почесал заросшую редкой бороденкой щеку.

– Трое, – вздохнул Пашка. – Лесом шли, там еще сова орала, а потом заткнулась, будто пристукнули ее. Я и насторожился. Во-он оттуда!

– Знаю я ту сову, – вздохнул дед Федя горестно. – Четырех курят уже утащила, зараза. Вечерами охотится, когда еще светло. Может, и правда пристукнули ее? Хорошо тогда. Хоть какая от мертвяков польза, кроме вреда.

Тем временем на крылечко, поеживаясь от утренней прохлады, выскользнул Викентий – тот самый очкастый эстет. Очки у него были, как у киношного революционера, – махонькие, круглые, в тонкой желтоватой оправе. Если вы, конечно, помните, что такое кино, и соображаете, какая революция имеется в виду. Конкретно эту революцию Пашка помнить никак не мог, поскольку состоялась она за пятьдесят с лишком лет до его рождения, но фильмов о ней в детстве успел посмотреть много. Зато помнил четыре других, одна другой гаже и омерзительнее.

– Ну чо встал, давай сюда, ворота запрешь! – гаркнул на Викентия дед.

Эстет торопливо ссыпался с крыльца и поспешил к воротам, перед которыми уже с полминуты переминались Пашка с дедом Федей.

У деда в руке, словно по волшебству, материализовался обрез – практически из такого же ружья, как у Пашки, только без приклада. Совсем. Длинноствол у деда тоже имелся, но его дед обычно возил на телеге, а под руками чаще предпочитал держать именно обрез.

С характерным звуком сдвинулся тяжеленный засов. Потом залязгали запоры-фиксаторы – такие ворота, пожалуй, и танком не вдруг своротишь. Помните, что такое танк? То-то же, танк один раз увидишь – вовек не забудешь, особенно если сам в окопе, в руке граната ходуном ходит, а оно, железное и

несокрушимое, прет прямо на тебя. И пушкой еще целится… Обгадиться недолго.

С трудом сдвинув с места одну из створок, дед выглянул в образовавшуюся щель, повертел головой, сплюнул на землю и протиснулся наружу весь целиком. Пашка – за ним.

Снаружи они первым делом налегли на створку и вернули ее в исходное положение – мало ли что, ворота на то и справлены, чтобы отделять общину и посад от недоброго мира.

– Закрывай, – велел дед Викентию, и тот послушно грюкнул засовом. Остальное трогать пока не имело смысла – если засов закрыт и кто-то начнет ломиться, запоры сто раз успеешь накинуть и зафиксировать. А Пашка с дедом Федей теоретически ненадолго вышли, чего клацать туда-сюда?

– Говоришь, там? – деловито справился дед, вглядываясь в неширокий луг между забором и лесом, где обычно косили траву на зиму скотине.

– Там, там, – подтвердил Пашка. – Да вон первый валяется, видно же. Чего издалека пулять, я их поближе подпустил.

Оно и верно: картечью чем ближе (до разумных, конечно же, пределов), тем надежнее.

Первому мертвяку начисто оторвало левую руку вместе с ключицей и снесло голову. Плюс колено было переломлено чуть не в обратную сторону. Таких повреждений даже мертвяки не выдерживают, скисают. Если считать по порядку стрельбы, этот был третьим, последним. Пока Пашка с двумя другими разбирался, третий успел проковылять метров на двадцать дальше остальных.

Двоим другим тоже изрядно досталось, одного даже пополам разорвало в области талии.

Дед брезгливо поглядел на останки, на ползающих по ним мух, потом с отвращением харкнул на траву:

– Тьфу ты, погань какая! Никогда не привыкну!

А вот Пашка напротив, заинтересовался. Подошел поближе, сапогом перевернул оторванный торс спиной вниз, грудью вверх. Вгляделся в сморщенное иссохшее лицо.

И озадаченно присвистнул.

– Что такое? – моментально насторожился дед Федя, даже обрез поднял.

Пашка зачем-то вытер подошву сапога о траву, хотя все, что с мертвяками происходило, от гниения совершенно точно было очень далеко, а потому вряд ли сапог мог испачкаться. Но вот захотелось почему-то очиститься от прикосновения к останкам.

– Да понимаешь ли… – пояснил Пашка. – Кажется, я его знаю. Вернее, знал.

– Иди ты! – изумился дед. – Знал? И чо это за фрукт?

– Это Селиван, – вздохнул Пашка. – Вон, шрам через всю щеку. И перстень на пальце, не спутаешь.

– Ешкин кот! – дед Федя дернул было рукой, словно хотел перекреститься, но в последний момент передумал.

Селиван несколько месяцев назад сколотил и возглавил шайку таких же отморозков, каким был сам, и намеревался хорошо погулять по ближайшим окрестностям Города. Для начала. А финишировать, как многие, собирался в Столице, богатым и уважаемым человеком. Явился он откуда-то издалека, где, по слухам, и смуты-то особой не случилось, потому бандитам было не разгуляться. Окрестные общины жили как на иголках.

Кого-то люди Селивана, вроде бы, даже успели грабануть, какую-то случайную группу палаточников. У Сенькина озера. Но достоверно об этом случае Пашка ничего не знал, только слухи слышал. А слухи обычно такое живописуют, мертвяк в гробу перевернется от ужаса, еще до того как восстать.

– Нас Гришка Сущик предупреждал, – вздохнул дед. – Мол, могут лихие люди пожаловать, Селивановы. Теперь, стало быть, не пожалуют…

– Ну, почему? – без особой радости возразил Пашка. – Омертвели Селиван да еще двое. А было их восемь, говорят.

– Раз эти омертвели, небось, и остальные тож, – беспечно отмахнулся дед Федя. – Всегда так. Не бывает, чтобы кто-то один. Или все, или никто.

В словах деда имелся известный резон, однако никакой гарантии, что бандиты всегда держались вместе, конечно же, не было. Мало ли, разошлись, чтобы потом встретиться. И одна группа омертвела. Не обязательно же и другая тоже омертвеет?

То-то и оно.

Деду Феде, видимо, надоело таращиться на останки и он неожиданно предложил:

– Пойдем, может, в лес, а? Сову ту сволочную подстрелим? А?

– Да где ты ее найдешь, – поморщился Пашка. – Ну ее в пень, сову твою, дед! Хочешь – сам ищи, сам стреляй. А мне уходить сегодня. Ща до обеда посплю и пойду.

Дед Федя протяжно вздохнул, но перечить не стал. Поглядел напоследок на все, что осталось от мертвяков, плюнул в сердцах еще разок и направился за Пашкой. К воротам.

* * *

Ушел Пашка, как и рассчитывал, после полудня. Даже с

Вероникой попрощался. На сеновале. Сердобольный дед Федя покараулил, чтоб мегера Лидия не застукала. Вероника потом разревелась, как обычно.

Дед Федя порывался провести Пашку до тракта, но Пашка отговорил: возвращаться-то ему в одиночку, а годы у деда уже не те. И видеть стал хуже, и реакция притупилась. Дед грустно вздохнул, но согласился. И Пашка пошел один.

Обнялся с дедом у ворот, церемонно поклонился вышедшей на крылечко Лидии, пожал руки Викентию и Сереже и выскользнул за ограду.

Заросшая дорога уводила в лес. Пашка с торбой за плечами и ружьем на груди экономно вышагивал по правой колее, изредка перепрыгивая через лужи в рытвинах. Дорога с каждым годом зарастала все сильнее и сильнее, даже периодические выезды деда Феди с топором дела не слишком меняли – настырная зелень перла из земли после каждого дождя и казалось, что чем тщательнее вырубаешь молодые побеги, тем активнее они восстанавливаются на этом же месте.

На самом глухом участке, где и лес был погуще, и к дороге прижимался вплотную, да и сама дорога делала крутой зигзаг, так, что видимость сокращалась метров до двадцати, Пашка почувствовал легкую тревогу.

Подобные уколы-предчувствия периодически случались с ним, правда, обычно не так близко к обжитым местам. Объяснения предчувствиям Пашка не видел, но был уверен, что оно есть и что оно вполне рациональное, обусловленное материальными причинами без малейших намеков на мистику или потусторонность. То ли звуки какие-то почти неслышные доносятся и подсознание их впитывает, то ли через почву какие-то неощутимые дрожания организм воспринимает… Что-то вроде этого. В походах все чувства обостряются, в том числе и пресловутое шестое.

Пашка взял ружье поудобнее и переместился на левую колею, чтобы в зигзаг войти по большому закруглению, а не по малому – хоть немного да обзор больше. И ствол в ту сторону направил, ненавязчиво эдак.

Однако никого Пашка не разглядел, ни за первым поворотом, ни за вторым. И среди деревьев, насколько хватало обзора, никто не прятался. А вскоре дорога вынырнула из леска в чистое поле, засеянное какими-то турнепсами. Пашка знал, что ими только скотину кормят, сами общинники их не едят.

Вдалеке уже и тракт просматривался. Тревога практически отпустила; по крайней мере, притупилась. На открытом пространстве всегда чувствуешь себя спокойнее – если, конечно,

ничего плохого на горизонте не видать.

Но все-таки не зря шестое чувство кольнуло Пашку: когда развилка была уже хорошо видна, он понял, что у покосившегося ржавого указателя кто-то сидит. Отдыхает, наверное.

Человек был один, так что особо беспокоиться не следовало, хотя несколько его приятелей могли залечь в засаду по ту сторону тракта. Там небольшой кювет, Пашка прекрасно помнил, при желании спрятаться можно. Но тут уж как повезет. Да и не представлял Пашка такой уж лакомой цели: ценностей у него нет (ружье разве что), в плен для выкупа его не возьмешь – поскольку не общинник, никто и не подумает платить.

Вскоре человек на развилке заметил Пашку и приветственно взмахнул рукой. Пашка успокоился, но не до конца. Жизнь приучила его к разнообразным сюрпризам, далеко не всегда приятным, поэтому он никогда не расслаблялся. Даже ночуя в общинах.

Однако на этот раз можно было и расслабиться: подойдя ближе, Пашка сидящего узнал. Витька Шелест, тоже ходок. Можно даже сказать, приятель.

– Привет, Пафнутий! – осклабился Витька, когда он подошел.

Пашку вообще-то звали Павлом, а не Пафнутием, но Витька любил называть его именно так. Почему – фиг его знает. С давних пор как-то так повелось.

– Здорово, – Пашка пожал протянутую снизу вверх руку и уселся рядом с Витькой. – Куда, откуда?

– Тебя ищу, – сообщил Витька. – Сказали, ты к Лидии в общину подался, товар понес.

– Таки да, две ночи у них отдыхал. Правда, во вторую Лидия дежурить заставила. Потому сегодня только после обеда двинул.

– Хорошо, что я тебя перехватил, – вздохнул Витька. – Не люблю я эту ведьму. Вечно так на тебя смотрит, словно ты сюда явился всех девок ее перетрахать – и только. Шизанутая она.

– Шизанутая, – согласился Витька. – Но платит честно. А зачем ищешь-то?

Витька нахмурился.

– Говорят, Селиван со своими уродами куда-то в эти края лыжи навострил.

– Ага, донавострялся, – хмыкнул Пашка не без злорадства. – Больше не навострит.

– Что такое? – насторожился Шелест.

– Омертвел Селиван. Я его нынешней ночью и отоварил из обеих стволов. Пополам разорвало! Ну, и еще двоих с ним.

– Иди ты? – прошептал Витька с непонятным восхищением. – Гляди как быстро!!! Я даже не ожидал.

– Чего не ожидал?

– Что так быстро омертвеют.

Пашка озадаченно воззрился на Шелеста.

– В смысле?

– В смысле – не думал, что так быстро омертвеют, – непонятно объяснил Витька теми же словами, словно их повторение могло чем-нибудь помочь. – Думал, это дольше происходит, хотел как раз понаблюдать. Не успел, значит…

– Ничего не понимаю, – пробормотал Пашка. – Ты знал, что ли, что они должны омертветь?

– Ну, не то чтобы знал… – вздохнул Шелест хитро. – Догадывался только.

– Но откуда, черти тебя побери? – изумился Пашка совершенно искренно.

Рожа Витькина стала еще хитрее.

– Да есть у меня одна теория… Последний год из головы не идет. Проверяю.

– Сгораю от нетерпения, – буркнул Пашка. – Колись, давай.

Вообще-то, Пашка покривил душой: любопытство к затее Шелеста он действительно испытывал, но чтобы сгорать от нетерпения – этого не было. Он знал еще слишком мало, чтобы сгорать.

– Расскажу, – пообещал Шелест, вставая. – Как только Селивана покажешь, так сразу и расскажу.

– Да что там показывать? – удивился Пашка в очередной раз. – Мертвяк как мертвяк… пополам разорванный.

– Руки целы? – деловито уточнил Витька. – Мне перстень нужен. Без перстня никак.

– Перстень на месте, – заверил Пашка. – Я видел. Слушай, Шелест, если мы к общине вернемся, я сегодня никуда уже не успею. Что мне, еще сутки там куковать?

– Ничего, покукуешь, – хмыкнул Витька. – Пошли, пошли, это, между прочим, и в твоих интересах тоже.

– А почему я об этом ничего не знаю? – спросил Пашка с иронией.

– Тупой потому что, – Шелест ухмыльнулся и легонько пнул все еще сидящего спиной к указателю Пашку. – Вставай, давай!

Пашка с нехотя поднялся на ноги. Он прекрасно знал: если приятель что-либо втемяшил себе в голову, переубедить его невозможно и перечить ему не рекомендуется.

«Хрен с ним, – подумал Пашка обреченно. – Вернемся. Зато Вероника обрадуется».

* * *

Стащив перстень с отрубленного пальца Селивана, Шелест тут же потерял всякий интерес к останкам. Больше всего Пашку поразил тот факт, что усекновение мертвяцкого мизинца Шелест проделал только после того, как сам натянул тонкие лабораторные перчатки, если вы, конечно, помните, что такое лаборатории. Перчатки были упакованы в запаянный вакуумный пакет, Пашка таких лет пятнадцать, наверное, не видел. Мало того, перстень Витька тоже снимал не руками, а пинцетом, вынутым из точно такого же вакуумного пакета, только поменьше размерами. И перстень упаковал опять же в пакет с пластиковой застежкой, надо понимать, не менее стерильный. От всего этого Пашка натурально офонарел, поскольку не подозревал, что приятель-ходок все еще занимается подобными вещами. Когда-то он работал лаборантом в питерском институте особо чистых веществ и препаратов – за дословность Пашка сейчас уже не поручился бы, но назывался институт как-то похоже. С учетом сегодняшнего дня, когда даже образованные люди изрядно одичали, Шелест тянул уже не на лаборанта, а на крупного ученого, не иначе, о чем Пашка не преминул с ехидцей сообщить. Витька в ответ состроил рожу. Это могло означать только одно: он действительно занимается чем-то научным, что само по себе уже было бомбой. Казалось, люди давно смирились с новым Средневековьем и окончательно потеряли веру в возврат к цивилизации.

Получается – не так все?

Витька поднял пакет с добычей на уровень глаз и некоторое время внимательно рассматривал перстень сквозь прозрачный пластик упаковки.

– Не хочешь взглянуть? – произнес он, не оборачиваясь.

Пашка подошел и навис над его плечом.

– Ну и на что тут глядеть? – поинтересовался он сварливо.

– На надпись. Внутри ободка – надпись. Почти как на колечке царя Соломона.

– На колечке царя Соломона внутри было написано «…и это пройдет», – проворчал Пашка. – А тут хрень какая-то.

– Ты внимательней приглядись.

Пашка прищурился – годы брали свое и вблизи он стал видеть существенно хуже, чем в молодости. Тем не менее он нашел позицию, при которой сумел прочесть буквы на внутреннем ободке перстня. Их было пять.

«СМУТА».

– Что за черт? – озадаченно протянул он.

– Там еще точечки между буквами, – невинно подсказал Шелест.

«С.М.У.Т.А.»

Ну и что это может значить?

Потом Пашку осенило:

– Это сокращение? Аббревиатура?

– Разумеется, – Шелест кривовато усмехнулся. – Сыворотка модального управления торможением агрессии.

– Ни хера не понял, – признался Пашка грустно.

– Долго рассказывать. Собственно, я сделал что хотел. Сейчас двину в сторону Города, у шишкарей заночую. Если хочешь, айда вместе, по дороге и расскажу в чем тут дело.

Пашка невольно оглянулся в сторону посада за бревенчатой оградой. На вышке маячил Сережа и кто-то с ним еще, не разглядеть кто.

«Нет уж, – подумал он решительно. – Ушел так ушел!»

– К шишкарям, говоришь? – вздохнул он пару секунд спустя. – Опять ведь упоят до полусмерти бормотухой своей вонючей…

– А ты прям так сопротивляешься всегда, так сопротивляешься! – ехидно поддел Шелест.

– Ладно, пошли, – махнул рукой Пашка. – Чего не совершишь из научного любопытства…

Его очень подмывало еще разок обернуться к вышке и, может быть, даже помахать рукой, но прощаться дважды он как-то не привык.

– Может, через лес пойдем? – задумчиво предложил Шелест. – Чего петлять?

– В лесу сова, – усмехнулся Пашка. – Страшно!

– Какая сова? – озадаченно переспросил приятель.

– Деда Феди любимая сова, – тут Пашка уже в голос заржал. – Я бы даже сказал именная!

– Да ну тебя…

– Ладно, не серчай. Если честно, неохота мне через лес. Оттуда мертвяки к посаду вышли. Ну его… Лучше людскими тропами, чем мертвяцкими.

– Тоже верно, – кивнул Шелест. – Хотя я недавно мертвяцкими ходил и, как видишь, ничего, цел.

– Ты лучше про смуту колись, – проворчал Пашка. – А то все намеками да экивоками. Чего, в городе кто-то умудрился мозги не растерять? Организоваться?

– Не совсем в городе, – поправил Шелест. – В Столице. Оттуда не так давно гонцы пожаловали. Дядю Гришу искали. И нашли. Ну, и меня тоже мобилизовали, когда узнали, где до смуты трудился.

– Неудивительно, что мобилизовали… – Пашка никак не мог остановиться, ворчал и ворчал. – Я когда увидел, как ты самогон

из пробирки пьешь, сразу понял – чокнутый яйцеголовый. Все из стаканов, а он из пробирки!

– Привычка! – хохотнул Витька. – Да и удобнее, просто не все понимают.

– Слушай, но вообще я поражен, – признался Пашка. – Двадцать лет! Двадцать лет в говне и дикости – и вдруг перчатки, пакетики вакуумные… Я уже и забыл, как это все выглядит!

– Ничего, руки все помнят, как оказалось, – Шелест на ходу пожал плечами. – Мне эта дикость уже во где, – он выразительно рубанул ребром ладони по кадыку. – В цивилизацию хочу. Под горячий душ с хлорированной водой. Чтоб телевизор и в нем футбол. Я даже на отраву из Макдоналдса согласен, но не дольше трех дней! Задолбало уже все доморощенное. Жрать невозможно, соли мало, перца вообще нет. Лекарств хрен достанешь, люди от чиха дохнут. У шишкарей, вон, недавно парня двадцатилетнего похоронили – аппендицит схватил. То есть это уже потом поняли, что аппендицит, когда кузьминский доктор приехал. Раньше его за три дня на ноги поставили бы. А теперь? Ай…

Витька выразительно взмахнул рукой, отчего помповуха у него на груди резко дернулась туда-сюда.

– Я когда узнал, что в Столице не все одичали и что умные люди сумели организоваться, веришь, аж подпрыгнул от радости.

– Можно я тоже подпрыгну? – сказал Пашка и действительно подскочил, заодно удачно форсировав лужу в колее.

– Слушай, – спросил он Шелеста. – А зачем ты мне все это рассказываешь? Я так понимаю, ребята из столицы вряд ли одобрят лишнюю рекламу своей деятельности.

– Мне прямым текстом сказано подтягивать внятных людей, – объяснил Витька. – Ты хоть формально и неуч, но ведь и не дурень дремучий. Да и ходок неплохой. Такие нам нужны. Я вообще хочу тебя в напарники сосватать – поодиночке шляться по диким местам не совсем правильно. Пойдешь?

Пашка передернул плечами:

– Ты хоть подробнее расскажи… Что за люди, чего добиваются. Должен же я знать, кому служу?

– Люди как люди… Я даже некоторых заочно знал в старые времена, много публиковались. Теперь вот и лично познакомился. Короче, незадолго до смуты разрабатывался в России один проектик любопытный. Как водится, в погоне за счастьем человеческим. Да только власти наши разлюбезные, ясен перец, решили воспользоваться им по-своему. Ну и внедрили кое-где. И тут же грянуло. Дали бы лет пять-семь на доводку – может, и обошлось бы. А так – сам видишь, в каком мире живем.

– А попонятней нельзя? – угрюмо спросил Пашка. – Что за

проектик?

– Управление агрессией. Снижение напряженности в социуме. Пытались на это влиять, начали с футбольных фанатов. И в итоге что-то пошло не так. Вместо того, чтобы лупцевать друг друга, фанаты внезапно договорились, подтянули еще много кого и пошли громить власть да ментов. Ну, ты сам должен помнить. Штатными методами, на которые так надеялись, управлять толпой не получилось, а джинн тем временем из бутылки выскочил и отправился гулять. Полыхнуло по всей Евразии. Результат налицо: цивилизации больше нет, Европа в руинах, Россия, как обычно, в жопе, и даже китайцы до сих пор не могут справиться со своей китайской смутой. А все оттого, что какому-то чинуше захотелось набрать политического весу и была отдана команда ученым. Преждевременная команда.

– А перстни тут при чем? – поинтересовался Пашка.

– Перстни – это приборы-эффекторы. Они всегда оказываются у разнообразных вожаков-пассионариев. По идее, они должны анализировать ферментную картину в организме такого вожака и регулировать его стремление бить, крушить и разрушать. И еще – подчиняться определенным командам, неосознанно, на уровне инстинктов и подсознания. Жалко, что ты не биохимик, я бы попытался объяснить механизм. Получается, что перстень – это как бы эпицентр инфекции, и постепенно эта инфекция должна была распространиться на тысячи и тысячи людей. И она действительно распространилась, только эти тысячи людей и не подумали подчиняться каким-либо командам. Они просто разгромили все, до чего дотянулись, а потом ушли туда, где еще оставалось хоть что-нибудь неразгромленное. Неинфицированные – в том числе и мы с тобой – остались выживать на руинах. Вот и вся история.

– А теперь-то они чего хотят? Ученые эти?

– Собрать перстни и понять, что же на самом деле произошло. А потом, когда поймут, – искать выход. Тем более что в наших краях ситуация вообще обернулась непредсказуемо.

– Ты о чем?

– О мертвяках. В пределах нашей области и нескольких соседних инфицированные люди мертвеют. Такого нигде больше нет, только у нас. Заметил, что в последние года два-три бандитов практически не стало? То есть, по слухам, они где-то всегда есть. Но как-то на дорогах перестали встречаться. И на общины нападать тоже перестали.

– Кстати, да, – оживился Пашка. – Я действительно уже и не помню, когда стрелял в кого-нибудь помимо мертвяков.

– То-то и оно! Живых бандитов – нету, а мертвяков полно.

Какой напрашивается вывод?

– Ты хочешь сказать, что все бандиты в наших краях неизбежно мертвеют? – недоверчиво протянул Пашка. – Но с чего?

– Все, не все – не знаю. И с чего – тоже не знаю, хотя и догадываюсь. Вот перстень донесем, изучим, тогда и поймем. По крайней мере, я на это надеюсь.

Пашка некоторое время размышлял.

– В принципе, что-то в твоих словах есть, – протянул он задумчиво. – Я не слышал, чтобы кто-нибудь из общинников омертвел. И потом, среди мертвяков женщин тоже нет, хотя болтают, будто позапрошлой зимой к вольницким одна такая вышла. Но, с другой стороны, и некая бандитская атаманша в тех местах какое-то время проявлялась…

– Вот видишь, – отозвался Шелест. – Укладывается!

– Ладно, допустим. Но если в наши края забредут бандиты, у которых нет вожака с перстнем? Неинфицированные, как ты говоришь?

– А поздно, перстни по большому счету уже не при делах. Чужие бандиты инфицируются у нас, где-то на местности. Может, от мертвяков, кстати. Просто с перстнем это происходит практически моментально, за сутки-двое, если только случай с Селиваном не какая-нибудь странная аномалия.

– Но почему не инфицируемся, к примеру, мы с тобой? Чем мы отличаемся от бандитов, если разобраться? Стволы есть. И в дело мы их пускаем без малейших колебаний.

– На это есть несколько теорий, – кивнул Витька, явно готовый к подобному вопросу. – Самая очевидная состоит вот в чем: у нас с тобой нет намерений кого-нибудь ограбить и чего-нибудь отнять. Ходоки по большей части торговцы, а не грабители. В этом-то вся и причина. Как только в человеке зреет готовность к худому делу, он начинает мертветь.

Шелест покосился на Пашку и ухмыльнулся:

– Что, страшно?

– А ты не свистишь? – недоверчиво протянул тот. – Как могут мысли влиять на заражение?

– Еще как могут, – уверенно заявил Витька. – Эмоциональное состояние человека сводится, в общем-то, к все той же биохимии. Да хоть про адреналин вспомни, про него в свое время даже школьники знали. Готовность убивать и грабить – из той же оперы, из биохимической.

– Но у нас тоже есть готовность убивать, – заметил Пашка веско.

– Значит, это другая готовность, – нимало не смутившись

парировал Шелест. – Готовность убивать без готовности грабить. Готовность обороняться, а не нападать. Как-то так.

Некоторое время Пашка молчал, обдумывая его слова.

– Сложно все, – вздохнул он наконец.

– Гораздо сложнее, чем ты думаешь, – Витька поправил на груди ружье. – Даже сложнее, чем ожидали те, кто все это придумал.

* * *

У шишкарей ограда была похлипче, чем у пэтэушниц пани Лидии, но тоже ого-го. Но зато они в случае чего легко могли выставить два десятка прекрасно вооруженных бойцов в оборону. Скорее всего, именно поэтому шишкари и не слишком заморачивались неприступностью своей крепости. Кто заметно сильнее, все равно эту крепость возьмет, хоть ты изобороняйся весь. А от остальных отобьются и без внушительного забора.

Сейчас крепость выглядела безжизненной. Ни звука не доносилось из-за ограды. Не брехали собаки, не мычала скотина. Не стучали топоры, не визжали пилы, а ведь мастерская у шишкарей была одна из лучших в округе. Не видно было часового на вышке.

А самое главное – ворота были распахнуты настежь. И никого.

– Не нравится мне это, – мрачно заявил Пашка.

– Думаешь, мне нравится? – поморщился Шелест. – Ну что, пойдем? Или не стоит?

– А вдруг им помощь нужна?

– А вдруг там засада?

Пашка насупился. Да, он понимал, что лезть в посад, у которого настежь распахнуты ворота, – это безумие. Но иногда ради друзей приходится совершать безумные поступки. Иначе – кому такая дружба нужна?

– Вдвоем туда лезть не стоит, – рассудительно произнес Шелест. – Потянем палочку.

Пашка без слов обломал ближайший кустик.

– Длинная – идет. Короткая – остается, – объявил он и зажал палочки между пальцев.

– Угу, – кивнул Витька.

– Тяни.

Шелест вытащил короткую.

– Значит, так, – Пашка переломил ружье, проверил заряжено ли. Конечно, заряжено. – Я захожу. Если через пять минут не

выйду из ворот и не дам отмашку, значит, засада. Там уж сам решай, уходить или как. Если уйдешь, обиды держать не стану.

– Да чего тут решать, – Шелест поморщился. – Никуда я не уйду. Но к воротам не сунусь, не дождутся. Придумаю чего-нибудь, не боись.

Пашка коротко, с придыханем, хекнул, покинул кусты и, не кроясь, пошел к воротам посада.

Он не прошагал еще и половины пути, когда наблюдающему из зарослей Витьке между лопаток уперся вороненый ствол.

– Тихо, – посоветовали ему. – Тихо!

И отобрали помповуху.

Пашка этого, естественно, не увидел. Он, бесшумно ступая, крался к воротам, готовый в любой момент выстрелить и отступить. Но все было на первый взгляд спокойно, и к распахнутой створке он приблизился беспрепятственно. Заглянул.

Некоторый беспорядок на подворье наблюдался – валялось ведро, из которого рассыпалась и раскатилась картошка, кто-то сшиб небольшую поленницу рядом с крылечком. Но убитых, по крайней мере, видно не было, и это Пашку несколько приободрило.

Он прокрался впритирку к створке внутрь, перебежал к стене посада и, перепрыгнув через порушенную поленницу, взбежал на крыльцо.

Дверь посада подалась без сопротивления, но оглушительно заскрипела, так что Пашка от неожиданности вздрогнул. За дверью было сумеречно, он шагнул внутрь и влево, чтобы не маячить на проходе. Хотел постоять в полумраке, чтобы глаза привыкли к темноте.

Не успели привыкнуть.

Пашку хватили по голове чем-то тяжелым и твердым, и он тут же выключился.

На пол осесть ему не позволили, но сам Пашка этого, естественно, не почувствовал.

Очнулся он от страшной ломоты в затылке. Шевельнулся, застонал.

– Наконец-то! – прошептали рядом голосом Витьки Шелеста. – Жив?

– Местами, – пробормотал Пашка.

Он лежал на деревянном полу; под головой обнаружилась какая-то тряпка, при ближайшем ощупывании оказавшаяся курткой Шелеста.

– Как башка? – поинтересовался приятель.

– Будто дубиной отоварили, – поморщился Пашка.

– Да так оно и было, стопудово – сообщил Шелест. – Меня в

кустах взяли, едва ты отошел. По башке не били, сразу ствол в спину – и привет…

– Проспал?

– Как пацан, – Шелест виновато шмыгнул. – Расслабился…

– Где это мы? В подполе?

– В чулане за кухней.

– А долго я валялся? Сейчас что? День, вечер?

– Сейчас ночь, Пафнутий. Даже, наверное, уже ближе к утру. Точнее не скажу, извини, часы у меня отобрали.

Пашка пошарил вокруг себя. Найти оружие он, конечно же, не надеялся, но вдруг хотя бы торбу заплечную оставили?

Не оставили…

В чулане было темно, глаз коли, ни единого лучика света ниоткуда не пробивалось.

Витька истолковал его шевеление по-своему:

– Вон там, у стены, в полу между досками щель. Если чего, отлить можно. А вот когда по-крупному припечет… Жрать нам в ближайшие дни не светит, хоть в этом смысле хорошо.

– Думаешь, долго нам тут сидеть? – мрачно осведомился Пашка.

– Уверен.

– Значит, покормят… Не идиоты же они. Если сразу не шлепнули, значит мы им зачем-то нужны. А раз нужны – будут кормить.

– Увы, дружище, – вздохнул Шелест. – Не покормят. У меня отобрали перстень.

Пашка не сразу понял, что это означает. Но потом до него дошло.

– Погоди, погоди… Ты считаешь, что все они омертвеют?

– Думаю, уже начали, – произнес Витька очень уверенно. – Они днем еще шумели и топали, а потом все затихло. Скорее всего, лежат сохнут. Через пару суток дойдут до кондиции и в ночь бродить станут. А ближайшие люди – это мы. Только на это и надежда.

– Так мы ж без оружия, – свистящим шепотом произнес Пашка. – Как же ж мы?

– Не знаю. Если дверь отопрут – сбивать с ног, пинаться, лягаться, что угодно, но мы должны отсюда вырваться. Мертвяки медлительны, авось прорвемся наружу.

– Так снаружи другие мертвяки…

– Я пока ты валялся, поразмыслил на этот счет. Надо на вышку влезть. Если влезем – от мертвяков даже без оружия отбиться можно, уверен.

– А если омертвели не все? Тогда что?

– Тогда до вышки нам не добраться. Хотя, хер его знает, мертвяков даже уцелевшие бандиты вряд ли станут обнимать-привечать. Не знаю, в общем, пока будем ждать да прислушиваться. И спать только по очереди. Я, кстати, уже прикорнул бы. Ты как, в норме? Не тошнит?

– Вроде, нет, – Пашка прислушался к себе. – Башка раскалывается, не без этого, но вроде не тошнит.

– Это хорошо, – вздохнул Шелест. – Лучше без сотрясений. А шишка – фигня, рассосется.

«Тебе бы такую фигню на темя», – подумал Пашка сердито, но в целом без излишнего негатива. Понятно было, что приятель сам по себе ни в чем не виноват. Правда, это он уговорил Пашку идти к шишкарям. Но кто ж знал, что тут гости…

– Ну, чего, – вздохнул Шелест, устраиваясь головой на куртке. – Бди. Спокойной вахты…

* * *

Первая вахта и впрямь выдалась спокойная. В посаде было тихо, как в могиле, а темнота, которая царила в чулане, лишь усиливала впечатление. Бандиты ничем себя не проявляли, ни единым звуком. Пашка успел отлежать себе один бок, потом второй; когда головная боль притупилась и стала привычной – медленно, на ощупь добрался до ближайшей стены и обошел их с Шелестом тюрьму по периметру. Это оказалась непростая задача, потому что в темноте Пашка то и дело натыкался на какие-то бочки, покрытые рогожами, полати с кадками и банками (хорошо, если консервация, подумал Пашка) и всякие разные иные препятствия, которые тактильно было очень трудно идентифицировать. Он трижды будил Шелеста, на что-нибудь наткнувшись, но, к счастью, ничего не обрушив.

Еды никто им не принес, но раньше, чем голод, начала донимать жажда, и они с отоспавшимся Витькой предприняли «щупательную искпедицию». Довольно быстро они обнаружили бочку, от которой соблазнительно пахло квашеной капустой. Она оказалась не закатана, а гнет – здоровенный тяжелый валун – они без особого труда вдвоем вынули. Под мокрой деревянной крышкой и впрямь нашлась капуста, еще не вполне дошедшая, но тем не менее съедобная и, что важно, хорошо вымокшая в рассоле, а потому прекрасно утоляющая жажду. Да и голод – частично тоже. В животах сразу забурчало, но выбирать не приходилось.

Когда объелись капустой, принялись щупать дальше и нашли

четыре закатанные бочки, две побольше, по пояс примерно и в обхват, две поменьше, бочонки литров, наверное, на восемь-десять, высотой примерно по колено. Пашка нащупал слесарную корзину для инструментов, но она, увы, была пуста, хотя отчетливо пахла смазкой и железом. Скорее всего, инструмент забрали предусмотрительные тюремщики.

Потом Витька нащупал на стене электропроводку, а несколькими секундами спустя – выключатель.

– Ух ты! – выдохнул он с восторгом. – Пафнутий, жмурься! Вдруг работает?

Выключатель тихо щелкнул. Перед глазами возникла тусклая оранжевая пелена, но узникам она показалась ослепительной.

Потом, когда глаза привыкли, выяснилось, что тлеющая едва в четверть накала лампочка питается от ветхого автомобильного аккумулятора, еле-еле живого, но и этого было достаточно, чтобы осмотреться.

Еще недавно казавшийся огромным чулан съежился до размеров тесной квадратной комнатушки, примерно пять на пять метров. Потолок нависал над самыми головами: руку протяни – достанешь, но до сих пор ни Пашке, ни Шелесту не приходило в голову тянуться к потолку. Кроме уже нащупанных бочек и консервации на полках под грязным брезентом у одной из стен обнаружились короткие металлические прутья со следами старой сварки. Лежали они не у самой стены, а чуть вглубь помещения, в полуметре примерно, потому, видно, узники на них до сих пор и не натыкались, а тюремщики почему-то не обратили внимания. Со стальной арматуриной в руках уже не чувствуешь себя совершенно безоружным.

Потом осмотрели дверь. Петли ее оказались старыми и ржавыми, а о запорах сказать ничего было невозможно: они располагались либо снаружи, либо в толще дерева. Скорее снаружи, потому что ничего похожего на замочную скважину дверь не содержала. Сплошное дерево, даже без ручки.

Узники молча переглянулись. Потом Витька без слов положил облюбованный прут на пол, а взял другой, самый тонкий из имеющихся, да еще вдобавок слегка сплюснутый с краев, на манер ломика. Да уж, крупно лопухнулись бандиты, сажая плененных ходоков в чулан с подобным содержимым…

Верхняя петля с громким звоном лопнула, едва Витька с силой налег на импровизированную фомку.

Узники застыли, вслушиваясь в гулкую тишину посада. Но никто не прибежал, не принялся потрясать оружием и сыпать матерными угрозами. Посад был мертв и, по всей видимости, пуст.

В том смысле, что людей в нем не было.

Нижняя петля выдержала, не лопнула, но ее Витька с мясом и щепами попросту выдрал из косяка.

Вслушались еще раз.

– Надо свет погасить, – шепотом предложил Пашка. – Пусть глаза к темноте привыкнут. В сенях тоже, небось, темно.

Смысл в этом определенно имелся, поэтому так они и сделали. Минут через десять вновь воцарившаяся в чулане тьма прошептала голосом Витьки:

– Ну что? Начали?

– Давай, – согласился Пашка, сжимая в руках оба прута, свой и приятеля.

С тихим стуком сдвинулась дверь. Образовавшаяся щель стала отчетливо видна – в сенях хозяйничала не полная темень, а всего лишь полумрак. Шелест взял у Пашки прут и первым выскользнул из чулана.

Перед выходом на крыльцо на вбитых в стену гвоздях они нашли свои ружья. Свои и еще чьи-то, то ли шишкарей, то ли бандитов. Пашка привычно переломил верную двустволку – заряжена, патроны знакомые. Картечь.

Прутья они оставили под «вешалкой» и уже куда более уверенные в собственных силах принялись обшаривать посад.

Бандитов, вернее то, во что они успели превратиться к этому часу, Шелест с Пашкой нашли уже через несколько минут, в горенке. Оказалось их шестеро и все уже перестали быть людьми, но еще не стали мумиями. Мертвяками. По-видимому, они находились примерно на полпути, потому что кожа сморщилась и пожелтела, но еще не до такой степени, как у полностью омертвевших. У одного, без сомнений – у бывшего главаря, на мизинце левой руки красовался знакомый перстень.

Витька скользнул к столу, заваленному чем попало, в том числе вытряхнутыми из походных торб вещами. Сами торбы валялись тут же, у стола, рядом с пустыми бутылками и жбанами из-под бормотухи. Запаянные пакеты с перчатками, пинцетами и еще какими-то незнакомыми Пашке инструментами и приспособами, никуда не делись, нашлись в общей куче. Витька торопливо натянул перчатки, вооружился пинцетом и принялся стаскивать перстень с полуиссохшего пальца будущего мертвяка. Минуты ему вполне хватило.

Потом они торопливо набили торбы уцелевшими пожитками и найденной снедью, снарядились и покинули горенку. Посад они решили на всякий случай обыскать и правильно сделали: на пустом скотном дворе в дальнем загоне они нашли запертых шишкарей. К сожалению, не всех. В их узилище не нашлось

ничего, что помогло бы самостоятельно освободиться, а запоры и двери были куда надежнее, чем в чулане, поскольку в дальнем загоне шишкари нередко держали молодых бычков, а это на редкость могучие животные – наляжет как следует, мало не покажется.

Шишкари быстро воспряли духом и разбрелись наводить порядок; Пашку и Шелеста сначала не хотели отпускать, но Шелест оказался непреклонен: сказал, что настолько важную информацию необходимо доставить куда следует как можно скорее. Тот факт, что важную информацию вообще есть куда доставить, сам по себе приободрял не хуже, чем чудесное освобождение из бандитского плена – шишкари после потери нескольких своих в хороший исход уже не верили.

И Пашка с Шелестом ушли, пообещав вскоре вернуться на щедрую и законную шишкарскую проставу.

По дороге они наспех перекусили у ручья. Пашкина голова все еще болела, но уже не так катастрофически, как сначала. Шелест явно пребывал в хорошем расположении духа, поскольку и из плена вырвались, и шишкарям помогли, и теория его блестяще подтвердилась. С такой добычей можно было показываться к головастым хозяевам, которые давно публиковались, когда сам Витька еще трудился простым лаборантом. А вот Пашка был мрачен и к репликам спутника должного внимания не проявлял, пока тот не остановился, не дернул его за рукав и возмущенно не вопросил:

– Да что с тобой, Пафнутий? Спишь на ходу? Или все-таки сотрясение? Радоваться надо – а он мрачный!

– Чему радоваться? – буркнул Пашка.

– Мы живы! Жизнь продолжается! Бандитам кирдык! Мало?

Пашка только вздохнул.

– Если так тупить – долго точно не проживем.

– Ты о чем?

– Да взяли нас как детей, – пояснил Пашка с неохотой. – Скажешь, нет?

– Если б нам не нужно было лезть в посад – хрен бы нас кто взял, – сказал Шелест убежденно. – Знали, на что шли, потому и рискнули. Зато шишкарям помогли.

– А если бы нас всех вместе посадили? – резонно возразил Пашка. – Из загона хрена бы мы выбрались, а ломиков там не держат.

– Да выбрались бы как-нибудь, – легкомысленно отмахнулся Шелест. – Шишкари в собственном доме от голода не умрут и взаперти навечно не останутся, это я тебе точно говорю.

– Ага, то-то мы их освободили, а не они нас, – саркастически

напомнил Пашка.

– Ты пораженец! – заявил Шелест с гневом, больше показным, чем реальным. – Пораженец и пессимист! Так нельзя!

– Я не пессимист, – Пашка пожал плечами. – Я просто не верю в счастливые исходы на пустом месте. Да и вообще… вся твоя теория слишком красива, чтобы быть правдой.

– Это почему еще? – искренне изумился Витька.

– Да потому, что в жизни так не бывает. Никогда. Чтобы хорошим людям было хорошо, а плохим – плохо. Всегда бывает наоборот. Раньше правительство на нашей шее сидело, каталось в свои Куршевели и покупало «Роллс-ройсы», а мы молча пахали за грошик. Потом урки всякие что хотели, то и творили, а нам оставалось, как крысам, по углам жаться да крохи припрятывать, чтоб с голоду не сдохнуть. И вдруг оказывается, что гады начинают мертветь просто потому, что они гады, а хорошие люди могут не беспокоиться и жить себе по уму, по совести. Бред. Не верю.

– Но почему? Почему не веришь?

– Потому что человек по сути своей – жадная и тупая скотина. Хуже шакала. Он никогда не станет жить по совести, если можно прижать и обобрать ближнего, который слабее.

– Мы же живем?

– Мы не в счет, – пробурчал Пашка мрачно. – Мы идеалисты.

– Значит, настало время идеалистам пожить. Извини, Куршевеля и «Роллс-Ройс» не обещаю, но, может быть, через некоторое время при ходьбе через лес ружье нужно будет таскать только потому, что волки. От людей ружье станет ненужным.

– Не, – покачал головой Пашка. – В это – точно не верю.

– Да что ты заладил: «не верю, не верю», – Шелест начал злиться всерьез. – Мы не о религии говорим, в конце концов, а о науке. Может, с ее помощью именно сейчас будет достигнута вселенская справедливость и люди обретут потерянный рай?

– Какой рай, мы же не о религии, – напомнил Пашка ехидно.

– Я образно, – Шелест отмахнулся. – Представь: жить останутся только те, кто желает окружающим добра. А мертвякам… мертвяково. Разве плохо?

– Слишком хорошо, чтобы быть правдой, – убежденно сказал Пашка.

– А давай поспорим? – неожиданно предложил Шелест. – Если через три года я тебя где-нибудь встречу и мы оба будем без ружей, значит я выиграл. И тогда… и тогда ты должен будешь влезть на самую высокую сосну и трижды прокричать оттуда: «Да здравствует потерянный рай!»

Пашка опасливо покосился на приятеля.

– Ну, ты… загнул!

– Что, боишься?

– Нет. Просто помню, что из двух спорщиков один всегда дурак, а второй подлец. А я не хочу быть подлецом – еще омертвею ненароком…

– Ничего, от такой мелочи не мертвеют! Тем более что ты на самом деле желаешь такой правды, просто не веришь в нее, а этим биохимию не подпортишь! Ну так что, спорим?

– А если я выиграю?

– Тогда я что-нибудь сделаю. По твоему желанию.

– Придешь к пани Лидии, – мстительно произнес Пашка, – и назовешь ее старой стервой!

– Согласен! – Шелест с готовностью протянул руку и ворчливо добавил, когда спор был заключен: – Жаль, разбить некому, но мы же люди честные, правда?

Несколько минут они шли молча, перешагивая через лужи и обходя разросшиеся на дороге кусты.

– А еще знаешь, что я тебе скажу? – заметил Шелест, и вид у него был при этом задумчивый. – Путь к любому раю всегда начинается в аду. В нашем аду мы что-то засиделись. Пора бы наверх.

© Март – апрель 2013

Москва, Соколиная гора

Пелена

Бойт ждал пятницы с отчаянием – ночь на субботу была первой ночью полнолуния. Значит, опять начнется… Боль во всем теле, приблизительно с полуночи. И слухи, слухи, ползущие по городку: «Вы слыхали? У Фарлингов сын пропал. И сарай сломан, а забор и вовсе в щепы…» «А следы, следы? Кто может оставлять такие следы на земле?» «Кто?» Потом, конечно, найдутся обезображенные останки молодого Фарлинга, жители торопливо попрячутся по домам, запирая двери и ставни, потому что покрасневшее солнце нырнет за горизонт и сразу же навалятся липкие июньские сумерки, а за ними – вторая ночь полнолуния.

Бойт удрученно вздохнул. Все началось недавно – это полнолуние всего третье. И все же… Уже четырежды находили истерзанные останки жителей Армидейла, неосторожно покинувших свои дома ночью. Несколько раз к утру оказывались полуразрушенными деревянные строения.

Городок погрузился в оцепенение. Обитатели отсиживались за мощными стенами старых каменных домов, понимая, что оборотень – кто-то из местных. Армидейл – такая глушь, что за ночь добраться от ближайшего селения можно разве что на самолете, а самолеты сохранились только в столице и, говорят, давно уже не летают. Горы и лес окружили городок с трех сторон, единственная дорога убегала на юг, где далеко-далеко, в неделе пути, лежит такой же замшелый городишко Гриборг.

Бойт торопливо шагал по улице, обдумывая то, что пришло в голову сегодня утром. Соседи безмолвно кивали ему – Бойт здоровался и сразу же опускал взгляд. Он боялся, как и все в Армидейле.

Правда, никто не мог узнать, что боится он совсем не того, чего остальные. Самое парадоксальное – больше всех боялся именно Бойт. Остальные боялись только оборотня. Бойт боялся всего – себя, сограждан. Боялся, что его разоблачат. Боялся неминуемой и неотвратимой расправы. Как ужасно терзаться страхом, которому виновник – ты сам! И ведь поделать ничего нельзя.

Бойт от бессилия зажмурился и до боли сжал кулаки.

Дом у него был старый и крепкий. Будь оборотнем кто другой, Бойт чувствовал бы себя вполне в безопасности за его массивными стенами.

Дверь глухо хлопнула, закрываясь. Бойт замер на пороге комнаты. Итак… Получится ли?

* * *

Лан неслышно подошел к сестре и положил руки ей на плечи. Васта испуганно вскрикнула, отшатнулась прочь. В глазах ее сверкнул ужас. Лан смутился.

– Прости… Я не хотел тебя испугать…

Сестра всхлипнула, опускаясь на табурет.

– Господи… Сколько это будет продолжаться?

– Прости, Васта. Мне кажется, я кое-что придумал.

Васта горько усмехнулась:

– Что ты мог придумать? Кто может справиться с этой тварью?

Лан не успел ответить – в наружную дверь постучали. Почти одновременно часы пробили десять вечера.

– Не открывай! – прошептала Васта, судорожно вцепившись брату в локоть. – Это ОН!

«Рано еще, до полуночи далеко…» – подумал Лан и вышел в сени. Васта не отпускала его руки.

– Не открывай!!!

В дверь опять постучали. Удары гулко отдавались во всем доме.

Лан взял свободной рукой разрядник, всегда висевший на крайнем крючке вешалки, и громко спросил:

– Кто там?

Снаружи донеслось:

– Лан! Открой! Это мы – Ари и Веселый. Открой, пожалуйста!

Васта вздрогнула и крепко сжала брату ладонь: Ари был ее женихом.

– Что вы, черт возьми, делаете во дворе в такой час?

– Лан, у нас в спальне кто-то окно вышиб. В дом теперь может влезть кто угодно. Открой, пожалуйста! Нам негде укрыться. Эй, слышишь?

Лан колебался.

– Почем мне знать, вы это или только притворяетесь?

– Лан, прошу тебя, мы уже десять минут торчим на улице беззащитные…

– Ари, – перебила Васта, – скажи, как ты меня называешь? Только ты? Как?

Из-за двери сразу же послышалось:

– Шао!

– Это он! – сказала Васта брату. – Никто не может этого знать.

Лан отступил и отодвинул тяжелый засов. В сени поспешно ввалились двое – Ари и его закадычный дружок, имени которого никто не помнил. Звали его просто «Веселый».

В открытую дверь на миг заглянул желтый кругляш полной луны. Лан защелкал замками.

– Черти бы вас побрали! Шляетесь в такое время… – проворчал он, вешая разрядник на место.

Веселый сегодня выглядел не особенно веселым. Ари перестал обниматься с Вастой и повернулся к Лану.

– По-правде говоря, дом у нас в полном порядке, Лан. Просто я придумал, как изловить это отродье, – сказал он.

Лан покачал головой:

– Ты идиот, Ари. Я бы ни за что не вышел на улицу в потемках.

– Надо же что-нибудь делать, – пожал плечами Ари и усадил Васту в кресло. Лан вздохнул, вопросительно качнув головой:

– Ну, выкладывай, что ты там придумал.

* * *

Звезды поблекли, темнота расползлась, уступая место рассвету. Бойт дернулся и пришел в себя. Все тело ломило и жгло, словно его долго топтали в кислотной луже.

Он огляделся. Городок виднелся в полумиле слева. Бойт вскочил, превозмогая боль, и побежал туда, торопясь скрыться, пока окончательно не рассвело. Бежал он по знакомому следу – двойной цепочке четких глубоких отпечатков, внушающих подсознательное смутное беспокойство.

Значит, ничего не вышло. Вчерашняя выдумка не остановила его.

На околице Бойт свернул со следа и задами пробрался к своему дому. Дверь болталась на легком ветру, распахнутая настежь. Он вошел в комнату и уставился на груду битого кирпича вперемешку со штукатуркой.

Вчера он снял люстру, привязал к крюку в потолке крепкую капроновую веревку с петлей на конце. Еще одной веревкой обвязал массивную чугунную печь. Около полуночи встал на табурет, одну петлю захлестнул на ногах, другую на запястьях. Завалился набок, взвыв от боли в вывернутых плечах, и повис, растянутый между потолком и печью, абсолютно беспомощный. Это было вчера вечером. Больше он ничего не помнил.

Бойт угрюмо поднял глаза. Крюк был вырван с мясом. На потолке остался безобразный кратер метрового диаметра. Сам крюк с креплением валялся посреди комнаты. Шнур, привязанный к печи, был просто оборван и пестрой змеей свился в углу.

Бойт судорожно сглотнул и обессиленно повалился на кровать. Боль медленно отступала. «А ведь сегодня нужно еще что-нибудь придумать», – мелькнула вялая мысль.

Армидейл тем временем оживал. Вот хлопнули отворяемые ставни, вот показалось помятое, тронутое ночным страхом и бессонницей, лицо.

Спустя час Бойт встал и начал собираться на работу. Работал он единственным продавцом в крошечном магазинчике и обычно целый день механически принимал деньги, отпускал покупки, а сам думал все время о своем.

Бойт запер дом и побрел вверх по улочке к магазину. Сегодня должен был заявится хозяин и привезти партию товаров, ну и, разумеется, устроить Бойту обычный разнос, после которого все пойдет как прежде.

Жители Армидейла торопливо кивали друг другу и спешили поскорее разойтись. Бойт вел себя точно так же.

У дома Ридли Ньюмена стояла группа прохожих. С двух сторон дом был основательно разворочен – стены рухнули и развалились по кирпичику, крыша перекосилась и просела почти до земли. С чердака только что сняли насмерть перепуганного сына Ридли; самого хозяина и его жены нигде не было видно. И следы, следы, знакомые жуткие следы кругом… Бойт вздрогнул и быстро зашагал прочь.

* * *

Лан вернулся через час. Ари и Веселый побросали лопаты и выбрались наверх.

– На этот раз Ридли Ньюмен с женой, – глухо сообщил Лан. – Вдребезги, в пыль…

– А мальчишка? – спросила Васта. Она стояла в дверях, опираясь ладонью о косяк, и смотрела на Лана.

– Живой, но, похоже, лишился рассудка.

Ари скрипнул зубами и прыгнул в яму, на лету подхватив лопату.

– Давайте! Времени не так много.

Втроем дело у них пошло споро. Яма быстро углублялась.

Около двух Васта заявила, что всем давно пора передохнуть и подкрепиться. Сели за стол. Васта до сих пор слабо представляла себе, что же задумали парни.

– У меня такое впечатление, – объяснял ей Ари и одновременно рассуждал вслух, – что оборотень двигается не быстрее нас. Все его жертвы и не пытались бежать – они погибли,

парализованные страхом. Обычно он нападает на не слишком прочные дома и ломает их. Дверь, окно, и все – обыватель уже вопит от страха. Кто попадается во дворе – рвет на части или давит, словно грузовик. Вспомните первые убийства – след оборотня везде был коротким. Это значит, что догонять жертву ему не приходилось. А вот Веселый месяц назад попался ему на дороге, но удрал. Побежал и оторвался уже через минуту.

– Ты видел оборотня? – изумился Лан.

Веселый угрюмо кивнул.

– Да.

Васта схватилась за виски:

– Господи…

Лан чужим голосом спросил:

– И… какой он?

Веселый помедлил и сказал с интонациями пророка:

– Я не хочу никого пугать. Но если мы его не перехитрим, он убьет нас всех.

Все притихли. Потом Ари завершил:

– В общем, Васта, хоть оборотень и становится гораздо сильнее в ночном обличье, в скорости он вовсе не прибавляет. Мы хотим замаскировать нашу яму, заманить его туда и убить.

Васта покачала головой:

– Неужели это так просто?

Ари встал.

– Нет. Но мы попытаемся. Если не трусить и все рассчитать… – он обратился к Лану, – пошли! Лучше, чтобы яму никто не видел.

Вскоре западня была готова. Ари обозначил ее границы неприметными вешками.

Двор Лана с улицы почти не просматривался: высокая живая изгородь ощетинилась короткими шипами и сплошной пеленой мелких зеленых листьев образовывала настоящую стену. Яму выкопали посреди двора; дальнюю ее сторону прикрывал дом; ближнюю – изгородь. Справа был крепкий каменный сарай, слева – дорожка от калитки к дому.

Веселый влез на столб у калитки и прикручивал проволокой мощный прожектор. Ари и так и эдак приглядывался к западне, доводя маскировку до совершенства. Лан за домом разбрасывал вынутую землю, потом ему стал помогать Веселый. Скоро участок стал выглядеть просто вскопанным.

Только после этого они собрались в доме. Васта привычно проверила запоры на окнах.

Вечерело. На голубом еще небе отчетливо виднелся бледный диск полной луны.

Васта взглянула на Веселого и без выражения спросила:

– Думаешь, твой прожектор поможет?

Тот неопределенно пожал плечами:

– Все же лучше, чем столкнуться с ним при свете одной лишь луны.

– Так он вам туда и свалится.

Веселый только усмехнулся.

Смеркалось быстро. Васта хотела уже закрыть ставни, но Лан ее остановил.

– Иди-ка ты в свою комнату, сестра, запрись и постарайся уснуть. Ты нам будешь только мешать, – голос у брата был непривычно ломкий. Васта просто не смогла не подчиниться, хотя перспектива остаться в одиночестве в темной комнате отнюдь не радовала ее. Ари обнял ее и отвел в спальню. Ключ дважды провернулся в замке.

И они стали ждать. Часы пробили десять, потом одиннадцать. За окнами было тихо, только шелестела листва на ветру. Прожектор на столбе ярко освещал двор и часть улицы, и от этого липкий полумрак за пределами светлого круга казался еще более зловещим и непроницаемым.

В полночь они открыли дверь, застыли на крыльце.

Армидейл глядел в ночь редкими огоньками. Темные туши домов выстроились вдоль едва освещенных фонарями улиц. Гнетущий лунный свет скупо разливался вокруг.

– Черт побери! – прошептал Ари. – Поди угадай, откуда он явится!

Веселый на ватных ногах проковылял по дорожке и вышел на улицу. Постоял посреди пустынной дороги – нелепый, жалкий и одинокий. Крикнул срывающимся голосом:

– Эй! Где ты? Иди сюда!

Лан ткнулся в плечо Ари:

– Ну почему мы такие беспомощные в этой пелене?

Веселый все переминался с ноги на ногу посреди освещенного пространства, вертел головой – озирался. Так прошло минут двадцать.

Вдруг Веселый подобрался и бочком, бочком юркнул в калитку; взбежал на крыльцо. Лан сжал разрядник, до рези в глазах вглядываясь в обманчивый полумрак. Но ничего не происходило, все осталось так же зыбко, тихо и неподвижно. Веселого трясло. Он прошептал:

– Я больше не могу…

Ари зло сплюнул.

– Так мы ничего не добьемся.

А ночь раскинула крылья, поглотив и Армидейл, и горы, и

полмира, и драгоценным бриллиантом сияла в небе над ними полная луна.

Они вернулись в дом, пытаясь что-нибудь придумать; у двери все время находился кто-то один. Позже к ним присоединилась Васта, издерганная и усталая.

А перед рассветом ночную тишину вспорол отдаленный рев и полный отчаяния и безысходности пронзительный крик. Все четверо мигом оказались на крыльце, напряженно уставившись в темноту; Лан судорожно держался за разрядник, внешне совсем маленький и безобидный. Васта прижалась к Ари.

Оборотень чинил расправу кварталах в пяти от них. Крики оборвались почти сразу, а густой утробный рев еще долго сотрясал теплый июньский воздух. Луна села час назад, там было темно, как в преисподней. Каждый понимал, что бежать на помощь уже поздно.

Потом начало светать, и они заснули, кто где сидел, разбитые и утомленные нервной ночью, забыв даже закрыть дверь.

Лан очнулся, когда часы в комнате пробили пять вечера. Не проснулся, а именно очнулся, ибо то безграничное и бездонное забытье, куда он провалился, сном назвать было трудно.

Ари с Веселым сидели на крыльце, вполголоса переговариваясь, Васта еще спала. Лан с хрустом потянулся и побрел к зеркалу. Заснул и очнулся он с одной и той же мыслью: как приманить оборотня к дому? Не устраивать же вечеринку на крыльце…

Стоп! А почему бы и нет?

Лан круто развернулся и вышел к Ари с Веселым. Те сразу заметили оживление на его лице.

– Ты как будто что-то придумал?

– Кажется, да!

Кого настиг оборотень прошлой ночью, они в тот день так и не узнали. А когда стало темнеть, недоумевающие соседи могли видеть ярко освещенное крыльцо в доме Лана, накрытый на четверых стол и веселящуюся компанию. Далеко окрест разносился звон гитары и сдержанный смех. Среди столовых приборов как бы случайно лежал разрядник.

Веселый последние два часа перед темнотой провел в импровизированной химической лаборатории. Теперь он вертел в ладонях два стеклянных пузырька с вязкой жидкостью цвета серебра.

«Гуляли» почти до утра. Но оборотень так и не появился. Эту ночь его вообще никто не видел и не слышал – первая ночь без жертв. Армидейл не знал, что делать, – вздохнуть свободно или бояться еще сильнее. На дом Лана смотрели с подозрением: не

они ли? Ведь никто не пострадал…

Напрасно ждали его и следующей ночью. Нервы Лана и его сообщников натянулись до предела. Шла последняя ночь полнолуния.

На закате Ари с Веселым решили обойти дом. Просто так, без какого-либо умысла. И на разбросанной два дня назад земле наткнулись на знакомые зловещие следы.

Лан сидел на крыльце и чистил разрядник, на который почему-то очень надеялся. Когда из-за угла пулей вылетел Ари с перекошенным лицом, Лан непроизвольно вздрогнул и вскинул оружие.

– Лан! Он все-таки был здесь! Последние две ночи выжидал за домом!

Потом они все вместе ходили осматривать следы и сломанный забор. Веселый хмурился, Ари все ждал, что же скажет Лан. А тот не спешил.

– Ну что? – не выдержал Ари, – кажется, мы теперь знаем, откуда его ждать!

Лан не ответил. Он тоже об этом подумал. Если оборотень опять придет и решит напасть, значит он выйдет к крыльцу слева, между домом и сараем, и если убегать с крыльца по дорожке, оборотень, преследуя их, неминуемо попадет в западню.

Но сейчас Лана волновало не это. Во-первых, как тварь смогла бесшумно сломать забор и подобраться к дому? Так, что даже они, ждущие и настороженные, ничего не заподозрили? И почему, черт возьми, он две ночи выжидал? Что его удерживало?

Лан терялся в догадках. Все разрешить могла только ночь. Последняя ночь полнолуния.

И она пришла, затянув городок зыбкой неясной пеленой; разбросала по угольному бархату неба колючие светляки далеких звезд и глянула на мир круглым немигающим глазом полной Луны!

Прошла полночь. Шумная компания во дворе Лана на фоне вымершего городка казалась несколько неестественной. Но у них не осталось выбора. Они должны были победить.

Спиной к щели между домом и сараем сидел только Ари. Лан с Веселым не спускали с нее глаз. Васта уже дважды ходила в спальню и украдкой глядела в окно, пытаясь увидеть выжидающего за домом оборотня.

Ветер запутался в листве серебристых тополей, слегка колыхая их стройные кроны, но шелест заглушала музыка.

Васта в третий раз пошла взглянуть в окно. Вот тут-то все и началось.

Оборвалась на полуслове песня, погас на столбе прожектор.

И, кромсая на части ночную тишь, в воздухе завис громкий рев, перекрывая крик, одновременно вырвавшийся из трех мужских глоток. Васта закричала секундой позже.

Оборотень напал совсем не с той стороны, откуда его ожидали. Он проломил ограду соседского двора справа от крыльца и оказался на дорожке, ведущей к воротам. Ни Ари, ни Лан, ни Веселый не успели ничего заметить; сообразили только: «Началось!» Перед глазами плыли цветные пятна. Лан рефлекторно вскинул разрядник и наудачу выпалил. В свете короткой вспышки они увидели массивное приземистое тело в каких-то двух-трех шагах от себя. Лан попал, динамический удар отшвырнул оборотня от ступенек, воздух сотряс новый злобный рев.

Секундой позже опомнилась Васта и метнулась к пускателю аварийного дизеля. В темноте прихожей она зацепилась за кресло, налетела на стеллаж с книгами. На счастье, палец ее угодил прямо на кнопку, и грохот просыпавшихся книг заглушил вой генератора. Над крыльцом как раз вовремя вспыхнула тусклая пыльная лампочка.

Оборотень вновь лез по ступеням, дыра в широком боку быстро затягивалась. В неверном колеблющемся свете он казался огромным, хотя не самом деле был даже ниже малыша Веселого.

Ари опрокинул на тварь сервированный стол и перемахнул через перила. Разрядник Лана плюнул плазмой еще раз, однако оборотень заращивал раны прямо на глазах. Его лишь отбросило к стене дома. Веселый, пригнувшись, пересекал двор. Лан выстрелил еще дважды и швырнул бесполезный разрядник, целясь оборотню в глаза. Ари жался к стене: оборотень загнал его в угол, где крыльцо примыкало к дому, и не подмял до сих пор только потому, что его отвлекал Лан своей стрельбой. Стараясь использовать оставшиеся секунды, Ари попытался вскарабкаться на крыльцо, но оборотень успел сцапать его сзади. Ари подтянулся на руках, перевалился через перила, и, оглянувшись, осознал, что у него больше нет левой ноги. Боли не было – его переполняло только отчаяние и ненависть.

Лан с Веселым подкрались, пока оборотень драл Ари, и обрушили на него тяжеленную дубовую колодину. Тот развернулся, мотнул могучей лапой – Лана отбросило через весь двор к калитке. Веселый увернулся и бросился наутек. Оборотень рыкнул и в два скачка нагнал его. Веселый вдруг споткнулся и упал.

В этой суматохе никто не заметил, как Васта выпрыгнула в боковое окно и скользнула за сарай, к задней двери.

Лан у калитки пытался подняться, но не мог – все время

падал. Веселый еще раз увернулся от страшной лапы и, наконец, вскочил. Оборотень приготовился на него ринуться, однако не успел.

Из сарая с пронзительным воплем, от которого вздрогнул даже оборотень, показалась Васта. Ее светлая фигурка явственно выделялась на фоне темной стены.

– Сюда! Иди сюда, тварь!

На секунду их взгляды встретились. Оборотень замер, повернувшись к ней. А потом стал медленно приближаться.

Веселый метнулся на крыльцо, где выронил свои пузырьки. Их подал ему Ари.

С громким хрустом настил над ямой проломился, оборотень, тяжело осев на левый бок, провалился в западню. Лапы скользнули по краю ямы, но зацепиться было не за что. Оборотень попался.

Над городком раскатился злобный, но бессильный уже рев. Веселый, став на краю западни, с силой метнул вниз оба пузырька. Они с легким хлопком разлетелись на мелкие стеклянные брызги от удара о закаленную сталь. Над ямой сразу же заклубился густой белесый дым.

Васта охнула и опустилась на землю у стены сарая, Лан чертыхался и умолял помочь ему подняться. Ари молча наблюдал с крыльца за развязкой. Веселый первым делом сходил к электрощиту, а Вастой занялся, только когда вспыхнули прожектор, свет в доме и совершенно не к месту заиграла музыка.

А оборотень тем временем быстро ржавел в западне.

Веселый больше не спешил. Отвел слегка пришедшую в себя Васту в дом, взял отвертку и щуп, кое-как вогнал в пристойный режим сплющенный гирофиз Лана, а потом они уже вдвоем осмотрели Ари. Сам он не пострадал, а вот оторванная нога, помятая и погнутая оборотнем, годилась разве что в утиль. Пришлось усадить Ари в кресло и совсем отмонтировать ему бесполезный обрубок – новую ногу ему прикрепят днем, в мастерской Бена.

Только после этого Лан с Веселым подошли к яме. Оборотень, рыжий от ржавчины, неподвижно валялся на дне. Лан втянул в голову в плечи.

– Дьявольщина! Вот он уже и не опасен, а все равно жутко, правда?

Веселый кивнул.

– Что у тебя было в бутылочках? Какой-то катализатор?

– Угу, – нехотя промычал Веселый. – Рапид-окислитель.

Они собрались было отойти, но тут оборотень всхрапнул, дернулся, могучие лапы вдруг с ужасающим скрежетом

разложились на восемь сегментов, шипастые гусеницы обвисли, ковш впереди стал стремительно выгибаться, принимая очертания передней панели обычной серийной модели. С хрустом становились на места сочленения, перемонтировались отдельные узлы, и через несколько минут на дне ловушки лежал такой же робот, как и Лан с Веселым, только насквозь проржавевший.

– Бойт! – узнал его Веселый. – Подумать только, Бойт! Этот жалкий продавец, тихоня и неудачник!

– Да-а… – протянул Лан. – Так и запишем: серийный кибер-продавец 2A-JR, образца 7226 года, бульдозер-роборотень.

Васта собирала на крыльце разбросанный сервиз – разрисованные цветочками мини-аккумуляторы.

– Васта! – окликнул ее Лан. – Знаешь, кто это? Бойт, продавец из магазина.

Но Васта только тихонько всхлипывала.

© Апрель 1990

Григорьевка

Садовая, 7

– Следующая – Садовая, – невнятно объявил водитель, и Саня стал неторопливо пробираться к выходу. Автобус, утробно урча, катил по шершавому асфальту. За окном мелькали дома и деревья.

Он вышел на остановке и свернул за угол.

– Садовая, 11, – шевеля губами, прочел он.

Ему нужна была Садовая, 5. Сообразив, в какую сторону идти, Саня, посвистывая, зашагал по тротуару. Движения по улице почти не было, хотя дорога широченная, да и люди встречались редко. Саня долго брел мимо длинного невысокого забора, за которым угадывался старый безжизненный стадион. Потом, без какого-либо намека на щель или проход, сразу начался дом. На дальнем углу виднелась квадратная белая табличка: «Садовая, 7», рядом распахнулись пыльные зеленые ворота – очевидно, вход во двор.

Саня лениво скользнул по номеру дома взглядом и почти сразу увидел на асфальте под ногами ключи. Их было три, на блестящем серебристом кольце; ни цепочки, ни брелока – только сами ключи, хотя обычно все стремятся повесить с ключами что-нибудь эдакое.

Саня остановился. Прохожих вблизи не наблюдалось. Он подобрал ключи и еще раз огляделся. Обычно в таких случаях находку кладут на какое-нибудь видное место.

– Ага! – нашелся Саня. На уровне груди вдоль стены дома тянулся узенький, в ладонь, карниз. Здесь, прямо под табличкой «Садовая, 7», ключи наверняка заметят – если будут искать, конечно.

Саня шагнул к дому, уже поднимая руку с ключами. И тут же столкнулся нос к носу с невесть откуда вынырнувшим парнем лет двадцати.

– Гм, – удивился Саня, невольно попятившись. Парень, увидев Саню, притормозил и теперь стоял между ним и стеной дома.

От ворот во двор их отделяло метров семь, не меньше. Так быстро преодолеть их было невозможно. Он либо выпрыгнул из окна, либо возник из нечего прямо на месте.

Чудеса продолжались – рядом с парнем появилась девушка. Появилась в движении, словно прошла сквозь стену дома. При виде Сани она недовольно поморщилась и взяла своего компаньона за руку. Тот мельком глянул на нее и опять уставился на Саню.

Саня молчал. Он как-то не привык, чтобы перед глазами

неведомо откуда возникали люди. Потом сама собой вырвалась фраза:

– Вы что-то ищете?

Незнакомец обрадовался.

– Да! Я, кажется, потерял ключи.

Саня смутился – он ожидал, что они ищут некое место – дом или, скажем, учреждение по вполне определенному адресу, – и наконец сообразил, что ключи зажаты у него в правой руке.

– Эти?

– Эти! – еще больше обрадовался незнакомец. – Вот спасибо!

Он аккуратно взял ключи у Сани с ладони и пробормотал казенным до невозможности голосом:

– До свидания! Извините за беспокойство…

Пара развернулась и разом шагнула к стене дома. На втором шаге они исчезли, при этом девушка, обернувшись, помахала Сане рукой. Вновь возникло впечатление, будто они прошли сквозь стену.

Приблизившись к табличке «Садовая, 7», Саня осторожно протянул руку к стене.

Стены не было! Рука свободно прошла сквозь видимое препятствие, не встретив никакого сопротивления. Саня дернулся назад, с сомнением оглядывая руку. Рука как рука, никаких следов пребывания в стене.

Он решился и храбро шагнул вперед. Рефлексы сработали безотказно: локоть тотчас поднялся, готовый встретить преграду, но ничего не встретил. Вместо того, чтобы плашмя приникнуть к стене дома, Саня свободно прошел сквозь нее – стена осталась теперь за спиной. Он готов был поклясться, что шагнул прямо!

Перед ним расстелилась все та же Садовая улица. Саня озадаченно хмыкнул и обернулся к стенке. Опять протянул руку и вновь не встретил преграды. Тогда он слегка наклонился вперед. В момент, когда он уже приготовится упереться лбом в шероховатый камень, настала темнота, на короткий неуловимый миг, а после перед глазами, распахнулась Садовая улица. Саня машинально остановился. Со стороны зрелище выглядело на редкость забавно – Санина голова торчала прямо из стены! Чисто тебе «Deep Purple in Rock»!

Значит, за этой псевдостеной тоже Садовая улица… Подмигнув красному «Москвичу», припаркованному на противоположной стороне, Саня подался назад и оглянулся. Здесь все было так же, только «Москвича» не оказалось.

Некоторое время Саня нерешительно поглядывал по сторонам. Параллельные миры, конечно, и все такое. Невнятно и неубедительно… Поскольку он пришел с той стороны, донельзя

интересно поглядеть, что же с этой? И в то же время страшновато: а вдруг ход закроется и назад уже не попадешь?

Протянув руку и убедившись, что ход на месте, Саня наконец решился. Стараясь ступать тверже и дышать не так часто, он направился вдоль по тротуару. Эта улица ничем не отличалась от той, откуда он пришел. Сколько ни искал Саня расхождений, ничего не обнаружил. Так потихоньку он дошел до угла и вот тут ошарашенно остановился.

За углом полагалось быть улице Скороходова. Ничего похожего на нее здесь не наблюдалось: открывшуюся глазу поперечную улицу Саня никогда прежде не видел. Машинально свернув на нее, он прошел несколько шагов и, задрав голову, прочитал на указателе: «Садовая, 24».

– Вот те на! – растерялся Саня. – Еще одна Садовая?

Рядом виднелась аккуратная надпись мелом: «В Москву туда →» Нарисованная стрелка указывала – куда.

Саня заинтригованно посмотрел в ту сторону – улица пересекалась еще двумя и в конце концов упиралась в приземистый двухэтажный дом.

Саня быстро зашагал вперед и вскоре достиг следующего перекрестка. Новая улица тоже оказалась совершенно чужой. И как ни странно, это тоже была Садовая. Более того. То же название носила и следующая улица, параллельная той, что вела «в Москву». Саня прошел еще квартал и вышел, как ожидал, на «свою» Садовую, хорошо знакомую, только еще перед стадионом. Дом номер семь теперь остался справа и в минуте ходьбы.

Подумав, Саня двинулся по своей Садовой в противоположную сторону, удаляясь от хода. Улица ничем не отличалась от той, к которой привык Саня, только все пересекающие ее были совсем незнакомыми и назывались одинаково – Садовыми…

Так Саня добрался до конца своей Садовой – до бывшего адмиралтейства, стоящего чуть наискосок. Отсюда начиналась еще одна Садовая – и эта что-то напомнила Сане. Пройдя по ней всего несколько шагов и увидев вывеску «Сделай сам», первую из многих, Саня узнал эту улицу.

Точно такая же была в Одессе – и называлась она действительно Садовой. Только здесь вместо Дерибасовской она стыковалась с Садовой улицей города Николаева.

Саня начал кое-что понимать. Похоже, этот город состоял только из Садовых улиц, собранных из разных городов и каким-то непостижимым образом скомпонованных в одно целое.

Он остановился. Было отчего почесать голову.

До сих пор Саня не встретил здесь ни единой живой души, и

тут из дома чуть впереди, где находился фотосалон в стиле ретро, кто-то вышел. Саня окликнул человека и бегом кинулся к нему. Приблизившись, отметил две детали: там, где тот появился никакой двери не было, а на стене зато висела табличка: «Садовая, 7».

Саня поздоровался с незнакомцем – мужчиной лет пятидесяти. Тот с прищуром оглядел Саню, оценивающе так, а вместо приветствия задал вопрос:

– Первый раз здесь?

Саня кивнул. Мужчина вдруг сразу подобрел и улыбнулся – совсем по-детски, лукаво и беззащитно.

– Ну, здравствуй. Можешь звать меня дядей Васей. А ты кто?

– Я? Саня, – ответил Саня нерешительно.

– Сколько же тебе лет?

– Четырнадцать… – на всякий случай Саня накинул год.

– И откуда, из какого города?

– Из Николаева.

– Ясно, – вздохнул дядя Вася. – Ну что, понял уже, где оказался?

– Не совсем, – мотнул головой Саня. – Тут все улицы почему-то Садовые!

– Правильно, – кивнул дядя Вася. – Это Город Садовых Улиц. Он есть, и в то же время его как бы нигде на Земле нет. Не спрашивай почему, это трудно понять. Это даже и не нужно понимать, надо просто принять и запомнить. В каждом городе – или почти в каждом – есть улица Садовая. Или переулок Садовый. Или Садовый спуск, или проезд, или еще что-нибудь. Так вот, все эти улицы, проезды и спуски как-то связаны между собой. Как – я не знаю. Результат этой связи – вот этот самый город. В каждом обычном городе есть выход сюда, один-единственный, запомни хорошенько, это – Садовая, 7. Вход и выход одновременно. В любом городе, точно под табличкой «Садовая, 7» можешь смело идти – и попадешь в этот Город. И наоборот, на любой улице Города шагай опять же под табличку «Садовая, 7» и попадешь в настоящий город, которому принадлежит эта улица. Только под табличкой «Садовая, 7» и нигде больше. Запомнил?

– А если на улице Садовой только шесть домов? Или даже меньше? Как тогда?

Дядя Вася улыбнулся.

– Сначала мы думали, что попасть туда невозможно. Но потом один мечтатель из Киева, где Садовая заканчивается на пятом номере, нарисовал прямо на стене дом с табличкой «Садовая, 7». Мелом. И, представь, ход заработал! Правда, приходится часто обновлять рисунок. Стирается. Да и дожди

смывают.

Саня кивнул.

– И еще одно. Любому новичку, всем, кто здесь впервые, ты должен рассказать все это. Как я тебе. Запомнил? Ну, до свидания, – дядя Вася повернулся, чтобы идти.

– Постойте! – окликнул его Саня. – Я не понял одного – что со всем этим делать?

– Как что? Путешествуй! Из города в город. Без затрат времени. Это же здорово – из города в город, когда захочешь! – мужчина остановился, внимательно глядя на Саню. – Мы все здесь бродяги, другие сюда просто не попадают. Тебя это быстро захватит. Целиком. И навечно.

И ушел.

Саня потоптался еще немного и тоже двинулся дальше. Свернув на очередную Садовую, он недоуменно отпрянул: на одесской улице сияло солнце в голубом до умопомрачения небе, а здесь, за невидимой границей, низко нависли темные свинцовые тучи и вовсю хлестал веселый летний ливень.

Саня покачал головой. Наверное, в том городе, откуда эта улица, тоже ненастье.

– Чудеса! – прошептал Саня. Слова утонули в шелесте дождя.

Побродив по городу с полчаса, Саня без всякой задней мысли наткнулся на указатель «Садовая, 7». До сих пор он как-то не задумывался всерьез о возможности попасть в любой город, где есть Садовая. А теперь вспомнил, что седьмой номер – это вход. И выход. Точно под табличкой.

Сунув для храбрости руки в карманы, он, не без внутренней опаски наткнуться на стену, шагнул под белую табличку.

И оказался точно на такой же улице, только спиной к дому. Мимо изредка проезжали машины, проходили люди. Его появления, похоже, никто не заметил.

«Что это за город, интересно? – подумал Саня. – И спрашивать неудобно, за сумасшедшего примут…»

Он оглянулся, запоминая место, и двинулся в путь.

По характеру Саня и впрямь был натуральным бродягой. На месте ему, как правило, не сиделось, каникулы он проводил вдали от дома, иногда путешествуя с отцом, таким же непоседой, иногда с братом, иной раз – с друзьями. Родители привыкли к частым отлучкам, и Саня колесил по городам, особенно предпочитая пешие походы по незнакомым улицам. Горожанин до мозга костей, он искренне считал, что даже в чужом городе заблудиться невозможно, и действительно всегда находил дорогу, ведомый каким-то непонятным инстинктом. В свои четырнадцать лет видел он еще не особенно много, но десятка полтора-два

городов успел объехать и более-менее освоиться в них. Поэтому теперь, когда он на деле проверил чудесные свойства Города, Саня понял, как несказанно ему повезло. Отныне он сможет бродить по любым городам в любое время, а не только в каникулы, и для этого совершенно не обязательно куда-то ездить. Город развязывал ему руки и давал неслыханную свободу.

Все это Саня осознал в ближайшие два часа, хотя до конца поверить долго не мог. Первый его город, место пробного путешествия, оказался Новой Каховкой. Побродив по незнакомым улицам, Саня получил море удовольствия – так уж он был устроен.

А потом он вернулся на Садовую и проник в Город Садовых Улиц. Пришло время возвращаться домой, в Николаев.

На следующий день, едва досидев до конца шестого урока, Саня кинулся на Садовую. Вчерашнее казалось либо сном, либо бредом, но ход под указателем «Садовая, 7» послушно пропустил его в Город. И вновь он выбрал незнакомую улицу, и вновь остаток дня бродил, на этот раз по Пензе, и вернулся только под вечер. На третий, день он взял с собой брата, и вдвоем они побывали в Волгограде. Там была не улица Садовая, а станция. Почему станция они не стали разбираться: ход на автобусной остановке под цифрой 7 работал не хуже, чем другие.

На восьмой день Саня встретил пару, из-за которой все началось. Обычно Город пустовал, люди не попадались навстречу, он служил чем-то вроде пересадочной станции – из города в город. Реальными здесь были только улицы: дороги и тротуары, а дома – одной лишь видимостью, попасть в них было невозможно. Встречи на улицах Города оставались редкостью, и Саня обрадовался возможности пополнить запас знаний и впечатлений.

Парень с девушкой Саню узнали и заулыбались.

– Значит, пошел-таки за нами? – сказал парень. – Я так и думал. Ну, давай знакомиться. Меня зовут Олег, а это Вика. Мы из Питера.

– А я из Николаева. Саней зовут…

– Тебе уже рассказали обо всем?

– Да, только я не все понял. А вы давно знаете о Городе?

Олег с Викой переглянулись.

– Года четыре, а что?

– У меня уйма вопросов возникла… Например, сколько здесь улиц?

– Не знаю, – пожал плечами Олег. – Но Город большой, даже очень большой.

– А что находится за его пределами?

– По-моему, ничего. Понимаешь, как все хитро устроено –

Город почти круглый по форме. И окружает его московское Садовое кольцо. Выйти за его пределы уже нельзя: все, что за ним – такая же нереальная штука, как, например, дома. Видеть видишь, а внутрь не попадешь. Как на стену натыкаешься.

Говорили они на ходу, переходя с одной Садовой на другую. Саня поперхнулся на очередном вопросе, увидев над магазином вывеску, написанную латинским шрифтом. Улица, по которой они шли в этот момент, называлась «Ogrodowa».

Видя недоумение спутника, Олег объяснил:

– Не то чехи, не то поляки. У них ведь тоже есть Садовые. Да и не только у них! В той стороне, – он махнул рукой на одну из поперечных улиц, – я на Garden street наткнулся… По-моему, это англичане.

– Занятно тут у вас! – вздохнул Саня.

Потом питерцы ушли, а Саня поспешил домой: день уже клонился к вечеру.

Постепенно он привык к Городу, хотя предутренняя тьма на улицах дальневосточных городов и одновременный закат на европейских еще долго рождали в нем какой-то смутный восторг. И еще он часто вспоминал слова пожилого одессита – первого человека, встреченного им в городе: «Это захватит тебя целиком. Навечно».

Это и правда захватило Саню целиком. Но не навечно.

В один из дней, освободившись, Саня, как всегда, поспешил на Садовую. Людей сегодня на улицах было почему-то больше обычного, и он с неудовольствием подумал, что придется выжидать у входа, пока никого не окажется вблизи и в Город можно будет проникнуть незаметно.

Еще издали он увидел, что прямо у входа в Город двое мужчин в грязных спецовках возятся на приставной лестнице, что-то делая с табличкой.

Саня подошел поближе.

Они прилаживали к дому табличку со словами «ул. Агве Котоко, 7».

Саня остолбенел.

– Что это? – недоуменно спросил он. – Какой еще Котоко? Это же Садовая!

Один из рабочих ухмыльнулся:

– Была Садовая! Переименовали, значить! Теперь этого самого Котоко улица.

– Зачем переименовали? – разозлился Саня. – Кто он, этот Котоко? Так нельзя! Это Садовая!

Рабочий назидательно поднял палец:

– Раз переименовали – значить, надо! Ишь, ты – зачем! А

зачем Набережные Челны два раза переименовывали? Положено, значить!

Рабочие спустились и, взвалив лестницу на плечи, двинулись к следующему дому.

Саня тупо смотрел на новенькую табличку. «Улица Агве Котоко, 7».

«Все, – горько подумал он. – Конец всему. Станет в Городе на улицу меньше…»

Он повернулся, чтобы уйти.

«А может, не станет? Может, не в названии дело, а в улице?»

Пытаясь убедить себя, что это по прежнему Садовая, он торопливо шагнул под табличку, не зная еще, что его встретит – распахнутый вход или холодный камень стены.

© Ноябрь 1988

Николаев

Забытая дорога
История византийских перстней

Ромка даже не подозревал, как отреагирует институтский друг Владислав Багдасаров на его неожиданную находку. Багдасаров был лет на пять старше Ромки и в институт поступил уже после службы в армии. Слыл он парнем серьезным, бесспорно – умным, но несколько замкнутым. Впрочем, он никому ни в чем не отказывал, но никогда и не делал и не говорил больше, чем требовалось. Со своим курсом у него сложились корректно-вежливые отношения; Ромка с Багдасаровым здоровался и на этом их знакомство исчерпывалось.

Жил Багдасаров в общежитии, и Ромка, коренной киевлянин и вчерашний школяр, несколько неуютно почувствовал себя у входа в этот особый, ни с чем не сравнимый уголок студенческого быта. Наконец, он вздохнул, решительно нагнул голову и вошел внутрь. Вскоре ему подсказали, что Багдасаров живет в восемьдесят восьмой комнате. Миновав восемьдесят седьмую, Ромка остановился, ожидая увидеть на очередной двери две восьмерки.

Восьмерок оказалось восемь. Две, ниже – четыре в ряд, и в самом низу опять две. Над этой кавалькадой восьмерок красовались два цветных снимка из «World Soccer»: Сократес, стоящий на коленях и воздевший руки к небу, и сосредоточенно глядящий куда-то влево Брайан Робсон. Насколько Ромка знал, оба эти футболиста играли под восьмыми номерами, Сократес – за Бразилию, Робсон – за Англию.

Ромка усмехнулся. Видать, цифру «8» здесь уважали.

Он осторожно постучался.

– Открыто! – рявкнули изнутри.

Ромка вошел. Багдасаров возлежал на койке, задрав ноги на пошарпанную спинку; за столом, покрытым бордовой скатертью, сидел его закадычный дружок Дима Федоренко, который сортировал пожелтевшие от времени газеты, аккуратно раскладывая их на три стопки. Багдасаров грыз яблоко и созерцал свои кроссовки, покоящиеся на спинке кровати.

– А, Ромка, – удивился он и сел. – Заходи.

Ромка шагнул через порог и огляделся. Все стены пестрели плакатами и постерами из журналов: футболисты, кадры из фантастических фильмов, рок-группы – все это придавало комнате богемно-многозначительный вид. За дверью притихли два спортивных велосипеда, рядом с лампочкой с потолка в

специально сплетенной сетке свешивался дорогой футбольный мяч, на стене, в щели между атакующим Ван Бастеном и группой «Grand Funk Railroad», тускло отблескивала электрогитара, разрисованная крестами, иероглифами и самурайскими мечами. И книги, книги везде – на подоконнике, на столе, на полу – кипы, целые Эвересты книг. Корешок толстенного, обернутого хрустящей белой бумагой фолианта являл миру жирную надпись: «ДМБ-87».

Ромка печально заулыбался: «Весело живут! Не то что я – как мышь в аптеке, это не тронь, сюда не сядь, и не дай бог забудешь где-нибудь свет погасить! Хорошо, хоть свою комнату удалось отвоевать. Но какой кровью!»

Вздохнув, Ромка наконец поздоровался:

– Привет, граждане!

Дима, не отрываясь от газет, буркнул нечто приличествующее моменту, Багдасаров кивнул и осведомился:

– Там у нас на кухне супчик греется… Участвуешь?

Ромка замотал головой и подумал, что жизнь под маминым крылышком все же имеет и свои преимущества.

– Я, Славик, собственно, вот чего. Помнишь, я у тебя видел два перстня? Ну, такие, с неограненными камнями?

Багдасаров резко обернулся к нему, и на лице его Ромка уловил напряженнейшее внимание. Дима вздрогнул и тоже обернулся, оставив свои газеты. Ромка заторопился, сунул руку в карман и протянул вперед.

– Вот!

На ладони лежал потемневший от времени перстень. Обруч его был очень широк, даже шире камня. Сам камень бугрился едва обработанной поверхностью и поражал глаз странной асимметрией. До сих пор Ромка не видел несимметричных камней, вернее, до тех пор, пока не увидел два таких же перстня у Славки. Произошло это месяца два назад. Присмотревшись, легко было заметить, что обруч у перстня даже не цилиндрический, а слегка конический; отверстие для пальца по диаметру совпадало с обеих сторон, но внешний обвод обруча с одной стороны был устроен так, что мог подойти и прочно состыковаться с другой стороной еще одного перстня. Внутри на обруче виднелся выгравированный знак, замысловатый и непонятный.

Багдасаров трепетно взял перстень, оглядел его со всех сторон, словно хрупкую вазу эпохи Мин, на секунду задержав взгляд на знаке, и повернулся к Диме.

– Седьмой…

Еще с минуту он вертел в руках Ромкину находку, возбужденно блестя глазами.

– Где ты его взял? – спросил он, не отрываясь от перстня.

Ромка торжественно начал:

– А вот это – сплошной анекдот. Вчера случайно заглянул в кабинет отца, словарь искал, и на столе обнаружил эту штуку. Сразу вспомнил, что видел у тебя такие же. Ты ведь разыскивал их? Везде и у всех спрашивал, так ведь?

Багдасаров кивнул.

– Ну, вот. Дождался я отца, спрашиваю, откуда, мол, у тебя эта вещица? Он засмеялся. Оказывается, сей перстень ему всучили в одной антикварной лавке в Швейцарии.

– Когда? – быстро уточнил Багдасаров.

– Месяц назад.

– А почему твой отец оказался в Швейцарии?

Ромка улыбнулся не без гордости: отец его был достаточно известной личностью.

– Он – журналист-международник. Мотается по всему свету, я его месяцами не вижу, – Ромка секунду помолчал. – Ну, слушайте дальше-то. Зашел он в лавку просто так, из любопытства. А продавец, он же хозяин, как узнал, что посетитель – русский, непременно захотел вручить ему что-нибудь на память. Батя счел неудобным отказаться, тем более, что стоил перстень сущие гроши. Короче, купил, вернулся, принес домой – ума, говорит, не приложу, куда его приспособить. Положил на стол, да так и провалялся перстенек этот, пока я не наткнулся.

Ромка умолк.

– Все? – поинтересовался Багдасаров.

– Вроде бы, да… – неуверенно пожал плечами Ромка.

С минуту все трое безмолвствовали. Ромка ждал, что произойдет дальше, Славка обменивался с Димой быстрыми взглядами.

Первым нарушил молчание Дима.

– По-моему, гора в первый раз сама пришла к Магомету, а не наоборот.

– Подожди, – сказал Багдасаров, поморщившись. – Скажи-ка, Рома, а больше ничего подобного тот швейцарский лавочник твоему отцу не предлагал?

Ромка напрягся.

– Нет! – и вдруг смущенно остановился. – Хотя… Отец, кажется, упоминал какую-то штуковину… Вроде подставки, что ли. И там, кажется, какие-то знаки… А какое это имеет отношение к перстням?

– Где твой отец? – нетерпеливо перебил Багдасаров.

– Дома…

– Телефон есть?

– Есть…

– Бежим!

Они, как угорелые, вырвались из комнаты, ежесекундно подталкивая Ромку. Вихрем пролетев по длинному коридору и едва не сшибив группу весело завизжавших девчонок, они скатились по лестнице, прыгая через две ступеньки, и оказались у телефона. Пожилая, похожая на печального кенгуру вахтерша осуждающе покачала головой, но, видимо, Багдасаров числился у нее на хорошем счету, раз она этим и ограничилась. Багдасаров на ходу бросил: «Мариванна, мы позвоним!» и сразу же схватил трубку. Дима, сложившись пополам, завис на перегородке у стола вахтерши. Та добродушно ворчала. Багдасаров сунул трубку Ромке.

– Ну!

Ромка покорно набрал номер. Отозвался отец. Это Ромку воодушевило, и он, коротко объяснив, что собиратель перстней намеревается что-то у него выяснить, вернул трубку Славе.

– Как? Как отца-то зовут? – шепотом спросил Багдасаров, зажав ладонью микрофон.

Ромка, скорее инстинктивно, чем осознанно, подсказал:

– Андрей Сергеевич…

– Добрый день, Андрей Сергеевич!

Ромка лихорадочно соображал, не напутал ли он чего с этой «подставкой», и, хоть и слышал голос Багдасарова, слова совершенно не воспринимал.

Очнулся он минуты через три. Багдасаров все еще говорил с отцом, Дима полулежал-полувисел на перегородке и напряженно вслушивался.

– И все же, как человек честный, я просто обязан вернуть вам те деньги, которые уплачены за перстень…

Отец что-то заговорил, по-видимому, возражал Багдасарову.

– Ну что же, в таком случае огромное спасибо! Да-да… И если будут результаты, сразу же сообщите через вашего сына. Впрочем, если результатов не будет, все равно сообщите. Да-да… До свидания.

Багдасаров опустил трубку на аппарат и медленно обернулся. Дима выжидающе смотрел на него.

– Это замок. Определенно, – Багдасаров говорил спокойно, но на физиономии его аршинными радостными буквами читалось: «Наконец-то!»

Дима взялся за голову и сел прямо на мраморный пол.

Ромка испуганно попятился.

– Ребята! – жалобно протянул он, чертыхаясь в душе из-за того, что пропустил почти весь телефонный разговор. – Может, вы

все-таки объясните что-нибудь?

Багдасаров, уже было направившийся к выходу, обернулся.

– Рома… – он ненадолго задумался. – Слушай, дружище, давай не сейчас, а? Спасибо тебе большое, но… сейчас я здорово пришиблен, мысли путаются. Приходи завтра. Мы как раз выясним кое-что… Как же замок с седьмым угодили в Швейцарию? Задачка…

Ромку снедало любопытство, но он понял, что от Славки пока действительно ничего путного не добиться. Он вздохнул:

– Значит, завтра?

– Угу…

– А вы куда?

– В архив, дорогуша, в архив, – выскакивая за дверь бросил Багдасаров. Дима уже ждал его на улице.

– Вы хоть комнату-то закрыли, оболтусы? – крикнула вдогонку вахтерша.

Багдасаров остановился, сказал: «А-а, черт!» и быстрыми прыжками понесся вверх по лестнице.

– И суп, суп! – напомнил ему в спину Дима.

Ромка усмехнулся. «Занятные парни! Хорошо, если познакомлюсь с ними поближе…»

– До завтра, – сказал Ромка Диме и зашагал к выходу. Уже на крыльце он обернулся и увидел, как тот за стеклянной дверью помахал ему рукой.

* * *

Однако назавтра Ромке не удалось попасть к Багдасарову – с утра сдавал давно висящую на хвосте лабу, а после двух пар друзей-сыщиков отыскать не удалось. Нигде. Нашел их Ромка лишь спустя три дня, да и то случайно – в институтской столовой. Разговорились, Багдасаров затащил Ромку к себе. Все эти дни Ромка строил самые фантастические теории насчет перстней, заранее зная, что все они ничуть не будут походить на правду.

Багдасаров извлек из недр видавшего виды шкафа стильную коричневую папку и небольшую коробку, похоже – от электробритвы. Водрузил их на стопку книг, возвышающуюся в центре стола, сел. Ромка опустился напротив, оседлав шатучий табурет.

– Небось, сгораешь от любопытства?

Ромка фыркнул: «Еще бы!»

– Тогда слушай. Началась эта детективная история с перстнями, наверное, невероятно давно. Но для меня – всего-

навсего семь лет назад, за год до службы. Как-то раз копался я в семейных бумагах и обнаружил любопытный документ, – Славка вынул из папки несколько пожелтевших листков почтенного возраста. На них змеился рукописный текст на неизвестном Ромке языке и рисунок присутствовал – знакомого вида перстень, – весьма незаурядно выполненный углем.

– Понятно, что меня это заинтересовало. Я расспросил отца, но он почти ничего не знал, сказал только, что это одно из исторических увлечений деда. А дед как раз за неделю до этого уехал лечиться в Феодосию. Я еле дождался его, так как в поисках еще чего-нибудь, имеющего отношение к первому документу обнаружил целый архив и два перстня. Вот эти, – Багдасаров указал на пару перстней в коробке. Они покоились в ячейках, около которых виднелись аккуратно наклеенные бирочки с цифрами. Эти значились под номерами 1 и 4. Кроме того, сейчас были заняты ячейки 2, 5 и 7. Третья и шестая пустовали.

– Второго, пятого и седьмого тогда еще не было, – сказал Багдасаров, коснувшись тремя пальцами, как пианист, соответствующих перстней. – Кстати, три дня назад ты принес вот этот, седьмой. Но вернемся к деду. Вот что он рассказал. Во время войны – а мой дед прошел всю войну, с первого до последнего дня, – служил вместе с ним один парень, историк, Андрей Щелкалов. Как-то так вышло, что с дедом он сдружился: знаешь ведь, как это бывает – котелок один на двоих, ели вместе, спали рядом, одной шинелью укрывались. И носил этот парень на шее перстень – на цепочке. Дед спросил, что это за странная вещь. Выяснилось, что перстень имеет свою собственную биографию. Андрей рассказал все с самого начала, как я тебе пытаюсь.

Багдасаров хлопнул ладонями по столу.

– Придется совершить небольшой экскурс в историю. Приблизительно в 1570 году, во время правления Ивана Грозного, начал действовать русский корсарский флот. Знаешь, что это такое?

Ромка не знал.

– Собственно, это узаконенное пиратство. Или антипиратство, если угодно. Одно государство топит торговые суда другого. На Балтике тогда сложилась весьма напряженная ситуация. Россия рвалась к морю – ей необходимо было торговать. Европейские страны, как могли, противились этому. Тогда Иван Грозный решился на следующий шаг: сделал ряд уступок английским купцам – снизил пошлину, приказал торговать с англичанами по низким, выгодным им ценам и так далее. Понятно, что англичане, по сути дела получившие монополию на торговлю с Россией, крепко ухватились за эту возможность и слетались, а точнее –

сплывались к берегам России, словно мухи на мед. Европу это взбесило, в первую очередь польского короля Сигизмунда-Августа. Он и натравил свой корсарский флот на английские суда. Иван Грозный в ответ сколотил свой флот, с помощью иностранных мореходов и русских корабелов, для защиты англичан. Дрались эти корсары, без сомнения, много, одно море знает, сколько моряков там погибло. На русских судах матросами служил всякий сброд – головорезы со всей Европы, хотя хватало и русских моряков. На одном из таких корсарских кораблей и подвизался пра – пра, не знаю уж, сколько раз «пра-» дед Андрея – Федор Щелкалов. В этом же 1570 году в одной из морских баталий корабль получил серьезные повреждения и затонул немедля. Из экипажа спаслось восемь человек и, видимо, спасли они, помимо собственных жизней, еще нечто, нечто очень важное для царя Ивана. Что именно – ни Андрей Щелкалов, ни дед, ни я так и не выяснили. Но услуга, видать, вышла немалая, потому что царь пожаловал всем восьмерым определенную сумму денег – факт для того времени достаточно необычный – и в память вручил семерым матросам по такому вот перстню, а восьмому, голландцу-штурману – то, что мы условно называем «замком». Так предок Андрея Щелкалова стал обладателем перстня, который впоследствии передавался из поколения в поколение, от отца к сыну, пока не добрался до Андрея. В сорок третьем году Андрей погиб под Курском. Родных у него не оказалось, и перстень оставил себе мой дед. Андрей успел сказать, что все перстни и замок, собранные вместе, имеют какие-то необычные свойства, и дал адрес архива, где могли найтись сведения об остальных перстнях.

Деду повезло больше – он дожил до Победы, и, помня о словах друга, стал искать архив. Оказалось, что его эвакуировали из Москвы куда-то в Сибирь. Добрался до него дед аж в пятьдесят восьмом году, в Новосибирской, области, в Искитиме. И выяснил интереснейшие вещи.

Перстни с замком уходят корнями в глубокую древность. Упоминание о них нашли в византийских документах. Представляешь? Византия! Видишь вот эти знаки внутри? – Багдасаров показал на замысловатые письмена. – Это цифры. Правда с письменностью Византии, то бишь с греческим языком и алфавитом, они не имеют ничего общего, но именно из византийских документов узнали, что это просто цифры, от 1 до 7. Подобных знаков, насколько я сумел установить, ни один народ мира ни ныне, ни в древности не употреблял. По крайней мере, в течение последних трех-пяти тысяч лет. Другими словами, науке они неизвестны. Далее. В тех же документах сказано: «Кто

соберет воедино все перстни, сложит их в ключ и вставит ключ в замок – тот откроет некую «забытую дорогу человечества». Что это за дорога и куда она ведет – не упоминается. Забавно, правда? Я, честно говоря, до сих пор не понял: перстни – это ключ, замок тоже имеется, а вот где дверь? Или что-то вроде нее?

– Постой, – перебил его Ромка. – А почему тот же Иван Грозный не открыл эту дорогу? Ведь у него были под рукой все семь перстней и замок в придачу. Или тот, кто все это царю доставил?

– Ха! Дело-то как раз в том, – объяснил Багдасаров, – что византийские рукописи нашли почти через триста лет после того, как Иван Грозный раздал все матросам. Замок и перстни разбрелись по Европе. Царь просто не знал предназначения ключа и замка, не знал даже, что это вообще ключ и замок.

Багдасаров умолк. Ромка сидел здорово ошарашенный. Такие истории всегда интригуют до крайности, а если ты еще и их участник…

– Вот и начал мой дед искать следы всех перстней, кроме номера четвертого, который уже был у него. Шесть лет спустя дед напал на след второго: Андрей Щелкалов еще до войны сумел установить имена трех матросов, получивших перстни. Кроме Федора Щелкалова, это были Степан Гурьев, крестьянин богатого соликамского купца Аникея Строганова, ставший корсаром, и эстонец из Колывани Леокс Тит, о котором, кроме имени, ничего не было известно. Дед пошел дальше – он узнал имена всех. Всех восьми. Ими оказались: польский сорвиголова Ян Вылчек, почему-то пошедший в русский корсарский флот, хотя биться ему приходилось со своими же соотечественниками-поляками; мореход-датчанин Ганс Гофман; фламандец Клаус Морке и сын крымского татарина и русской девушки Марат Мурзаев, прижившийся в Холмогорах и также посланный в корсары Аникеем Строгановым. Замок получил шкипер – голландец Йохан Ван-Бук. Дед упорно стал раскручивать этот, казалось бы, безнадежный клубок. Он выяснил, что Степан Гурьев скоро попал в опалу к царю и опричнине, бежал и осел где-то в Сибири. Морке и Ван-Бук вскоре вернулись на родину, Вылчек и Тит тоже впали в немилость и вынуждены были перебраться не то в Литву, не то в Польшу. Мурзаев позже несколько раз участвовал в стычках с крымским ханом и, вероятно, обосновался в Крыму, скорее всего, в Кафе – Феодосии. Остался Гофман, о котором не находилось сведений вплоть до шестьдесят четвертого года. Именно тогда дед узнал, что под Витебском есть усадьба, которую местные жители издавна называли «замком Ханса Перстеня». Дед ухватился за эту слабую ниточку, навел справки, и оказалось, что

построил замок некий Ханс Хофман! Примчавшись туда, он разыскал усадьбу, и можешь представить его радость, когда он увидел портрет этого Ханса: на шее у него был изображен этот самый перстень! В замке тогда действовал пионерлагерь. Дед попытался выяснить, куда подевались различные вещи хозяев и где сами хозяева. Оказалось, что Ханс (или Ганс – как больше нравится) построил усадьбу и мирно зажил в ней с 1590-го года. Там же жили и его потомки, вплоть до революции семнадцатого. Куда забросила их судьба после – неизвестно, некоторые предметы обстановки и драгоценности сохранились и были переданы витебскому краеведческому музею. Дед побывал там, и не зря: перстень значился в списке драгоценностей «замка Ханса Перстеня». Однако в выставленной экспозиции его не было. После разговора с сотрудниками и раскопок в резерве перстень все же нашли. Дед каким-то непостижимым образом убедил отдать ему перстень – в те годы вещь немыслимая. Это оказалась первая и последняя его победа. Вообще-то, он увидел еще два перстня – вот эти, второй и пятый, но их вычислил уже я. Перстень Гофмана значился под первым номером. Кстати, когда я наткнулся на первый документ, дед ездил в Феодосию – помнишь? Вернулся невеселым. Это неспроста, он выяснил судьбу перстня Мурзаева. До войны какой-то его потомок жил себе в Феодосии, его помнили из-за перстня, носимого как медальон. Так вот, во время оккупации этот перстень прикарманил один немец-офицер. Видать, он и увез его при отступлении. Это и все, что выяснил дед. А я установил, что обер-лейтенант Курт Фиц не погиб впоследствии, а по окончании войны бежал в Южную Америку. Кстати, его имя, точнее, псевдоним, обнаружилось среди недавно выловленных ИНТЕРПОЛОМ главарей кокаиновой мафии. Кажется, его даже судили.

Но вернемся на пару лет раньше. До восемьдесят четверого года дед ни на шаг не продвинулся в поисках. Двадцать лет он ворошил архивы, но ему не везло. Вдвоем мы копались еще год, тоже безрезультатно. Потом я ушел в армию, досадуя, что целых два года потеряю в своих поисках. Можешь представить мои чувства, когда в первые же дни службы я узнал, что среди новобранцев есть эстонец по имени Леокс Тит! Я сразу же познакомился с ним. Вскоре выяснилось, что у них полдеревни носит фамилию Тит и один из селян владеет перстнем, который, по слухам, подарен его предку царем. Леокс хорошо знает этого человека и даже приходится ему дальним родственником. В результате переписки тот соглашается продать перстень. Так, спустя два года, в мои руки попадает третий экземпляр. Его номер – пятый. Дед, понятно, очень обрадовался, и мы с новой

энергией взялись за поиски. Вскоре я переехал в Киев, поступил в институт. Через год я списался с архивом города Гданьска и получил копию документа – что-то вроде судебного протокола. Вот, смотри, – Багдасаров достал очередную бумагу из папки. – Судили некоего Вылчека, русского корсара и изменника. Несомненно, это был тот самый Ян Вылчек, данцигский шалопай, удравший от правосудия в корсары. Его повесили в 1584 году. Списавшись со специалистами Гданьского института истории, я попросил попытаться выяснить судьбу перстня. И, представь, на их публикацию в каком-то журнале откликнулся один краковский рабочий. Перстень хранился у него, но каким образом попал он к родителям, рабочий не имел ни малейшего представления.

Перстень переправили мне в обмен на обещание сообщить в институт результаты дальнейших поисков. Это оказался перстень номер два. Теперь мы их собрали уже четыре – больше половины! И когда я безнадежно зашел в тупик, являешься ты с седьмым номером, да еще находятся следы замка! Если знакомый твоего отца действительно сумеет разыскать и передать замок, останутся всего два перстня – не так уж много.

Ромка спросил:

– А чей перстень принес я?

Багдасаров кивнул:

– Я тоже задавался этим вопросом. Возможны три варианта: либо это перстень Степана Гурьева, но вряд ли он мог попасть в из Сибири в Швейцарию. Марат Мурзаев тоже, скорее всего, отпадает. Самое вероятное, что это перстень Клауса Морке, фламандца. Улавливаешь? Швейцария не так уж и далеко.

– Значит, остается замок и два перстня?

– Выходит, так…

– И ты надеешься их найти?

– Надеюсь, – твердо сказал Багдасаров.

Ромка мечтательно закрыл глаза.

– То-то обрадуется твой дед, когда узнает, что ты отыскал еще один перстень и напал на след замка!

Багдасаров вздрогнул и тускло взглянул на Ромку.

– Дед умер в прошлом году… – и добавил шепотом, – и завещал мне найти забытую дорогу…

* * *

Прошла еще неделя. Все это время Ромка с нетерпением ждал известий о замке. Теперь он знал, что отец договорился с кем-то из своих женевских знакомых, чтобы тот зашел в ту самую лавку

и узнал насчет замка. Как-то придя вечером домой, Ромка ощутил неясное напряжение: отец был дома, что нехарактерно для столь раннего часа. Ромка кинулся к нему в кабинет.

Отец сидел в кресле и курил, пуская под потолок правильные колечки дыма. А на столе в луче настольной лампы тускло поблескивал необычный предмет. Ромка замер. Предмет формой и размерами напоминал кирпич. Он твердо стоял на ножках, слитых воедино с его корпусом. Подойдя поближе, Ромка рассмотрел, что предмет представляет собой брусок того же дикого необработанного камня, что и в перстнях, только размером побольше. Поверхность его была неровной и тоже едва-едва сглаженной. Брусок искусно вправили в подставку, наружу выступал только прямоугольник верхней грани «кирпича». Сбоку на оправе, вдоль открытой поверхности камня, с равными промежутками виднелись такие же знаки, как и на перстнях, все семь в ряд. А на малых сторонах прямоугольника выделялись неровные выступы с пазами, видимо, для закрепления каких-то предметов. Подставка-оправа была выполнена из того же металла, что и перстни. Вещь казалась очень старой, но нигде не была повреждена; от нее исходило нечто непонятное – внушающая невольное уважение эманация, что ли?

– Вот, – нарушил молчание, отец, – это та самая вещь. Твой друг просил побыстрее переправить ее. Так что дальнейшее в твоих руках. Можешь забирать эту штуковину. И еще вот, – отец встал, неторопливо прошел по комнате и взял со стола конверт из плотной розоватой бумаги. – Здесь кое-какие факты, тоже передашь своему другу.

Ромка восторженно прошептал:

– Замок!

Отец усмехнулся в усы и ненавязчиво поинтересовался:

– А что, твой товарищ – любитель старины? Коллекционер?

– Нет, – замотал головой Ромка. – Он ищет забытую дорогу.

Потом до Ромки дошло, что отцу эти слова ровным счетом ничего не скажут, но объяснять было слишком долго. Он бережно уложил замок в дипломат, сунул туда же конверт и бросился к выходу.

– Это длинная история, па. Я тебе после расскажу, ладно?

– Беги-беги – проворчал отец. – Пинкертон…

В увлечения сына он никогда не вмешивался.

К общежитию Ромка приближался ильфо-петровским «фривольным полугалопом», моля Бога, чтобы Багдасаров оказался дома. Начинало темнеть. Ромка уже собирался нырнуть в вестибюль, когда его окликнули:

– Эй, Рома!

Он оглянулся. От спортплощадки неторопливо и даже как-то вымотано тянулась вереница парней в футболках. Среди них был и Багдасаров. Он шел, чуть поотстав от передних, держа подмышкой пестрый ромбиковый мяч.

Вместо ответа Ромка поднял дипломат и выразительно ткнул в него пальцем. Багдасаров бегом кинулся к нему. Громко дыша, он остановился около Ромки.

– Замок? – с такой отчаянной надеждой спросил он, что Ромка внутренне содрогнулся, представив всю глубину разочарования Багдасарова, если бы замка найти не удалось.

Ромка, довольно улыбнувшись, кивнул. Багдасаров немедленно потащил его в комнату. Ловко забросив мяч в сетку под потолок, он нетерпеливо повернулся к Ромке: «Ну?»

Но Ромка и не думал тянуть: он уже открывал дипломат.

Багдасаров осторожно прикоснулся к «кирпичу» и еще более осторожно взял его в руки.

– Замок, старший… – прошептал он завороженно.

Диму Федоренко он называл «старшим», потому что они родились в один год и один день, но Дима на полтора часа раньше.

Ромка молчал.

– Черт меня побери, это же действительно замок! – уже громче сказал Багдасаров, бережно ставя его на стол, и плюхнулся на кровать.

Ромка вынул из дипломата письмо и протянул ему.

– Тут еще какие-то факты. Он так и сказал: «факты», повторив выражение отца.

Багдасаров живо подскочил и распечатал плотный забугорный конверт. По мере чтения лицо его вытягивалось, отражая безграничное удивление. Прочитав, он медленно протянул письмо Ромке и вновь опустился на кровать. В письме говорилось, что женевский знакомый отца без труда отыскал и антикварную лавку, и упомянутую необычную вещь. Продавец-хозяин, видя, что «замком» интересуются всерьез, заломил за него кругленькую цену, но позже все-таки удалось столковаться на вполне приемлемой сумме. Насчет перстней: их у торговца было два. Один он продал болгарскому туристу еще зимой, второй – русскому, всего с месяц назад, – без сомнения, подразумевался Ромкин отец. На расспросы о болгарине лавочник, совершенно неожиданно дал исчерпывающий ответ: оказалось, они обменялись сувенирами. Болгарин уступил продавцу антикварную книгу, где оставил памятную надпись, свое имя, фамилию и адрес. На вопрос, откуда у него в лавке подобные предметы, торговец дал уклончивый туманный ответ. Насколько

понял знакомый Ромкиного отца, лавочник не брезговал скупкой краденого и эти вещи, вероятно, стащил какой-нибудь воришка. По-крупному торговец не играл, это выяснили точно. Потом все же удалось выудить признание, что замок и оба перстня он перекупил у некоего итальянца, часто посещающего Женеву. Итальянец зовется Пьетро Трускалотти, на момент разговора он в Женеве отсутствовал. Этими «фактами» письмо исчерпывалось.

– Прочел? – спросил Ромку Багдасаров. – Однако знакомые у твоего папани! Хватка, как у Штирлица.

Ромка усмехнулся:

– А я знаю, кто все это раскопал. Ни много ни мало – шеф охраны нашего консульства в Женеве. Профи.

– Н-да, впечатляет. Теперь еще и итальянец какой-то входит в круг, – Багдасаров умолк на некоторое время. – Я так и не понял, каким путем два перстня и замок попали в Швейцарию, а тут, оказывается, еще и Италия…

– Что же ты хочешь, четыреста лет прошло, – пожал плечами Ромка, – сколько раз эти перстни из рук в руки переходили…

– Подожди, – поморщился Багдасаров. – Если перстней было два, то чей же второй? Гурьева или Мурзаева? А? Как ты думаешь?

Ромка осторожно ответил:

– Полагаю, что не Гурьева.

– Точно, – подтвердил Багдасаров. – И я так думаю. Значит, перстень Мурзаева каким-то образом перекочевал из рук немца, из Южной Америки в Швейцарию. Или сначала в Италию? Черт, голова кругом идет!

– А может, он вообще в Южной Америке не бывал?

Багдасаров двинул плечами.

– Может, и так…

Ромка обернулся к столу и несколько секунд глядел на замок.

– Слава, – робко спросил он, – а ты не задумывался, почему замок и два перстня оказались вместе? Они ведь сначала находились достаточно далеко друг от друга. А?

Багдасаров прищурился.

– А ты можешь это объяснить?

Ромка развел руками:

– Может быть, кто-то уже пытался собрать все перстни? Может, кто-то узнал о забытой дороге, о ключе и замке?

– Я тоже об этом подумал, – медленно кивнул Багдасаров. – Это самое вероятное, – он усмехнулся. – Но этому человеку что-то помешало.

Довольно долго они молчали, рассматривая замок. Потом Багдасаров достал коробку с перстнями, открыл ее и положил на

столешницу рядом с замком. Ромка, затаив дыхание, следил за руками Багдасарова. Тот взял один из перстней, внимательно осмотрел сначала его, потом замок.

– Они как-то должны соединяться… – сказал он задумчиво.

Ромка протянул руки:

– Можно?

Багдасаров уступил перстень, с интересом глядя в его сторону.

Ромка взял еще один перстень и аккуратно соединил их оправы – обруч к обручу, камень к камню. Перстни идеально подошли друг к другу: выступы на одной стороне обруча прочно вошли в зацепление с пазами другого. Получилась занятная штуковина – нечто вроде короткой трубочки с двумя состыкованными камнями на внешней грани.

– Вот, – сказал Ромка, – протягивая Багдасарову соединенные перстни. – Я понял, что они должны соединяться, еще когда рассматривал перстень в кабинете отца. Эти пазы явно предназначены для этих шипов, – Ромка мягко указал пальцем на перстни.

– У тебя хорошее пространственное мышление, – одобрительно покачал головой Багдасаров, – кубик Рубика, небось, в секунды складываешь…

Ромка покраснел от удовольствия. У него действительно было завидное геометрическое воображение.

– А дальше-то что?

– А дальше – вот, – повинуясь внезапному озарению, Ромка взял перстни и попытался, перевернув их камнями вниз, состыковать с выступами на торцах каменной полоски замка.

Но у него ничего не вышло. Камень перстня уперся в камень замка раньше, чем соединения на обруче и оправе замка оказались на одном уровне. Неровности камня мешали им состыковаться.

– Как же так? – растерялся Ромка.

– Э-э-э, не спеши, – улыбнулся Багдасаров. – Вот ведь подсказка, – он указал на знаки, выгравированные на подставке замка, – их нужно располагать в строгой последовательности. Это ж ясно, как божий день.

– Правильно! – обрадовался Ромка, взглянув на знаки и убедившись, что он пытался втиснуть седьмой и четвертый перстни на место первого и второго.

– Надо вот так…

Он осторожно взял первый и второй перстни, соединил их и аккуратно состыковал с замком. Камни и не подумали упираться – они подошли друг к другу, каждый выступ нашел свою выемку.

Соединение на обруче крайнего перстня ловко сочленилось с торцовыми креплениями на оправе замка.

– Потом так, – подхватил Багдасаров, отсоединяя седьмой перстень от четвертого и закрепив его на противоположной стороне полоски замка. Камни снова подошли друг к другу, и крепление перстня с замком сработало.

– И еще вот так, – радостно закончил Ромка, соединив четвертый и пятый перстни и опустив их камнями вниз на камень замка в промежуток между вторым и седьмым.

Теперь на каменной полоске замка не хватало всего двух перстней, чтобы получилась длинная, сантиметров десять-двенадцать, трубка, прочно соединенная с замком.

Багдасаров, Ромка и молчун Дима переглянулись.

– Двух не хватает, – вздохнул Ромка.

Багдасаров выпрямился.

– Ну-ка, где адрес того болгарина?

* * *

Осенью Багдасаров добрался до следующего перстня. Он списался с болгарином, договорился с ним и ждал только случая, чтобы переправить перстень из Пазарджика в Киев. Случай подвернулся в октябре: несколько матчей в Болгарии проводили киевские волейболисты. Связка сработала безотказно: перстень под номером три присоединился к своим близнецам. Оставался единственный перстень – шестой, увезенный Степаном Гурьевым куда-то в Сибирь. Багдасаров методично принялся за поиски, изредка привлекая Ромку. Они дали совершенно неожиданный результат. Не в Сибири, не где-то далеко, а здесь же, в Киеве, на кладбище при одной из старых церквей, Багдасаров наткнулся на скромный дубовый крест с полустертой надписью: «Русский мореход Степан Гурьев». Перерыв кучу документов и литературы, в том числе церковную библиотеку, он выяснил, что перстня у Гурьева к моменту смерти почти наверняка уже не было. Кому и когда передал он свою реликвию, оставалось только догадываться.

Это был тупик, безнадежный тупик, и преодолеть его могло помочь лишь чудо. А Багдасаров в чудеса не верил. Отступить сейчас, когда до заветной цели остался лишь шаг, было вдвойне, втройне обидно. Ромка разделял отчаяние Багдасарова, но помочь ничем, увы, не мог.

Однако история с перстнями на этом не закончилась. Развязка наступила летом следующего года. Ромке осенью

предстоял уход в армию. Багдасаров с Димой Федоренко закончили практику и уехали восвояси, в маленький южный городишко. Ромка целыми днями жарился на пляже в Гидропарке, заявляясь домой только для того, чтобы переночевать. В один прекрасный день он обнаружил на зеркале в прихожей телеграмму. Она была короткой; прочитав неровно наклеенные строчки, Ромка сжался и почувствовал в груди прозрачный холодок.

«Восьмого августа открываем дорогу. Будь дома. Багдасаров».

– Восьмого августа, – пробормотал Ромка. – Август… восьмой месяц. Гм, восьмого восьмого восемьдесят восьмого – надо же, сплошные восьмерки, и день, и месяц, и год.

Ромка вздохнул, вспомнив, как уважал Багдасаров эту цифру. Все его футболки неизменно носили на спине восьмерку. Или две. И комната в общежитии была восемьдесят восьмая.

Ромка еще раз вздохнул и на всякий случай вспомнил, когда родился Багдасаров. Результат заставил его вздрогнуть. Восьмого августа, около полудня! Ромка, сообразив, что Славкин друг не разлей вода Дима Федоренко всего на полтора часа старше, яростно зашипел и стал столь же яростно стаскивать рубашку. В проеме дверей появилась мать.

– Где тебя носит, несчастный? – не особо сердито осведомилась она. – Дома тебя не увидишь. Я начинаю забывать, как ты выглядишь…

Ромка чмокнул ее в щеку.

– Завтра целый день дома сидеть буду! – пообещал он и подумал, что дает обещание не только и не столько матери…

День провел он словно на иголках. Отоспавшись на пляже на месяц вперед, он проснулся рано, не пробило еще и семи часов. Уныло пожевав чего-то на кухне, Ромка забрался в самый темный и самый прохладный угол своей комнаты и попробовал почитать, но в голову ничего не лезло. Мысли вновь и вновь возвращались к Багдасарову.

Значит, он все-таки отыскал последний перстень. Гадать, как он узнал о судьбе реликвии Степана Гурьева, было, конечно же, бесполезно.

Отбросив книгу, Ромка стал бродить по квартире, мучительно ожидая вестей от Багдасарова. К десяти часам он едва не завыл от тоски. К двенадцати стал поминутно направляться к двери и всякий раз останавливался в прихожей. К часу он жутко проголодался, видимо, от волнения, и на какое-то время отвлекся от своего тревожного ожидания.

Багдасаров позвонил только в четыре.

– Рома?

– Да!!! Наконец-то! Я чуть с ума не сошел! Ты нашел перстень Гурьева?

– Э-э-э… В общем, да.

– Где? У кого? – затараторил Ромка.

– Не будем спешить, – философски хмыкнул Багдасаров. – Мы сейчас на вокзале, ты подходи к нашей общаге через полчасика. Ладушки?

– Понял! – выдохнул Ромка. – Бегу!

С треском опустив трубку на аппарат, он бросился к выходу. С Подола до Севастопольской площади выходило поболее, чем полчаса. Так что бежал Ромка не зря.

Багдасаров на вокзале отнял коротко гудящую трубку от уха, глянул на нее и проворчал:

– Беги-беги… – он повернулся к стоящему позади Диме Федоренко.

– Ну, и мы пошли…

Они отмахнулись от назойливых таксистов и зашагали в сторону «Украины», к остановке девятки.

Когда они приблизились к общежитию, в глаза сразу же бросилась приплясывающая от нетерпения фигура Ромки. Увидев их, Ромка со всех ног кинулся навстречу.

– Ну? Ну что?

Багдасаров с Димой переглянулись и одновременно захохотали.

– Может быть, здравствуй, для начала?

Ромка смутился. После крепких рукопожатий все трое поднялись наверх, в восемьдесят восьмую.

На столе за время их отсутствия скопился толстый слой буроватой пыли. Багдасаров вытер ее газетой и водрузил на стол новенький кожаный дипломат.

– Ну что, расскажем? – спросил он у Димы. Тот утвердительно кивнул.

Багдасаров покосился в сторону окна и начал:

– Значит так, Ромочка. Последний перстень, номер шесть – это вовсе не перстень Степана Гурьева. Тот перстень был среди тех двух, что попали к женевскому лавочнику. Либо это тот, который принес ты, подарок (хотя какой, к чертям, это подарок – за деньги) твоему отцу, либо тот, что успел побывать в Болгарии. Во всяком случае, эти два перстня когда-то принадлежали Гурьеву и Марату Мурзаеву, правда, какой кому, уже вряд ли удастся узнать.

Ромка слушал, раскрыв рот. Багдасаров продолжал:

– Но мы этого даже не предполагали, считая, что перстень Гурьева в Сибири. И пошли по неверному пути. На самом же деле

у нас не хватало перстня Клауса Морке, который, как мы считали, давно был у нас в руках. Найти его в который раз помог случай.

Багдасаров задумчиво провел ладонью по волосам.

– Я еще подумал, не слишком ли много случаев помогало мне в поисках? Словно вел кто-то сквозь туман и неизвестность.

– Разве это плохо? – тихо спросил Ромка.

– Кто знает? – неопределенно отозвался Багдасаров после недолгой паузы.

– В общем, когда я вернулся из Киева домой, – возобновил он рассказ, – меня ждало письмо. От кого, думаешь?

– От женевского торговца? – храбро предположил Ромка.

Багдасаров улыбнулся и покачал головой.

– Нет. От моего сослуживца – Леокса Тита. Помнишь?

Ромка кивнул.

– Так вот. Леокс теперь живет в Таллине. Работает в порту. Этой весной он заметил на шее одного иностранного моряка цепочку, а на цепочке…

– Перстень! – догадался Ромка.

– Два перстня, – поправил Багдасаров. – Целых два!

– Как два? – опешил Ромка. – Их же семь! А получается уже восемь!

И подумал: «Снова восемь! Магическое число!»

– Вот и я так же удивился. Леокс познакомился с моряком. Его зовут Эрвин Гийс. А девичья фамилия его бабки, – Багдасаров сделал паузу, – Морке.

– Морке, – выдохнул Ромка. И повторил: – Морке.

– Да, Морке. Он служит матросом на судне, которое ходит по маршруту Антверпен – Таллин. Поэтому он часто бывает в Таллине.

– И ты помчался в Таллин, в Эстонию?

– А что оставалось делать? Мы с Димой собрались и живо уехали. Четыре дня назад Гийс, вместе со своим судном, разумеется, пришвартовался в Таллине. Мы за него взялись. Леокс еще раньше пытался уговорить его обменять или продать перстни. Но тот неожиданно уперся, заявив, что если и продаст когда-нибудь, то только человеку, собирающему их. Я его все же уломал, хотя он упирался донельзя.

Тут-то и началось самое интересное. Перстни Гийса значились под номерами шесть и два. Я поинтересовался – откуда они? Тот ответил, что это семейная реликвия, передающаяся по наследству, – стандартный расклад, значит правда. Истории перстней Гийс не знал, но догадывался, что их несколько штук. У него возникла смутная идея сделать себе целое ожерелье. Гийс в первые часы даже пытался склонить меня к продаже моих

перстней. Боже, как я с ним намучился, пока уболтал!

В общем, теперь у меня было восемь перстней, среди них два вторых. Я обратился к одному старому искушенному ювелиру, и оказалось, что… – Багдасаров вдруг замолчал.

– Что? – не выдержал Ромка.

– Что перстень Яна Вылчека, присланный мне из Польши, – поддельный.

Ромка ошарашенно фыркнул, всем своим видом показывая: «Вот это да!»

– Да, подделка. И подделка настолько искусная, что внешне их практически не отличить, все подогнано до микрона. А различаются они вот чем: настоящие перстни изготовлены из сложнейшего сплава, который и в наше-то время получить непросто, а тогда и вовсе невозможно…

– Когда – тогда? – перебил Ромка.

– В середине восемнадцатого века. Когда сработали поддельный перстень, – ответил Багдасаров. – Видишь ли, он изготовлен знаменитым ювелиром-фальшивомонетчиком Уильямом Кроу, настолько искусным, что вскоре подделанные им драгоценности стали цениться не дешевле, чем настоящие, чем оригиналы. Так что этот перстень – тоже солидная редкость.

– А поляки тебе его так, за здорово живешь, отослали? – ухмыльнулся Ромка.

– Выходит, так, – пожал плечами Багдасаров. – Но вернемся к нашим баранам… Так вот, в сплаве поддельного перстня начисто отсутствует иридий, в настоящих же перстнях и металле оправы замка иридия довольно много. И камень: в настоящих перстнях, ну и замке, конечно, какой-то необычный минерал со странной кристаллической структурой, редкими примесями и анизотропными свойствами. В подделке – самый заурядный александрит, правда, до неправдоподобия похожий на этот самый минерал.

– Вот она, подделка, – Багдасаров протянул Ромке перстень, на первый взгляд ничем не отличающийся от остальных. – И вновь нам остается только гадать, кому и зачем понадобилось подделывать такой перстень.

– Чем дальше заходит эта история, тем больше в ней темных мест, – заметил до сих пор упорно молчавший Дима. Ромка никогда не понимал, говорит ли он серьезно или шутит. Не понял и в этот раз.

Багдасаров тем временем открыл дипломат и поставил на стол завернутый в хрустящий целлофан замок и коробку с перстнями. Теперь все семь ее ячеек были заняты.

Освободив замок от упаковки, Слава сказал:

– Пожалуй, самое время вставить ключ в замок…

Они неторопливо соединили перстни в нужном порядке. Толстая составная трубка, в которую превратились семь перстней, приятно утяжеляла руку. Все трое по очереди подержали ее в ладонях. Потом Багдасаров перевернул ее камнями вниз и решительно вставил в замок.

Трубка уверенно встала на место, тихо щелкнув.

Минута тянулась за минутой, в комнате повисло напряженное молчание. Они ждали, но ничего не происходило.

Наконец Ромка не выдержал:

– Где же дорога?

Его вопрос прозвучал на удивление жалобно.

– Я ничего не вижу…

Багдасаров внимательно взглянул на Ромку и отрешенно прошептал:

– Дорогу не обязательно видеть. По ней нужно просто идти. Где-то я это читал…

Шаг к столу они сделали одновременно, к столу, где покоился вставленный в замок ключ.

* * *

– Откуда я знаю? – сердито сказал Багдасаров, словно огрызнулся. – Не сработала, и все.

Ромка требовательно таращился на него и отставать не собирался. Перстни уже рассовали по ячейкам, замок, завернутый в замшу и целлофан, остался в центре пыльного стола.

– Может, мы не учли чего-нибудь. Не выполнили некое условие. Или, наоборот, сделали что-нибудь лишнее. Или выбрали неудачное время. Да мало ли? Что мы, в сущности, знаем? Почти ничего – собери ключ и вставь в замок. А вдруг это нужно делать лишь в полночь с четверга на пятницу, убив предварительно летучую мышь и сориентировав замок по компасу? Да чтобы в радиусе десяти метров не было ничего железного? А?

– Ерунда, – отрезал Дима.

Ромку распирала досада.

– Ерунда, конечно, – уныло согласился Багдасаров. – Но ведь не сработала эта штуковина?

Федоренко поморщился.

– Погоди, Слава, не пыли. Во-первых, с чего ты взял, что не сработала? Вдруг это мы, олухи, попросту ничего не рассмотрели? Думал над этим?

Багдасаров сел на диван.

– Иносказание? – неуверенно предположил он.

– Не обязательно, хотя и не исключено.

– А что еще? Не отпирайся, старший, я вижу, что у тебя есть теория.

Багдасаров оттаял и вновь превратился в прежнего Багдасарова – пытливого, цепкого, расчетливого и спокойного. Ромке, как всегда, досталась роль слушателя.

Дима помедлил, словно взвешивал в последний раз свои мысли и доводы.

– Ты не задумывался, почему практически все восточные философские системы так или иначе называются «Путь»? Путь длинного кулака, путь дракона, звенящий путь? Даже каратэ – это «Путь пустой руки», а не просто «пустая рука», как все привыкли переводить. Каратэ-до!

– Своеобразный метод самоуглубления? – вдумался Багдасаров, подхватив мысль и развивая ее. – А что? Сколько мы документов переворошили, сколько информации впитали и перелопатили… Это ведь тоже способ самосовершенствования, путь к себе, грубо говоря. Хм, забавно!

– Другой вариант, – продолжил Дима. – Экзамен. Дорога открывается только со второго раза. Или с третьего. Цель – проверить, насколько ты в ней нуждаешься. Если один раз попробовал и охладел от неудачи – гуляй, такие не требуются. А если ищешь, пробуешь снова и снова…

– Да ты просто кладезь мудрости, – усмехнулся Багдасаров. – Только у тебя чересчур уж… астральный подход.

– Предложи материальный, – парировал Дима.

– Я уже предлагал: невыполнение какого-либо условия-фактора.

Дима покивал.

– Знаешь, – досадливо сказал Багдасаров, – поспешили мы с тобой в Киев. Зря не стали копаться в дневниках Филиппа-ключника. Откуда у него такое странное прозвище?

Федоренко пожал плечами:

– Еще не поздно!

Багдасаров вздохнул и глянул на Ромку.

– Вот так-то, Ромочка!

Улыбка его была азартной и чуть-чуть грустной. Ромка улыбнулся в ответ.

– Знаете, ребята… Мне кажется, вы уже давным-давно в дороге. Один я на обочине застрял. Возьмите меня с собой, а?

– То есть? – не понял Дима.

– Можно с вами в архив? Ни разу ведь не был. Авось помогу

что-нибудь раскопать.

– Эк хватил! – покачал головой Славик и обратился к Диме: – Ну что, берем его?

– Но учти, – честно предупредил Федоренко, – архив Филиппа в Ярославле, а куда нас потом занесет…

– Ну и ладно, – не смутился Ромка. – Дорога есть дорога!

– Вот и отлично.

Багдасаров любовно уложил футляр с перстнями и замок в дипломат и направился к выходу. Только теперь Ромка вдруг увидел на внутренней стороне двери полустертую надпись. «Via est vita», – гласила она.

«Дорога – это жизнь».

И Ромка понял, что согласен.

© Июнь 1987

Багир

Ущелье Горного Духа
Реальная история

Часть 1
Блокнот, найденный в тайге

«Я был тогда совсем еще мальчишкой, не помню даже возраст – то ли десять лет, то ли одиннадцать, а может, и все двенадцать. Именно поэтому вам покажется, что воспоминания мои порой слишком ярки, а порой совсем уж полустерты, но ведь прошло уже больше десяти лет!

Почему Буслаев выбрал меня меня в попутчики, мог бы сказать только он сам, но вряд ли он жив. Наверное, потому что взрослые идти с ним не хотели, а совсем одному в тайге очень уж тоскливо. Буслаев много разговаривал со мной, серьезно, по-взрослому, и мне это нравилось. Я называл его Захарычем, и мне это тоже нравилось. Задержать меня никто не мог: мать я не помнил (и не помню), отца – очень смутно. Все, что осталось от родителей, – это ветхая избенка на краю поселка, пустая и разваливающаяся, да цепочка с медальоном в виде серебристой змейки с красными глазами-бусинами у меня на шее. В ту пору я жил у старой, как сам поселок, бабки Матрены и вечерами читал ей Ветхий Завет, писанный в каком-то старообрядческом монастыре. Матрена кормила меня и даже подарила кое-что из одежонки, хотя прожил я у нее всего ничего – перезимовал только. До этого меня ютили поселяне. Отца моего не забыли и часто поминал добрым словом; когда я, четырехлетний, остался один-одинешенек в родительской избе, люди обо мне позаботились. Пожалуй, сыграло свою роль и то, что я уже тогда умел читать и писать, ведь мой отец был единственным учителем на сотни верст окрестной тайги. Во всяком случае, в каждой семье, где мне приходилось жить, я много читал вслух толстые засаленные книги, совершенно не понимая содержания, и изредка писал «грамоты», как называли поселяне письма.

Буслаев был первым, кто ни разу не назвал меня «сироткой» и никогда не гладил по голове. Это сразу подкупило, и решил я, что пойду за ним куда угодно, хоть к черту в зубы! Но тогда я еще не знал, что так оно и окажется.

Выступили мы в мае, и тайга поглотила нас на целых четыре месяца. Первые пару недель нам изредка встречались охотники-якуты, а потом пошла такая глушь, что даже звери нас почти не боялись. Вещей у Буслаева было немного, практически все умещалось в ладном выцветшем заплечном мешке, который он всегда называл «сидор». У меня на спине болтался такой же, но поменьше и самодельный. Буслаев доверил мне нести все

съестные припасы, спички и часть патронов. Меньшую, конечно, но мне и это ужасно льстило.

Чем занимался Буслаев в тайге, я до сих пор не понимаю. На геолога он совсем не походил, хотя имел настоящий геологический молоток и часто пользовался лихим инструментом, смахивающим на подзорную трубу со странной сеткой на линзе. Крепился прибор на легкой алюминиевой треноге. Так же часто Захарыч копал неглубокие круглые ямки, ловко орудуя короткой саперной лопаткой и напевая всегда одну и ту же заунывную песню на незнакомом языке. Что это за песня, я никогда не спрашивал. Жилось мне с Буслаевым неплохо – как я уже говорил, он держался на равных и относился ко мне вполне серьезно. Я помогал ему, чем мог, слушал его рассказы о тайге и о жизни в далеком и нереальном городе Киеве, смеялся историям, приключившимся некогда с самим Буслаевым или с его друзьями. До августа наша жизнь протекала спокойно и размеренно, как текут тихие таежные реки.

Изменился Буслаев резко и неожиданно для меня. Мы как раз карабкались по склону безымянного унылого гольца, неожиданно «начальник» замер и коротко выругался, чего с ним никогда прежде не случалось. Я проследил за его взглядом и увидел… как вам сказать? Овраг – не овраг, распадок – не распадок… В общем, представьте себе просто борозду длиной метров сто-сто пятьдесят. И это прямо посреди тайги. В жизни не видал ничего похожего, хотя вот уже лет десять лес покидаю только на зиму и дожидаюсь весну в поселке своего детства.

Короче, замер мой Буслаев и говорит:

– Леша… пять лосей твоей матери, это же ОНО! Ущелье Горного Ду… Гм!

Я совершенно не понял, при чем тут моя мать и поэтому переспросил:

– Что?

Буслаев кашлянул и осторожно закончил:

– В общем, одно интересное ущелье.

Минут пять он созерцал борозду и окрестности, я стоял да помалкивал, ожидая.

– Считай, что нам повезло! Кто его только ни искал!

Внизу, у подножия гольца, Буслаев совершенно неожиданно повесил ружье на сосну и здесь же, на сучке, оставил все патроны, ссыпав их в кожаную сумку, похожую на большой кисет.

Я глядел на него с испугом, и он объяснил:

– Безоружных он, вроде, не трогает.

– Кто – он? – не понял я.

Буслаев замялся, и я ощутил, что впервые с мая месяца он не

скажет мне правды.

– Ну… э-э-э… тот, кто ущелье охраняет.

– Зачем же охранять ущелье?

И снова Буслаев задумался.

– Там кое-что спрятано.

Я помолчал и вдруг неожиданно даже для себя тихо сказал:

– Захарыч! Мне кажется, что ты боишься.

Буслаев замахал руками:

– Вздор, Лешка! С чего ты взял?

Но я чувствовал, что он лжет.

Через минуту он убедительным тоном заявил, что если боялся бы, то ни за что не расстался бы с ружьем, но я молчал, и вскоре он оставил эту тему.

Ущелье было вовсе не ущелье, а действительно просто глубокая борозда в теле земли. Причем в центре она была глубже, чем с краев, словно кто-то громадный нехотя ковырнул когтем почву, коротко, с размаху. На край обрыва Буслаев меня не пустил. Сначала сам подполз и долго осматривался, потом разрешил подползти и мне.

Дно отстояло от нас метров на сорок, причем посреди отвесной стены виднелся широкий гладкий уступ. Спуститься на него удалось метрах в тридцати левее, но это случилось лишь через два часа, час из которых Буслаев валялся на краю ущелья и что-то разглядывал, час сидел на корточках у своего рюкзака, листая пухлый блокнот и загадочно бормоча.

На уступ Буслаев взял только моток веревки, молоток да наспех срубленный и заостренный кол. Спускались мы минут десять, причем я дважды чуть не сверзился с отвесной стены. О Захарыче я ничего не скажу, собой был занят, но сопел тот громче обычного.

В общем, спустились мы еще более-менее сносно. Уступ хороший, просторный, метра два, а то и пошире.

Вот тут-то и начались первые странности.

Взглянул я наверх ненароком – батюшки-светы, вместо двадцати метров крутой земляной стены я увидел по меньшей мере двести! Небо осталось где-то неимоверно высоко, застряв в узкой щели между стенами. Я, кажется, даже икать начал – если мы десять минут спускались, то сколько же будем подниматься? Да и не могли мы так глубоко забраться, во-первых, не успели бы, а во-вторых, сверху ущелье выглядело куда мельче. Буслаев мне шепчет: «Спокойно, Леха, все нормально». А с самого пот в три ручья. «Как же, думаю, нормально…» Потом соображаю, что на такой глубине в такой узкой расщелине должно быть гораздо темнее, а тут светло, как и наверху.

Буслаев тем временем наладился кол в уступ забивать. Наклонил его к стене, чтоб не выворотило, загнал на три четверти и ну веревку вязать. «Ага, – думаю, – спускаться будет».

Сбросил он веревку вниз, подергал – не оборвется ли. Веревка хорошая, крепкая, да и кол он вколотил на добрую сажень. Не должно, вроде, подвести.

– Слушай внимательно, – говорит. – Там, посреди спуска, – пещера. Сейчас я потихоньку сползать начну, а ты здесь сиди. Если тихо будет, значит все отлично и я потом тебя позову. Ну, а если, не дай Бог, закричу, тут уж лезь наверх и беги пошибче. Но! – Буслаев поднял вверх указательный палец. – Я просто уверен, УВЕРЕН! – что ничего подобного не произойдет. Понял?

Я кивнул.

– Это недолго, минут десять от силы.

Я опять кивнул. Буслаев странно посмотрел на меня и с шумом вздохнул:

– Ну, давай лапу.

Он пожал мне руку, ухватился за веревку и подошел к самому краю обрыва. Я заметил, что он трижды сплюнул через плечо. «Это еще зачем?» – думаю.

Как только он исчез из виду, я снова вверх поглядел, но не успел я и всмотреться повнимательнее, послышался низкий тревожный звук. Гул – не гул, вой – не вой… И сразу же за ним дикий крик Буслаева. Я и не знаю, что нужно делать с человеком, чтобы он так кричал.

Я глядь, а веревка вместе с колом вниз полетела. Не знаю, уж какая пружина меня подбросила, но по стене я карабкался, ровно муха по стеклу. Вой сразу же смолк, я отчетливо услышал, как что-то шмякнулось оземь, и вслед за тем – стон Буслаева: тихий такой, жалобный. Я застыл, вцепившись пальцами в неровности подъема.

Взобрался я к этому моменту метров на пятнадцать, не меньше. Верхний край стены оставался таким же далеким; я покосился вниз и обомлел: уступ был прямо подо мной, ногой можно дотянуться. Куда ж я лез все это время?

Помню, руки-ноги у меня сами собой разжались и обмякли и я брякнулся на уступ, благо невысоко, носом прямо в дырку от кола. Дрожь меня бьет-колотит, и поделать ничего не могу. А внизу стонет Буслаев.

Тут меня следующая веселая мысль посещает. Веревка улетела вниз вместе с колом, это я видел совершенно ясно. А дырка в земле осталась маленькая, круглая и ровная – в аккурат нос мой только и влазит. Если кол вырвало, то почему не сковырнуло приличный ком земли? Забит-то он был с наклоном

от обрыва, не меньше чем на метр в почву вогнан! Здесь же – дырочка и ничего более. Выходит, кол просто выдернули, хотя как это можно сделать? «А что? – думаю. – Высовывается из стены рука, сильная такая рука, волосатая, хватается за кол, выдергивает и исчезает в стене?»

Вы пробовали когда-нибудь вырвать забитый в землю кол? И не пробуйте. Все равно, что пытаться выпить Лену-реку.

Тут внизу опять стонет Буслаев.

Не знаю уж, о чем я потом думал, что делал? Очнулся внизу, рядом со стонущим Буслаевым. Тот жив, но без сознания, левая нога нелепо вывернута, как и не его. И воспоминание мимолетное: черный, тянущей затхлостью зев пещеры. На миг, на секунду. Но осмысливать некогда – хлопаю по щекам Буслаева.

Пришел в себя он на удивление быстро. «Нога!» – шепчет. «Сломана?» – ужасаюсь. Сломать ногу черт те где, в глуши… Я ж его не дотащу! «Кажется, вывихнута. Ну-ка дерни!» Хватаю за ступню, рву на себя, что-то противно хрустит, Буслаев орет как… как… словом, громко и жутко орет, но нога у него, гляжу, уже вроде бы как своя. Прямо, то есть. А Захарыч-то мой о ней тут же и забыл. Глядь вверх, на пещеру, и тихо так говорит:

– Помоги мне встать!

Помогаю. Кое-как проковыляли мы с полсотни метров. Буслаев оглянулся – пещеры отсюда уже почти не видно. Ковыляем дальше, и тут соображаю я, что снизу ущелье выглядит куда мельче, чем с середины, с уступа. Как и сверху, метров на сорок. Голова идет кругом.

Через полчаса выбрались мы из этой чертовой борозды. Дно постепенно поднялось, и ущелье незаметно сошло на нет.

– Отдохнем! – просит Буслаев и садится на выворотень. Я хотел тоже сесть, да, думаю, лучше за мешками сбегаю. Так и говорю:

– Я за сидором, быстро!

Буслаев вдруг весь побелел и впервые за все время как заорет на меня:

– Куда? Ну-ка вернись! Не смей туда ходить!

Поворачиваюсь я и холодно так ему:

– Шалишь, Захарыч. Пропадем ведь без ружья, без припасов…

И бегом по краю обрыва. Сбоку тянется ущелье, стараюсь туда не смотреть. Когда я вещи подбирал, вроде опять тот чертов гул послышался, но тише, чем в первый раз. Жуткий звук, надо вам сказать! Людям такие не по ушам.

Короче, подобрал я мешки – и деру. Сидор Буслаевский за плечи закинул, свой спереди нацепил. После ружье лесиной с дерева сбросил, патроны тоже, и назад, к Захарычу. Тот, меня

увидев, аж дышать снова начал от облегчения.

– Леха! Леха! – твердит.

Поковыляли мы дальше. Нога у Буслаева распухла, сапог даже не снимался, но дня примерно через три, говорит, пошла боль на убыль, а еще через неделю здоров был мой Захарыч, ровно огурчик с грядки, шагал, будто на параде. Правда, когда я на него не смотрел, все прихрамывал.

До поселка дохромали мы спустя месяц. Буслаев потом говорил мне, что вовек не забудет этого похода, что я – настоящий мужчина, что он мой вечный должник… А я нервно теребил медальон на шее, не зная, куда девать руки от смущения. Рассказывал всем, как я тащил его почти десять дней на себе, сквозь тайгу, хотя на самом деле какое там тащил? Поддерживал только. Но поставьте себя на мое место – и поймете, что меня, мальчишку, просто распирало от гордости.

Лишь об одном Буслаев помалкивал: об ущелье. И мне запретил болтать, строго-настрого. Он ушел осенью с якутами куда-то на юго-запад, в сторону Сонгара. А оттуда, наверное, в далекий город Киев. А я остался зимовать в поселке. Сотни раз пересказывал я поселянам историю наших странствий. Но обещание, данное Захарычу, сдержал: в тот год ни одна живая душа не узнала об ущелье.

Объявился Буслаев в начале весны. Я радовался, ровно щенок при виде хозяина. Буслаев тоже лучился радостью; руку потряс, по плечу хлопнул, чуть с ног не сбил. И тихонько так спрашивает сразу же:

– Не проговорился?

Я отчаянно замотал головой.

– Мужчина! – похвалил Буслаев и по секрету сообщил: – Скоро снова туда отправимся.

Он уехал почти на месяц, а когда вернулся, стоял уже май. С собой Буслаев привез несколько длинных прямоугольных ящиков, не особо, впрочем, тяжелых. Нашли якута с оленями, незнакомого; договорились, что он нам поможет, потому что все ящики Буслаев вознамерился тащить с собой. Пока все приготовили да наладились в путь, уже и май прошел.

Якута звали Малча. Олени несли на спинах буслаевские ящики (мы вложили бездну фантазии и все же ухитрились приспособить покорных зверюг к этому нелепому, в общем, грузу). Мы сами шли пешком. Захарыч часто спорил с Малчей по поводу дороги, и путь наш поэтому живо напоминал хаотичный след чернильной мухи на чистом листе. К унылому гольцу мы выбрели спустя месяц и неделю и то, по-моему, случайно. Буслаев повеселел и напыжился, а якута едва не хватил удар от испуга. Я

уловил его слова, потому что немного понимаю якутов. Малча сказал по-русски «ущелье» и по-якутски не то «горного духа», не то «желтого духа», затрудняюсь точно перевести. Тогда-то я впервые и услышал о Горном Духе. Слова Буслаева год назад не в счет, он ведь их фактически так и не произнес, но теперь я их отчетливо вспомнил.

События прошлого лета представились мне совершенно в ином свете. Я не считал себя суеверным или боязливым, но не забывайте, сколько лет мне тогда исполнилось.

Малча в считанные минуты сбросил груз со спин своих олешек и поспешно удрал – другого слова я не подберу. Мы с Буслаевым остались наедине с тайгой, чертовым (вернее – духовым) ущельем и грудой продолговатых ящиков.

Дня три мы их перетаскивали к ущелью, еще пару дней Буслаев их распаковывал и собирал на краю обрыва какие-то диковинные конструкции, похожие на ажурные трехногие елки, оказавшиеся в итоге не более чем подъемником. Установили его на самом краю, над уступом. Три ящика остались нераспакованными, и их спустили на уступ.

Потом разразилась жуткая гроза и мы долго отсиживались в палатке, которую на этот раз захватили. Безостановочно хлестал сумасшедший ливень, а в унылый голец раз за разом лупили ветвистые фиолетовые молнии. Ночью мне несколько раз чудился тот самый тревожный вой и я просыпался, подолгу вслушиваясь в шорох дождя. Еще с неделю мы бездействовали, потому что размокшая земля превратилась в полужидкое болото, а на дне ущелья сплошной мутной лужей пузырилась собравшаяся со всей окрестной тайги вода, причем весело журчащие ручейки постоянно эту лужу подпитывали. Как-то утром Буслаев спросил, не слышу ли я по ночам странных звуков. «Воя?» – напрямик спросил я, теребя отцову цепочку со змейкой, и Буслаев отвернулся. Значит, не чудилось…

А вскоре у нас пропал котелок. Чудеса прямо, всю неделю оставался на ночь у кострища – и ничего, а тут вдруг словно сквозь землю канул. Куда он делся – ума не приложу! Захарыч неуверенно грешил на медведя, но я-то знал, что косолапый скорее унес бы нас двоих вместе с палаткой, чем пустой и выскобленный до блеска котелок. И потом: нашел чем успокоить мальчишку-подростка – медведем!

Пару дней мы шастали по округе с ружьями наперевес (я забыл написать: Захарыч еще весной подарил мне ружьишко тридцать второго калибра, чем привел в неописуемый восторг). Медведя, равно как и любых следов его пребывания, не нашли, зато подстрелили молодого изюбра и пекли куски мяса прямо на

костре, насадив их на шомпола. По молчаливому соглашению ружья к обрыву мы не подносили, оставляя в палатке.

За это время тайга подсохла и мы вернулись к ущелью. Подъемнику дождь ничуть не повредил, а вот ящики на уступе до половины увязли в грунте, пришлось их откапывать. Всего за день, работая как одержимый, Буслаев собрал на уступе довольно странную вещь. Теперь я могу сравнить ее с буровой вышкой в миниатюре, хотя кое-что примешивалось и от все того же подъемника. Крепил и устанавливал Буслаев все на совесть, вгоняя металлические пруты в землю по самые шляпки, болты завинчивал до упора и даже чуть-чуть крепче. По-моему, свалить эту махину было не под силу и пароходу «Амгуема», который я несколько раз видел на Лене-реке, пусть бы он и забрался на наш уступ. Буслаев повеселел, напевал свою заунывную песню; напряжение последних дней как будто спало…

Чертовщина началась неожиданно; я наблюдал все это сверху. Как раз опустил Буслаеву большой прямоугольный железный лист. Захарыч прислонил его к стене и повернулся к своей махине. Я гадал, куда он будет прилаживать эту пластину, и тут заметил, что она медленно отделилась от стены и падает на Буслаева и его конструкцию. Вернее, момент начала движения я пропустил, увидел пластину уже в падении.

Этот жалкий металлический лист, который я спустил одной рукой, весящий не больше тридцати килограмм, кто бы мог подумать! – смел с уступа все: и плоды буслаевского труда, и его самого. Я и вскрикнуть не успел, все оказалось на дне ущелья. «Опять!» – подумал я и со всех ног припустил вдоль борозды, чтобы попасть вниз кружным путем. Через пару минут я уже был там.

Бог мой! Машина выглядела так, будто свалилась вовсе не с двадцати метров на податливую, еще толком не просохшую почву. Казалось, она рухнула из поднебесья на гранитные скалы. Говоря грубо, машиной она более не выглядела. Так, разрозненные металлические обломки, искореженные до неузнаваемости.

Сам Буслаев, напротив, не пострадал. Он потерянно застыл на коленях перед останками. У меня отлегло от сердца. Машину, конечно, жаль, но главное – Захарыч цел. Каюсь, но второй раз вести его через тайгу мне ни чуточки не хотелось.

Я ждал, когда он опомнится. Дух и его пещера совершенно вылетели у меня из головы. А зря.

Здоровенный ком земли обрушился Буслаеву на спину, опрокинув его, словно жбан с квасом. Следующий сбил с ног меня. Лежа на спине и прикрываясь руками, я взглянул наверх, на

уступ. Там кто-то копошился! Комья земли летели в нас безостановочно; Буслаев шипел и кашлял, пытаясь встать.

Так продолжалось с полминуты, потом кто-то на уступе приподнялся и взглянул на нас. Я пытаюсь описать именно то, что чувствовал в тот момент, каким бы нелепым и странным мое чувство ни казалось.

В общем, представьте, что на вас взглянула большая куча земли, только что добросовестно вынутая из вырытой вашими же руками ямы. Представили? А теперь примите во внимание наши взвинченные до отказа нервы, учтите память о прошлом разе и полную тишину? Учли? Ну, а теперь свалите себе на голову что-нибудь тяжелое – и вы приблизитесь к нашему состоянию в тот миг.

Эта куча земли, что подглядывала за нами, взвилась в воздух и погребла нас под собой. Оглядываясь, мы выбрались из-под нее чуть живые, а новая уже глядела на нас с уступа. Я уже приготовился ко вторичному погребению, но Буслаев вдруг, странно крикнув, схватил ком земли и швырнул на уступ.

Куча тут же спряталась!!!

Я чуть не упал. Не успел: секундой раньше на нас стала падать ВСЯ СТЕНА УЩЕЛЬЯ. Медленно и неумолимо.

– В сторону! – закричал Буслаев с надрывом.

Но все бесполезно. От этой лавины убежать мы уже не успевали, а выбраться из-под нее я не надеялся. Тем не менее я отпрянул и жалко прикрылся руками. Вопль мой был истошным и безнадежным.

Говорят, перед смертью вся жизнь проплывает перед глазами. Не знаю, ни о чем, кроме смерти, тогда не думал.

А она не мешкала.

С легким хрустом стена проломилась на мне и обратилась в пыль, осев на дно ущелья большим облаком.

Некоторое время я не мог вдохнуть. Сердце бешено колотилось; должно быть, стук его доносился до самого верха, на обрыв.

От стены на самом деле отделился всего лишь тонюсенький пласт, не толще граммофонной пластинки, но мы-то этого знать не могли!

Знакомый низкий вой зазвучал на этот раз без злорадства. А что же Буслаев? Я обернулся, нашаривая его взглядом.

Не Захарыч мой родной стоял рядом – не представляю, как вам и сказать… Тварь, чужое создание, воплощение детских страхов. Я не смогу ее описать, человечество не придумало таких слов. Но взгляд твари я, наверное, запомнил навечно: он способен любую живую душу обратить в пепел.

Мне показалось, что цепочка на моей шее превратилась в струйку раскаленного металла, а змейка – в сплошной комок непрерывной боли. Я бросился прочь, совершенно не помня себя, куда понесли ноги, и ЭТО – я знал! – бросилось за следом. Никогда я не бегал так быстро и так отчаянно.

А сзади настигал топот, все ближе и ближе, но нет, нет, успокойтесь, это был просто Буслаев. С перекошенным лицом, потный и испуганный, он бежал совсем рядом.

Не знаю, кто заставил меня увидеть его ТАКИМ… И каким он увидел меня, тоже не знаю, спрашивать не хочу и никогда не захочу.

Бежали мы, задыхаясь и хрипя, часа два. Вокруг было тихо. Проклятое ущелье не хотело отпускать нас: справа и слева все так же тянулись сорокаметровые стены и только вверху, чистая и голубая, виднелась полоска неба, желанного и безопасного.

Ущелье отпустило нас через четыре дня. К этому времени я дошел до грани бреда. Отчасти – от пережитого, отчасти – от голода и усталости. Когда не осталось сил бежать, мы просто брели; тело работало само, без участия разума.

Читая эти строки, вам не представить наш ужас, для этого нужно попасть в ущелье и разозлить Горного Духа.

Потом мы долго тащились через тайгу. Питались ягодами и грибами, а это не очень сытная диета. Потеряли счет дням, скитались, словно дикие звери, пока не вышли к какой-то речушке, там еще был заброшенный прииск. Здесь нас подобрали, изможденных и полусвихнувшихся, геологи.

Окончательно я пришел в себя поздней осенью, в поселке, когда прощался с Буслаевым. Он вновь уезжал на запад, в Киев.

– Прощай, Леха! – говорил он. – Мы снова выкарабкались из этого ущелья. Знай, я вернусь летом и уже не буду таким дураком. Я вернусь не один и не с пустыми руками, и мы выкурим Горного Духа из его векового логова.

– Зачем? – спросил тогда я.

– Зачем? – повторил Захарыч. – А затем, что в той пещере есть то, ради чего стоит вернуться, несмотря на все, что мы пережили. Поверь мне.

Я поверил. Наверное, Горный Дух вселяется в каждого, кто осмелился побывать в этом ущелье.

Буслаев не вернулся. Разразилась война, и я напрасно ждал его каждую весну. Десять лет. Я еще надеюсь, хотя не уверен, ведь если бы он был жив, давно приехал бы.

Десять лет я искал это ущелье. Так получилось, что дороги к нему я совершенно не запомнил. Десять лет поисков, чтобы знать потом, куда идти. Не знаю, на что я рассчитывал, соваться туда в

одиночку, по-моему, глупо. А расскажи кому – поверят ли?

Не знаю.

Но тем не менее я пишу эту историю в свой блокнот – тот самый, что подарил мне Буслаев. Потому что вчера я набрел на место, откуда виден Унылый голец. Это гораздо дальше, чем я предполагал, и намного севернее. Я ходил туда, но приближаться не стал. Ущелье на месте, и палатка наша все еще стоит. В бинокль я разглядел даже что-то поблескивающее у входа, не иначе некогда пропавший котелок. А вот подъемника у обрыва не видно, и я совершенно не помню, приключилось ли с ним что-нибудь тогда или это дела минувших десяти лет.

Сейчас допишу и пойду. Только посмотрю повнимательнее, я ведь не собираюсь туда спускаться. А хочется: проклятый Горный Дух крепко засел во мне. Но я вернусь. Посмотрю и вернусь. Заберу свой блокнот, дойду до поселка, поговорю с людьми. Наверняка что-нибудь знают, слышали, видели… Может, даже экспедицию сюда пришлют, здесь же что-то важное, я знаю! Ну, а если вдруг не вернусь, останется мой блокнот, его обязательно кто-нибудь отыщет.

Но я непременно вернусь.

И еще мне кажется, будто слышен далекий низкий вой; теперь он звучит как зов. Но ведь это только кажется…

Все! Я пошел! Жди меня, мой блокнот, мой сидор, мое ружье! Дух не трогает безоружных – мы дважды спускались в ущелье и дважды сумели уйти.

Помоги мне, Горный Дух!»

Часть 2
Шура Коптин

Этот голец и впрямь выглядел очень унылым. Коптин долго его разглядывал, чувствуя, что уныние начинает переползать в душу. Левой рукой он машинально поглаживал шершавую обложку блокнота, лежащего в кармане, в правой привычно вертел ружейный патрон, желтый, как масло.

– Надо же! – прошептал он и зачем-то огляделся. Еще утром тишина совсем не действовала на него, теперь же она казалась зловещей.

Забросив за спину мешок и подобрав ружье, Коптин нерешительно потоптался, потом пересилил себя и пошел к гольцу. Стланик здесь был густой, пробираться сквозь него стоило больших трудов. Когда над самым ухом гнусно заорала сойка, Коптина передернуло; несколько минут он чувствовал и, вроде бы, даже слышал неистовый стук сердца.

– Эй, Шура! Ты что же, всерьез воспринял эту историю? – спросил он сам себя. Слоняясь по тайге в одиночку, Коптин свыкся с тем, что разговаривать приходилось только с собой. С утра собрался поболтать пару часов с якутом, случившимся навстречу, да не вышло: якут вручил «лючи», Коптину то есть, этот самый блокнот, заявил, что «рузе и месок на суцек повесила, а грамоту тебе» и что самому якуту «шибко спешить надо, мало-мало здут!» Словом, якут уехал, понукая оленя, а Коптин остался читать блокнот, гоняя в ладони неизменный патрон.

Вскарабкавшись почти на самую вершину гольца, Коптин взялся за бинокль. До этого он нарочно не смотрел по сторонам.

Ущелье нашлось быстро и по виду действительно очень походило на борозду невероятных размеров. Нашлась и палатка, невдалеке, в подлеске. Котелка, правда, Коптин не заметил, далековато, но в целом все было именно так, как описывал Леха в своем блокноте.

«Пойти? – подумал Коптин. – Боязно что-то в одиночку… Они-то вдвоем здесь шастали».

Верить – не верить? Вот ведь задача! С одной стороны, ерунда, конечно, мистика, поповщина, а с другой – похоже ведь на правду.

Духи в двадцатом веке? Чушь! Но ведь в остальном блокнот правдив. Все как есть. Коптин даже якута Малчу знал лично. И совершенно не сомневался, что в описанной ситуации повел бы себя именно так: сбросил груз и оперативно смотался от греха

подальше.

У подножия гольца возникла проблема: оставить ружье, как поступали Буслаев с Лехой, или с собой захватить? Поколебавшись, решил – до палатки с ружьем, а там – по обстановке.

Растяжки у палатки сильно ослабли, но сама она держалась еще очень браво. «Странно, что за столько лет не рухнула», – подумал Коптин рассеянно. Споткнувшись у входа о котелок, он заглянул внутрь.

Одеяла, пара ружей и мешки – кроме этого в палатке ничего не нашлось.

Сидор Буслаева – это, конечно, вон тот, побольше. Коптин вдруг обрадованно хмыкнул – в мешке вполне могли оказаться разгадка. Записи Буслаева, вещи какие-нибудь. Просто и безопасно, оставалось только порыться в нем. Шура совсем уж было вознамерился, даже руку протянул, но помешал негромкий шорох.

Сердце вновь заколотилось, шумно и часто. Ладони враз взмокли.

Как можно мягче Коптин обернулся – в палатку заглядывал медведь. Лохматый такой, ушастый. На морде у него явственно читалось любопытство и неодобрение. Неприятный звериный запах влип в ноздри.

Мысли завертелись волчком, затеяли сумбурный рваный хоровод и вдруг исчезли, как по команде.

Медведь не двигался, просунув в палатку морду, и Коптин, наконец, вспомнил о ружье. Медленно, плавно… Главное – не дергаться… Еще медленнее и мягче.

Он прицелился, собираясь спустить курок, но неожиданно медведь сердито рыкнул и резво скользнул вбок, исчезнув из поля зрения. Теперь Коптин видел лишь стволы и желтеющую траву.

В любом случае нужно было покинуть палатку. Но где прятался зверь? Кубарем выкатился Шура наружу и сразу же оказался на коленях, быстро поводя стволом в поисках цели.

Медведь стоял на задних лапах за палаткой и сердито сопел. Потом, сопя еще громче, вцепился когтями в плотный выцветший брезент и стал тянуть палатку на себя. Две растяжки лопнули от первого же рывка, медведь был явно сильнее, чем подгнившие веревки. Не обращая внимания на человека, он поволок к обрыву бесформенный ком, в который превратилась палатка вместе со всем содержимым. Для медведя он справлялся довольно неплохо.

Коптин, разинув рот, наблюдал.

Подтащив свою ношу к самому обрыву, медведь спокойно отправился следом за палаткой. Если и имелась в Буслаевском

сидоре разгадка, она стала недоступной. Впрочем, можно спуститься, но…

Коптин долго стоял с ружьем наперевес и глядел в сторону обрыва. Ему показалось, что на груди зверя виднелась тонкая светлая полоска, и он лихорадочно соображал: бывает ли такое у бурых медведей? У гималайских – знал, бывает. А у бурых?

Ветер тихонько шевелил траву и шумел в кронах.

Кто-то взял Коптина за затылок, обхватив голову, как человек держит яблоко. Шура вскрикнул, силясь обернуться, но держали его крепко. А за спиной раздались престранные звуки: десятки голосов, шорохи, топот, повизгивание, вой и скулеж, скрипучий хохот, глухой хохот, звонкий хохот, треск, вжиканье, улюлюканье, щелчки…

Позади происходило нечто непостижимое, а Коптин мог только беспомощно дергаться да бестолково махать руками. От напряжения и страха сводило мышцы.

Что надоумило его выстрелить в воздух? Трудно сказать. Звуки позади сразу же смолкли, будто радио выключили; Коптин ощутил сильный толчок, от которого выронил ружье и ушел носом в землю. Всего на миг, потому что тут же судорожно приподнялся и бросил взгляд за спину. Там ничего и никого не было.

Пот катился по испачканному землей лицу, как дождевые капли по стеклу во время ливня; поджилки тряслись, а зубы непроизвольно постукивали, словно в стужу.

Никого вокруг, тихо и спокойно.

Не вставая с колен, Коптин затравленно озирался. Ружье валялось рядом, и он потянулся за ним. Вернее, попытался потянуться, так как с места сдвинуться не удалось.

Через минуту Коптин понял, что некая сила неумолимо подталкивает его к обрыву. В эту сторону он мог двигаться совершенно свободно и беспрепятственно. А вот в противоположную не получалось ни шагнуть, ни наклониться, будто возвел кто-то невидимую кирпичную стену, не позволяющую вернуться. Каждый проигранный шаг сдвигал его к обрыву, ближе и ближе.

Повинуясь внезапному порыву, Коптин испробовал направиться вдоль ущелья. Вышло нечто среднее: идти можно, но с трудом, словно сквозь густой кисель. В тот же миг сопротивление пропало, и Шура замер. Потом медленно обернулся; ружье лежало в пяти шагах на жухлой осенней траве.

«Ну его к черту, это местечко! – искренне решил он. – Уберусь, пока не поздно, покажу блокнот кому надо, они пускай головы и ломают, а мне что-то недосуг…»

Думал Шура зло. Злила в основном собственная беспомощность.

Подцепив ружье за ремень, Коптин нарочито неторопливо направился к гольцу, оставляя ущелье за спиной. Каждую секунду он ждал подвоха, но, похоже, ему позволяли уйти.

Впрочем, скоро он наткнулся на знакомого медведя-труженика. Недоверчиво глядя на него, Коптин постарался разминуться, но тот заворчал и поплелся навстречу. Пришлось отступать, все быстрее и быстрее; спустя минуту Коптин уже удирал во все лопатки. Медведь трусил шагах в тридцати сзади.

Дороги Шура не разбирал, и неудивительно, что с разгону вскочил в речушку, неожиданно возникшую на пути в неширокой ложбине. Зверь приближался. Когда вода достигла пояса, Коптин схватился за ружье, вспомнив, как отпугнул медведя от палатки. Но на этот раз косолапый лишь презрительно оттопырил нижнюю губу и неохотно вошел в холодную уже воду. Коптин попятился, но речушка становилось все глубже; отступать стало некуда.

«Неужели понимает, что разряжено?» – запаниковал Шура. Но это же всего-навсего медведь!

Вдруг его осенило – патрон, тот, что вечно вертел в ладони! За ним не нужно лезть в мешок, болтающийся за спиной. Где же он? В кармане?

Медведь приблизился шагов на семь-восемь.

Ружье мигом оказалось переломленным, рука сама собой скользнула в карман.

Пусто.

«Боже, неужели потерял? А в другом?»

Мысли и руки мелькали быстрее стрижей.

«Только бы не намок!»

Вода лизала низ широкого брючного кармана, Коптин лихорадочно нашаривал в нем спасительный желтый цилиндрик.

«Он! А, ч-черт!»

Что-то мешало вытащить руку из кармана, и Коптин сердито рванул ее так, что затрещала плотная материя. Раздался легкий всплеск, но Шура не обратил на него внимания.

Вогнав патрон, он прицелился, ожидая, что медведь остановится или отступит. Тот и впрямь стал, подрагивая то ли от холода, то ли от неустойчивости. Течение все-таки…

Взгляд Коптина оторвался от мушки и сфокусировался на груди медведя.

Светлая полоска на груди была цепочкой, на которой висел маленький медальон – серебристая змейка с красными глазами-бусинками.

Ружье едва не выпало из рук.

Медведь глядел куда-то в сторону, задумчиво, словно бы с сомнением. Никогда доселе Коптин не встречал задумчивых или сомневающихся медведей. Невольно Шура глянул туда же.

Злополучный блокнот, намокая, неторопливо уплывал прочь. Он быстро тяжелел и скоро скрылся в волнах, гуляющих по реке.

Вот что мешало достать спасительный патрон.

Медведь резко развернулся и отправился восвояси, не взглянув на Коптина. Вода зябко хлюпала при каждом его шаге. Выбравшись на берег, он растворился в лесу.

Коптин решился покинуть реку только минут через пять, когда поутихло сердце и стало невмоготу торчать в холодной воде. Ноги основательно замерзли, но он постарался уйти подальше отсюда.

Наверное, потому что глянул во второй раз на медведя, когда тот поворачивался, и заметил только полоску седой шерсти в виде буквы V у того на груди.

Вечером, отогреваясь меж двух костров, Шура не знал, что и думать. Без Лехиного блокнота ему никто не поверит, ясно. Таежные мужички такие басни сказывали долгими зимними вечерами, что, бывало, и не поймешь – плакать или смеяться. Да и сам себе он верил ли?

И посоветоваться не с кем, поговорить. А самое странное – все сильнее хотелось разобраться – пойти в ущелье и найти ответы на мучающие вопросы.

Один, один, вот что плохо. Сгинешь, никто и не вспомнит о тебе, никто не узнает. Даже блокнота после тебя не останется. А пропадать зря кто же захочет?

Что делать-то?

Коптин думал, блуждая взглядом по россыпи звезд, тусклых в ярком свете костров. Где-то позади осталась непонятная борозда, именуемая почему-то ущельем, Унылый голец, коварная речушка в ложбине… Вдали ухал филин и завывал неутомимый странник-ветер.

И тогда Шура Коптин, покопавшись в своем мешке, извлек потертую ученическую тетрадь, пробормотал: «Надеюсь, это не будет ложью…», решительно вывел на обложке: «Ущелье Горного Духа» и задумчиво склонился над пока еще чистым листом.

© 5–11 января 1991

Николаев

Жесты

Роже и сам не понимал, как его занесло на корриду. Ничего привлекательного в том, что несколько человек в ярких костюмах издеваются над бестолковыми быками, он не видел. Но в июльскую жару в крохотном испанском городке Сагаста, что в часе езды от Барселоны, податься было совершенно некуда, и Роже, бросив автомобиль на единственной стоянке, забрел на небольшую пустошь, окруженную неровным кольцом повозок. Оказалось, что в данный момент это никакая не пустошь, а «пласа дель торо». На повозках теснился народ, в большинстве своем – оборванцы со всей округи; впрочем, были и прилично одетые испанцы; в стороне под кричаще-ярким навесом сидели даже какие-то дельцы. Здесь не носили костюмы и галстуки, слишком жарко, но эти вели себя так, словно были облачены именно в костюмы. Они дружно ругали жару и не выпускали из рук банки с кока-колой. Внутри кольца нескладный щуплый паренек размахивал мулетой, пытаясь подостоверней изображать традиционные вероники, полувероники, чикуелины и натуралии. Получалось не шибко. Большой черный бык – торо – вяло его атаковал. Зрители свистели и кричали, подбадривая не то тореро, не то быка.

Роже взял себе колы и устроился рядом с дельцами. В промежутках между проклятиями в адрес погоды они обменивались впечатлениями и тыкали в суетящегося на арене новильеро пальцами.

Роже был туристом. Отпуск он проводил каждый год одинаково: садился за руль и колесил по Европе. Францию успел объехать вдоль и поперек еще в юношеском возрасте. Потом бывал в Бельгии, Голландии, Германии, Дании… В этом году подался на юг, в Испанию. Тяга к перемене мест гнала его вперед, дольше, чем на сутки, Роже нигде не задерживался. Приехав в новый город, он обычно ставил машину где-нибудь в центре, а сам отправлялся бродить пешком. Так произошло и на этот раз.

На арене тем временем сменилось несколько матадоров. Один даже ухитрился заколоть своего быка, и того с большим трудом уволокли за пределы круга несколько дюжих зрителей. Роже откровенно скучал, потягивая колу. Третьесортное зрелище совершенно не впечатляло. Он больше вертел головой и разглядывал зрителей, чем смотрел на поединок. Поэтому вздох толпы и наступившая затем тишина заставили его вздрогнуть и впиться глазами в центр арены.

Видимо, новичок-матадор допустил какую-то роковую

ошибку: бык сбил его с ног. Человек лежал на спине и обреченно смотрел на разъяренное животное, готовое броситься на него.

В толпе закричала женщина, пронзительно и громко. Роже уже решил, что лежащему каюк, когда на арену выскочил серенький неприметный человечек и принялся колотить быка кулаками в крутой черный бок. Торо повернулся к новому противнику, глухо хрюкая, – Роже и не подозревал, что быки способны издавать такие забавные звуки.

А человечку, похоже, этого и хотелось. Роже видел все очень здорово – человечек стоял к нему лицом и чуть правым боком, бык – задом и чуть левым. Казалось, еще мгновение – и бык сметет смельчака, он уже подался вперед, начиная атаку, как вдруг человечек сделал быстрое округлое движение рукой, держа ее ладонью вперед. Бык замер, несколько даже удивленно. Новый пасс – и бык расслабился. Опал воинственно вздернутый хвост, обмякли тугие бугры мускулов. Теперь торо просто стоял, глядя на человечка преданно и тупо, это можно было понять, даже видя быка сзади.

Поверженный новильеро приподнялся на локтях, еще не веря в спасение. Человечек тем временем сделал быку «козу», совсем как поклонник хэви-метал на концерте: указательный палец и мизинец вытянуты, остальные сжаты. Бык завороженно уставился на руку. Некоторое время они не двигались; потом человечек начал вращать руку, медленно заваливая «козу» вправо. Голова быка вторила его движению, наклоняясь в ту же сторону. И вдруг бык грузно и беспомощно опрокинулся набок, словно какой-нибудь неживой предмет.

Над площадью царила мертвая тишина. Потом как-то враз все пришло в движение: несколько человек бросились к все еще лежащему тореро; зрители загалдели, подавшись вперед. Кто-то подошел к быку, вскоре его окружила целая толпа. Дельцы, позабыв о кока-коле, возбужденно переговаривались и в конце концов тоже кинулись на арену. В минуту от тишины не осталось и следа, импровизированная пласа дель торо забурлила, как вода в чайнике. Роже, пожалуй, был единственным, кто не сдвинулся с места. В этой суматохе человечку, уложившему быка на желтый песок, нетрудно было скрыться, чем он и воспользовался. Во всяком случае, когда его попытались разыскивать, выяснилось, что никто не успел заметить, куда он делся.

Сумятица на площади затянулась, и Роже она скоро надоела. Он соскочил с повозки, на которой сидел все это время, швырнул пустую банку из-под колы под колеса и зашагал прочь.

Побродив еще часок и поглазев на приземистые местные домишки, Роже решил двигаться дальше, к Барселоне, соображая,

что неплохо было бы предварительно перекусить. Спустившись в первый встречный подвальчик-бистро он заказал дородному хозяину чего-нибудь посъедобнее и огляделся в поисках укромного места. Единственный посетитель сидел в углу, вяло ковыряясь двузубой вилкой в тарелке. Роже прошел к нему и сел напротив, потому что обедать в одиночку не хотелось.

Человек вздрогнул и недоверчиво посмотрел на Роже. Это был тот самый неприметный ловкач, который час назад уложил разъяренного бойцового быка на арену, словно котенка. Роже его сразу узнал и обрадованно вскинул брови. Он немного соображал по-испански и забормотал что-то восхищенное. Человечек пристально всмотрелся в Роже и хрипло осведомился:

– Француз?

Он не ошибся. Роже обрадовался возможности поговорить на родном языке. По-французски человек говорил совершенно свободно и без акцента, словно коренной парижанин, но чувствовалось, что это не его родной язык. Вообще, он выглядел как испанец – по одежде, но черты лица выдавали его принадлежность к среднеевропейским народам. Он был не смуглым, как южане, а просто сильно загорелым. Имя «Дьюла» ничего не прояснило, да и вряд ли оно было настоящим.

Пришел хозяин с заказом. Роже, заметив, что обед Дьюлы более чем скромен, заказал еще один для него и вдобавок бутылочку старого «Херес де ла Фронтера». Хозяин понимающе улыбнулся и исчез, вернувшись со всем необходимым буквально через минуту.

Вино скрасило обстановку, и Дьюла перестал казаться таким чужим. Похоже, он ничего не имел против разговора.

Роже, не переставая жевать, заметил:

– Я вообще-то ничего не смыслю в корриде, но быка вы уложили очень здорово!

Незнакомец усмехнулся:

– Честно говоря, я смыслю в корриде не больше вашего.

Роже изумился – он-то был уверен, что Дьюла применил какие-то профессиональные матадорские секреты. Видя его удивление, Дьюла пояснил:

– Я впервые в жизни в Испании. Всего второй день. И впервые в жизни увидел человека с красной тряпицей перед быком.

Он даже не знал слова «мулета».

– Тогда я вообще ничего не понимаю.

Дьюла пристально взглянул Роже в глаза.

– Просто я немного знаю повадки некоторых животных.

– А-а! Вы биолог? – протянул Роже понимающе.

– Отнюдь! – усмехнулся Дьюла. – Образования у меня

никакого.

– Тогда вы наверняка охотник. Хотя я не представляю, где в Европе можно поохотиться так, что удастся изучить повадки животных.

Дьюла посмотрел на Роже еще пристальнее.

– Вы правы. В Европе охотиться негде.

Он помолчал.

– Послушайте… У вас есть машина?

Роже кивнул.

– И куда вы… направляетесь?

Роже пожал плечами:

– Скорее всего – на юг.

– А в Барселону? Не отвезете меня в Барселону?

– Могу и в Барселону, – согласился Роже. – Прямо сейчас?

Незнакомец часто-часто закивал.

– Тогда доедаем – и вперед! Идет? – спросил Роже весело.

Дьюла замялся.

– Машина ваша далеко?

– На стоянке. – Роже прикинул. – Минут десять пешком. А что?

Дьюла раздельно произнес:

– Видите ли… Я предпочел бы не показываться на улице. Заедьте сюда, а? Я был бы очень благодарен.

– Хорошо, – пожал плечами Роже. – Тогда я пошел.

Он расплатился и вышел; незнакомец остался допивать херес. Уже на улице Роже сообразил: сидит он так, что снаружи его никак не разглядеть.

Вернулся Роже быстро. Быстрее чем ожидал. Незнакомец все так же сидел за столиком.

– Машина здесь! – сообщил Роже по-прежнему весело.

Дьюла заметно оживился: вскочил, прокрался к выходу. Потом осторожно выглянул. Улица была пустынна. Роже с удивлением воззрился на него.

– Вы кого-нибудь боитесь?

Незнакомец не ответил.

Роже открыл дверцу и сел за руль, кивнув все еще топчущемуся в дверях Дьюле:

– Ну! Никого нет.

Дьюла опрометью нырнул на заднее сидение и улегся так, чтобы его не было видно. Роже рванул с места; шины истошно завизжали. Гнал он быстро и часто сворачивал. «Детектив, так уж тогда по всем правилам!» – подумал он с подъемом. Вообще-то, Роже всегда был немного авантюристом.

Дьюла лежал тихо; Роже, чтобы себя подбодрить, принялся

насвистывать что-то вдохновляюще-маршевое.

На самом выезде из города невысокий человек у темно-синего «ситроена» умоляюще замахал рукой.

– Какой-то человек голосует, – предупредил Роже Дьюлу. Тот выглянул и тотчас же спрятался.

– Господи! Это они! Они…

Роже смутился. Человек был совсем не страшный. Наверняка заглох двигатель, а справиться сам не может.

Дьюла зашептал:

– Остановите, но выходить не надо. И дверь не открывайте. Он наверняка просунет голову в окно, ради всего святого, держите тогда его покрепче, а там уж я…

Роже притормозил, с удивлением узнав в ждущем человеке одного из дельцов, виденных на корриде.

Все произошло так, как предвидел Дьюла. Человек просунул голову в окошко; Роже тут же схватил его за уши. Дьюла мгновенно возник из-за спинки кресла; краем глаза Роже узрел, что он сделал ловкое неуловимое движение рукой – и человек сразу обмяк. Дьюла вытолкнул его наружу, Роже несколько ошарашенно отметил, что человек повалился на асфальт в лучших традициях мешков с картошкой, а Дьюла уже шептал: «Жми!»

Роже машинально дал газу – и скоро человек и его «ситроен» остались далеко позади.

Детектив, похоже, получался вполне настоящий. Роже стал опасаться, что зря впутался в эту историю. Дьюла сопел за спиной. Перед глазами по очереди вставали то арена с лежащим быком, то человек, упавший поперек дороги. Роже нервно рулил, поглядывая в зеркальце.

– Кажется, улизнули, – выдохнул Дьюла.

– А кто это был? – осторожно поинтересовался Роже.

Дьюла пожал плечами:

– Черт их знает! Какая-то спецслужба, скорее всего, американская.

Роже тихо выругался. «Влип!»

– Послушайте, – сказал он Дьюле. – Я еще могу понять, что охотник усмиряет быка. Но на людей-то вы, наверное, не охотились?

Дьюла молчал.

– Могу я знать, черт побери, ради чего рискую?

Сопение сзади усилилось. Наконец Дьюла произнес:

– Видите ли… История может показаться странной. Впрочем, судите сами. Дело в том, что я умею жестами воздействовать на психику живых организмов. И из-за этого пустяка на меня

устроили настоящую охоту.

– Как это жестами? – не понял Роже.

– Вы же видели, – указал Дьюла назад – и перед глазами вновь возник человек, безжизненно валяющийся поперек дороги, – жестами рук.

– Разве это возможно?

– Вы же видели, – повторил Дьюла.

– А что, больше никто этого не умеет?

– Вообще-то умеет… Это очень сложное искусство. Овладеть им возможно только за десять-пятнадцать лет путем непростых тренировок. Да и то далеко не у каждого получится. Я долгое время провел в Африке. Удивительный край! Вряд ли белые когда-нибудь поймут его хоть немного, – Дьюла усмехнулся. – В центральных странах, в самом сердце джунглей, есть одно племя, почти первобытное. Эти люди очень много знают о животных. Неудивительно – живут ведь бок о бок сотни лет. Они-то и поняли, что на них можно влиять жестами.

Дьюла ненадолго умолк, видимо, погрузившись в воспоминания.

– Помню, как увидел это впервые. Представляете себе рассерженного слона? Громадина, уши растопырены, бивни вперед, а слоны бивнями, между прочим, стальные листы корежат. И скорость километров сорок по бездорожью. А на пути у него – человек. Без ружья, даже без копья или топорика. И вдруг: легкое движение руки, вся эта громадина мигом успокаивается и мирно удаляется. Так-то. А позже я и сам стал этому учиться.

Роже пытливо поглядывал через плечо на спутника.

– Вообще, Африка – воистину загадочный континент. Вы слыхали хоть что-нибудь о суданских чародеях? Они умеют поднимать на ноги мертвых…

– Погодите с чародеями, – пробормотал Роже и дернул головой в сторону Сагасты. – Что знают о вас те молодчики?

– Приблизительно то же. Их это страшно заинтересовало. Впрочем, неудивительно…

– Как они это объясняют?

– Подозреваю, что никак. Назвали – кинетическим гипнозом. А объяснить, наверное, не могут. Потому и ловят, – подытожил Дьюла.

– Кинетический гипноз? Гм, первый раз слышу, – Роже побарабанил пальцами по рулю. Некоторое время они молчали. – Ну, и как будем выпутываться?

Дьюла за это «будем» благодарно сжал плечо своему нежданному помощнику.

– Надо улетать. Чем скорее, тем лучше. Может быть, оторвусь. Денег у меня как раз на авиабилет.

Роже закивал. Потом вздохнул:

– Интересно, как вы это делаете?

Дьюла невесело усмехнулся:

– Руками…

– А почему не ногами или, скажем, головой?

Дьюла усмехнулся шире:

– А вы попробуйте ногами совершить любое достаточно сложное движение. Человек для этого попросту не приспособлен. Не-ет, руки – это единственное, что может двигаться тонко, точно и выразительно. Даже в наручниках. Они ведь уже взяли меня однажды.

– И?

– Удрал. Слава Богу, руки впереди закрыли, а не за спиной. Двоих обработал и ходу… Но теперь они ученые. Второй раз не оплошают.

– А что происходит с людьми, которых вы обработаете?

– От меня зависит. Смотря как глубоко проникать. Можно обездвижить на час, на два. Можно навсегда. Можно усыпить. Ослепить или лишить слуха. Да что угодно – можно даже заставить вообразить себя кем-то иным – зверем, например. Или деревом. Что в голову взбредет, – Дьюла говорил равнодушно, словно о ценах на пирожки где-нибудь в Буэнос-Айресе, а Роже содрогался от каждого слова. Это все наверняка было правдой. От первого до последнего слова.

– Но если этому трудно и долго учиться, какой прок от этого спецслужбам?

Дьюла тускло уставился на Роже.

– Вы телевизор смотрите?

Роже кивнул, ожидая продолжения.

– Неплохо показать меня посреди любой гвоздевой воскресной программы, а? Бац! – и полстраны валяется. Они ко всему относятся как к оружию.

Роже потрясенно уставился на собеседника, на миг потеряв контроль над автомобилем.

– И вы сделаете это?

– А что стоит напичкать меня наркотиками? До невменяемости…

Шоссе стремительно рвалось навстречу.

– Улетать нужно, – глухо сказал Дьюла. – В Африку, в джунгли. К слонам.

Роже с трудом переваривал свалившиеся на его праведную голову новости. Впереди уже виднелась Барселона – первое, что

бросилось в глаза, конечно, плотное облако смога, неотъемлемый спутник всех больших городов.

– Я сворачиваю в аэропорт, – сказал Роже, завидев указатель. – Как действуем?

Дьюла ответил сразу, видимо, давно все решив и продумав:

– Если захотите помочь…

– Захочу, – перебил Роже.

– Спасибо. Тогда вот деньги. Билет. Куда угодно. Лучше в Африку. Конго, Заир, Уганда – без разницы. Лучше, чтобы прямо сейчас. Ну, а там уж буду прорываться. Только осторожнее, если что подозрительное – ко мне не возвращайтесь. Ждите.

«Подозрительное, – уныло подумал Роже. – Дураки они, что ли, в этих своих спецслужбах?»

Дьюла остался в машине. Роже, стараясь выглядеть непринужденно, направился ко входу. В холле все было, как и везде на вокзалах: люди, чемоданы, игральные автоматы, эскалаторы и бары. Медленно пересекая зал, Роже шарил вокруг глазами. Сердце отчаянно колотилось, ноги слушались далеко не так охотно, как всегда. Пожалуй, на ниве разведчика Роже не снискал бы лавров…

У касс народу почти не было. Роже наклонился к окошку и почему-то вздрогнул. Возникшее предчувствие было очень нехорошим.

Он обернулся. Крепкие ребята в изысканных костюмах вели Дьюлу от машины с заломленными за спину руками. Ошибок повторять они не собирались. Роже подошел к самому стеклу. На него никто не обращал внимания. Только Дьюла тоскливо и безнадежно посмотрел на него и виновато опустил голову.

Роже маячил у прозрачной стены аэровокзала потерянно и одиноко.

– Как быстро… – пробормотал он шепотом.

Они и правда не дураки в этих своих спецслужбах.

А потом он остервенело жал на акселератор, глядя на мелькающие за окном деревья, судорожно ворочал рулем и упрямо твердил про себя:

«Выброшу телевизор! К чертовой матери!»

© Октябрь 1988

Николаев

Средство от одиночества

1.

Море было ласковое и спокойное, на светлый прибрежный песок оно посылало мягкие шуршащие волны, полные разноцветных солнечных бликов. Но Вилька прекрасно знал, что далеко не всегда оно такое. Силу и мощь взбешенных водяных гор он познал давно, и его любовь к морю смешивалась с почтительным уважением.

Вилька прищурился, не пуская в глаза яркое солнце, и направился к своему любимому месту. Холодный после ночи песок приятно щекотал ноги. Наверху, на обрыве, он замер.

Каждый день он видел эту картину и каждый день замирал от восторга на самом краю, там, где берег круто обрывался. Перед ним раскинулось оно – бесконечное и могучее море; высота позволяла видеть далеко, и он никак не мог привыкнуть, что это живое аквамариновое чудо принадлежит и ему тоже. Оно было изменчиво и непостоянно, вчера над волнами стлалась призрачная синеватая дымка, а сегодня воздух стал пронзительно прозрачен и горизонт угадывался где-то неимоверно далеко, а за второй косой играли дельфины.

– Пришли! – улыбнулся Вилька. – Вернулись!

Он часто играл с дельфинами, заплывал очень далеко. Плавал он феноменально. И, кроме того… Но об этом Вилька предпочитал не вспоминать.

Дельфины были знакомые. Они вообще очень игривый народ, и Вильку считали если не совсем своим, то, по крайней мере, больше, чем просто человеком. Иногда он ночевал с ними в море, а утром мать встречала его с отчаянием в глазах. Она молчала, но Вилька угадывал ее боль и еще сильнее замыкался в себе. Боль за него, за Вильку. Но тут он был бессилен.

Зажмурившись, Вилька подумал: «Хорошо бы сигануть прямо отсюда в море!» Но здесь было мелко, а летать Вилька, к сожалению, не умел. Вот дальше на запад, за маяком, – пожалуйста. Вилька не раз бесстрашно прыгал с пятидесятиметровой высоты, знал, что дна все равно не достанет. А здесь – мелко, от силы по пояс. Настоящая глубина начиналась дальше – за второй косой.

Вилька ушел вправо, где вниз змеилась узкая крутая тропинка. Он спустился уже наполовину, когда заметил внизу одиноко лежащую фигуру. Вилька нахмурился – никто не имел

права посягнуть на его территорию. Туристы здесь никогда не появлялись, уходили либо на Евпаторию, либо на Донузлав. Курортники тянулись к обширным песчаным пляжам, а не к скалам и обрывам, и за все лето Вилька тут никого не встретил, оставаясь наедине с морем. Он искал одиночества и менял людское общество на море и дельфинов, а боли не чувствовал лишь потому, что давно привык к ней.

Внизу оказалась девушка. Травянисто-зеленый купальник, разбросанные по плечам волосы. И лежит лицом вниз, уткнувшись в сложенные руки. Рядом, под ивой, виднелась пара вьетнамок и бело-голубая динамовская майка.

«Лежит, – неприязненно подумал Вилька. – Как у себя дома…»

Он уже спустился и бесшумно приблизился на десяток шагов. А потом решил: ведь пришел он не к этой непрошеной девчонке, а к морю. Вот и пойдет к морю.

Все так же бесшумно он сбросил рубашку, совсем рядом с динамовской майкой, неслышно вошел в воду и, зайдя по колено, скользнул во встречную волну. Земля стала мерно уходить назад.

Минут через десять Вильку засекли дельфины, и спустя еще минуту он оказался окружен темными блестящими телами. Дельфины смешно попискивали и пронзительно свистели, дружелюбно толкая Вильку тупыми твердыми рылами, а Вилька дергал их за плавники и шлепал по теплым гладким бокам. Так они здоровались. С афалинами Вилька подружился позапрошлым летом, когда залечил рваную рану их старому вожаку, которого окрестил «Джоном», и странный союз человека, бежавшего от людей, и аристократов моря оказался очень крепким. Афалины все лето держались вблизи берегов, лишь изредка пропадая на несколько дней. Иногда Вилька встречал и других черноморских дельфинов – белобочек, но они были менее общительны, хотя и не менее дружелюбны.

В возне с дельфинами Вилька постепенно забыл о незнакомке. Потом он таскал бычков на донку у небольшого островка в семи километрах от берега, где давно устроил себе шалаш и запас: все необходимое для коротких визитов – от пачки соли и котелка до комплекта крючков и радиоприемника. Назад он собрался под вечер. Вновь объявились дельфины, охотившиеся где-то неподалеку, и Вилька, уцепившись за Джона, вмиг оказался у берега на второй косе. Ближе афалины обычно не подплывали, и Вилька, махнув им рукой, добрался до суши в одиночку.

И тут же вспомнил утро. От незнакомки остался только слабый силуэт на песке и цепочка следов, уходящая вверх по тропе. Вилька ухмыльнулся, подобрал свои вещи и побрел домой.

Мать вновь встретила его полным отчаяния взглядом. Вилька втянул голову в плечи и опустил глаза.

– Есть будешь? – тихо спросила мать.

Вилька замотал головой. Мать притянула к себе его вихрастую голову и прижалась щекой к вечно влажным и соленым волосам. Вилька вздрогнул и медленно отстранился. Мать снова посмотрела на него, и в глазах ее было еще больше отчаяния и боли.

Проснулся Вилька еще до рассвета. Матери уже не было, и он, наспех перехватив холодной картошки, снова направился к своему месту.

Замерев на несколько минут на обрыве, Вилька окинул взглядом зеркальную гладь, в которой зыбко отражалась небесная голубизна, и было непонятно, или это небо такое голубое, или море… Солнце тянуло из-за горизонта рыжие теплые лучи и озорно выглядывало краешком. Вилька полюбовался немного и, осыпая на склонах глину, спустился вниз. Под ивами было пусто. Усмехнувшись, он оставил на обычном месте рубашку и кепку (обуви летом Вилька не носил) и юркнул в холодную с утра воду. Заплывать никуда не хотелось, он стал нырять у первой косы, подолгу оставаясь под водой. Феерический подводный мир завораживал, и он жадно наблюдал за шустрыми полосатыми рыбешками, сновавшими среди камней и водорослей, за крапчатыми глазастыми крабами, важными медлительными медузами и бестолковыми суматошными креветками, обладателями потрясающе длинных фосфоресцирующих усов.

Девушку он заметил неожиданно – она стояла на обрыве, где совсем недавно стоял сам Вилька, и, наверное, так же восторженно смотрела на море, ибо что еще можно делать, так долго стоя на обрыве? Вилька сразу исчез под водой, сильно отталкиваясь ногами от песчаного дна, одолел полсотни метров до берега и спрятался за длинными ветвями ивы, сплошной зеленоватой завесой скрывших его ладную фигурку. Девушка осторожно спускалась по тропе, на ней были вьетнамки, вчерашняя длиннющая майка, доходившая ей до середины бедер, и большие темные очки. Вилька уставился на нее с крайним неудовольствием. Раз потревожив его, она осмелилась вновь появиться здесь. Это могло войти в привычку, а свое право на одиночество Вилька не собирался уступать никому. Девушка спустилась на узкую полоску песка перед водой и медленно пошла к ивам.

Вилька почему-то вспомнил смешную песенку:

Девушка Маруся – розовые губки

Носит макси-майку вместо мини-юбки.

К незнакомке это подходило вполне. Вилька собрался выйти из укрытия, но тут девушка заметила его линялую выгоревшую рубаху и испуганно – именно испуганно – огляделась.

Вилька скрипнул зубами и отбросил ветви ивы. Девушка вздрогнула и невольно попятилась. Сделав несколько шагов вперед, Вилька поравнялся со своей рубашкой, сложил руки на груди и упрямо нагнул голову.

«Уходи отсюда!» – хотел сказать он, но тут взгляд его наткнулся на маленькую блестящую вещицу, лежащую на песке у ноги, – заколку для волос с зеленой черепашкой у изгиба.

Девушка стояла, опустив глаза. Вилька чертыхнулся про себя и вдруг понял, что уже не скажет ей: «Уходи». Потому что понял другое – она тоже искала одиночества. Как и он. И поэтому приходила сюда.

Стоять друг против друга и молчать было глупо, и Вилька сделал первое, что пришло в голову: поднял черепашку и протянул ей.

– Твое?

Девушка пугливо подняла взгляд на Вилькину ладонь и коротко кивнула.

– Ну так бери, – зло сказал Вилька, подойдя еще ближе.

Она осторожно протянула руку и взяла свою заколку, так и не отрывая глаз от песка у себя под ногами.

– Зачем ты сюда приходишь? – Вилькин голос звучал жестко, как скрип гвоздя, царапающего стекло.

– Это твое место, да? – тихо спросила девушка и впервые подняла голову. Вилька узнал ее сразу.

Дело было на пляже в Евпатории с месяц назад. Что он делал в городе, Вилька уже не помнил. Помнил, что к полудню забрел на пляж. В море выдавался скрипучий мостик с окрашенными в вызывающе-красный цвет перилами. Мостик густо облепили отдыхающие и полусумасшедшие рыбаки, надеющиеся что-то поймать в кишащем людьми, матрасами, мячами и размокшей бумагой месиве. Вилька намеревался прыгнуть в воду, но прямо перед ним кто-то из рыбаков уронил спиннинг и попросил ближайшего паренька достать. А тот оказался на редкость сухопутным, ко всеобщей потехе, и ни плавать, ни нырять не умел. Тем не менее он попытался, но погрузиться так и не смог. Окружающие покатывались со смеху, но паренек ни капельки не смущался и азартно повторял попытки. Потом кто-то посоветовал ему взять в руки тяжесть. Невесть откуда взялась кувалда – и он

наконец достал спиннинг, зато кувалду утопил. Это вызвало новую бурю хохота. И тогда кто-то с разбегу перелетел через перила, долгую секунду падал с высоты и отвесно скользнул в воду. Это была та самая девушка. Она положила кувалду на балку у самой воды и, не глядя ни на кого, взобралась опять на мостик. Вилька тогда гораздо больше удивился неумению плавать горе-спасателя спиннинга, чем красивому и смелому прыжку девушки. Но другие парни, чтобы не ударить в грязь лицом, стали вертеть такие головоломные сальто, что это быстро превратилось в состязание. Девушка в зеленом купальнике больше не прыгала – ей негласно отвели роль королевы бала. Вилька мог бы заткнуть за пояс любого – но зачем? Он не собирался участвовать в прыжках, куда больше его интересовало дно. Поэтому он лениво, боком, плюхнулся и сразу же погрузился к самому песку. Интересного хватало – как всегда на пляже, дно кишело всевозможным хламом – от потерянных монет и медальонов до бутылок и автопокрышек. В бутылках прятались мальки бычка, Вилька долго потешался, наблюдая за ними. И, видать, забылся, потому что просидел в воде дольше, чем положено нормальному человеку. Сверху донесся всплеск, бычки шарахнулись врассыпную, а давешняя ныряльщица норовила схватить Вильку за волосы и вытащить на поверхность. Тот еще ничего не успел понять и возмущенно отбивался. Девчонка оказалась на редкость упорной и не прекращала попыток «спасти» Вильку; и то, что его приняли за утопленника, Вилька сообразил, только когда она ушла наверх за воздухом. Пришлось поспешно удирать между опор моста и скрываться среди купающихся в сотне метров левее. А когда суматоха достигла пика и на воде появилась лодка спасателей, а потом еще и завыла сирена, Вилька вспомнил, что просидел под водой минут десять и ни разу не всплыл, чтоб сделать вид, будто набирает воздух.

А девушку ту он запомнил накрепко, не подозревая, что встретится с ней еще когда-нибудь.

А теперь она стояла перед ним, робко глядя в сторону, и спрашивала:

– Это твое место, да?

– Да, – подтвердил Вилька, – это мое место. Мое и ничье больше.

Девушка чуть улыбнулась.

– Прости… Но мне здесь нравится. И пришла я к морю. К МОРЮ.

В голосе и словах ее прозвучало что-то задевшее Вилькину привязанность к морским чудесам. И он вскипел, как мальчишка:

– К Морю? Тогда пошли!

И пошел, не оборачиваясь, к воде. Девушка сбросила свою макси-майку и смело пошла следом.

Вилька резво взял курс на остров и лишь изредка косился на нее. Она не отставала. Как Вилька ни ждал – не отставала. Когда впереди замаячил остров, она вздохнула с облегчением, но и тут не отстала.

Вилька неторопливо выбрался на сушу. Девушка уже не плыла – шла по пояс в воде. Потом стала пошатываться, а у самого берега оступилась и упала. Вилька испуганно поднял ее и вынес на песок, раскаленный полуденным солнцем, и подумал, что если для него семь километров пустяк, то для других, видимо, нет.

Девчонка разбито обняла колени и мелко дрожала на ветру. Вилька принес огромное махровое полотенце и набросил ей на плечи. Она закуталась и закрыла глаза.

– Устала? – спросил Вилька, чтобы больше не молчать. Он и так видел, что она не то что устала, а совершенно опустошена.

Девушка кивнула, по-прежнему дрожа, мелко, как работающий холодильник. Вилька нахмурился и положил руку ей на плечо. «Как лед, – подумал он. – Так и есть, переохладилась. Эх, Вилька, она же не дельфин и не ты, хотя и любит море. Загнется еще, чего доброго…»

– Ну-ка пошли, – вслух скомандовал он и увел девушку в шалаш. Она еле передвигала ноги, и пришлось поддерживать ее все дорогу. В шалаше, который больше напоминал добротный и уютный домик, Вилька дал ей свой теплый спортивный костюм:

– На, надень. А я пока чай соображу.

Он набрал воды и развел у входа костер. Девушка уже переоделась и, устало улыбаясь, сидела у стены шалаша. Вилька поднял голову и поинтересовался:

– Есть будешь?

На ее месте он бы не стал. Девчонка тоже не стала.

Потом Вилька долго отпаивал ее горячим сладким чаем и видел, как девчонка постепенно отогревается. Примерно через час Вилька поднялся:

– Пойду крабов наловлю…

Девушка посмотрела ему в глаза – первый раз за все время.

– Ты не замерз?

Вилька пожал плечами:

– А почему я должен замерзнуть?

Она виновато улыбнулась:

– Я же замерзла…

– Ну и что? Дельфины тоже не мерзнут. Ну, а ты ведь не дельфин.

– А ты?

Вилька замер. Он не знал, что ответить, и мучительно искал нужные слова.

– Кто ты? Почему ты не мерзнешь в воде, хотя проводишь в воде по двенадцать часов? Почему тебе не нужен воздух, чтобы дышать? Почему ты всегда один?

Вилька медленно обернулся.

– Кто я? Я и сам не знаю, кто я. Я просто слишком люблю море, чтобы любить еще кого-нибудь. И люди не захотели мне этого простить.

Он помолчал и добавил:

– Я пошел за крабами.

Крабов ловить Вилька не стал, просто поплавал вдоль берега, срывая злость на мускулах. Плавал до тех пор, пока не заметил девушку, стоящую на песчаном холме у самой воды. Смотрела она прямо на него. Вилька смутился и без настроения выбрался на сушу. Девушка встретила его улыбкой.

– Где же крабы?

Вилька хмуро отмахнулся:

– Да ну их… Пусть живут.

– А где твои дельфины?

– Не знаю, – пожал Вилька плечами, – наверное, охотятся в море. Только они не мои, – он подозрительно покосился на девушку. – А ты откуда знаешь про дельфинов?

Она мягко взяла его за руку.

– Ты прости меня… я давно за тобой наблюдаю. С тех пор, как пыталась спасти тебя на пляже. Помнишь?

Вилька ощерился:

– А ты что, питаешь слабость к нелюдям? – он вырвал руку и отвернулся. Да, он может обходиться под водой без дыхания по нескольку часов. Да, он не такой, как все. Наверное, он и не человек вовсе. Но какое дело до этого ей?

Но вслух Вилька ничего не сказал.

А девчонка взяла его за плечи и властно сказала:

– Загляни мне в глаза! Видишь? – голос ее вдруг сорвался. И Вилька увидел.

Глаза сияли изумрудно-зеленым светом, и зрачок был не круглый, а вертикально-щелевидный, как у кошки.

– Ты этого хотел? Смотри дальше!

Девушка держала в руке нож – обычно Вилька чистил им рыбу.

– Смотри! – и безжалостно полоснула себя по пальцу. Порез сразу окрасился в нежно-голубой цвет, и выступившая жидкость тоже была голубой. – Думаешь, я принцесса? У меня кровь на

медной основе, а не на железной, как у тебя, как у всех! Я больше нелюдь, чем ты, понял?

И тут Вилька испугался – впервые и по-настоящему. А девчонка вдруг уткнулась ему в плечо и заревела, как обиженная первоклассница, и на руку Вильке закапали ее слезинки – самые обычные, как у людей.

Когда она успокоилась хоть немного, Вилька во второй раз отвел девушку к шалашу. Костер еще горел, и язычки пламени тихонько плясали в такт со слабым ветром.

– Как тебя зовут?

– Женя… А тебя?

– Вилька.

– Как? – удивилась девушку.

– Вообще-то меня зовут Вилен, – неохотно пояснил Вилька, – тебя ведь редко называют Евгенией, верно? Вот и меня называют проще – Вилька. А в школе еще дразнили Вилкой, Ложкой и Тюленем.

Он помолчал. Первый раз в жизни захотелось высказаться – и он решился.

– Я не знаю, почему стал таким. Врачи говорят, что у меня какой-то необычный капиллярный обмен. И в крови что-то не так. Правда, кровь на вид обыкновенная, красная, – усмехнулся Вилька, и вышло это совсем по-детски, мягко и застенчиво, – короче, под водой мой организм либо вовсе обходится без кислорода, либо добывает его прямо из воды. И вижу я под водой лучше, чем на воздухе. Водяной, словом…

Женя слушала затаив дыхание. Вилька покосился на ее пострадавший палец – обычный порез, только почему-то синий… Надо же, кровь на медной основе…

– Моя мать однажды чуть не утонула, – продолжил он, – ее вытащили, привели в чувство, но воды она все же нахлебалась. Через четыре месяца родился я. И в возрасте двух недель свалился с мостика в море. Вернее, не свалился, а скатился. Под водой пробыл, говорят, минуты три, пока хватились. И не захлебнулся. Так, полежал на дне и все. У матери после этого ресницы седыми стали. И она никому об этом не рассказывала. А я и рос возле воды – нырял, плавал, плескался, – Вилька горько усмехнулся, – и вырос. То ли вилка, то ли ложка, то ли тюлень.

– Дельфин, – тихо поправила Женя.

Вилька промолчал, только зябко передернул плечами, хотя совсем не замерз. Женя подняла голову.

– А я не знаю, кто я и что со мной. Росла как все, играла с детьми, пошла в школу. Пока не задумалась, что у Homo sapiens не бывает кошачьих зрачков и медной крови.

Женя смотрела куда-то вдаль, сквозь Вильку, словно и не было его рядом.

– Родители не скрывали, что я не их дочь. Как это ни банально, но меня им подбросили. В поезде. Попутчики вышли ночью, а ребенок остался. Не бросать же его? Мать с отцом не бросили. Сначала думали, что меня искать будут, в милицию заявили. Но никто не искал. А когда начали интересоваться органы опеки, они удочерили меня официально.

Она сняла и подала Вильке маленькую треугольную пластину на изящной витой цепочке – Вилька думал сначала, что это медальон.

– Вот, смотри. Это все, что на мне было тогда, если не считать вполне обычных земных пеленок.

Вилька вздрогнул. Земных?

На пластине рельефно проступали три значка – + Л U. Серовато-сиреневый металл тускло отблескивал и, казалось, почти ничего не весил. Вилька повертел цепочку в руках – ничего необычного, только металл все тот же.

– Это сплав бериллия и цинка с примесями осмия и платины, – пояснила Женя.

Вилька еще раз взглянул на цепочку с пластиной и вернул хозяйке.

– Нам ведь еще назад плыть, – сказал он задумчиво. – Выдержишь?

Женя кивнула:

– Только чуть позже, ладно? Под вечер.

«Под вечер так под вечер», – согласился Вилька безмолвно.

Он никак не мог осознать реальность встречи с кем-то близким, ибо слишком привык противопоставлять себя людям, чтобы терпеть кого-нибудь рядом с собой.

– Вилька, а что это за остров? Как он называется?

Тот пожал плечами:

– Не знаю, не задумывался. Наверное, остров Нелюдей…

Женя внимательно посмотрела на него, и Вилька выдержал этот долгий пристальный взгляд.

– А ты злой…

– А ты добрая? – угрюмо отозвался Вилька.

– Не знаю… Но, наверное, не такая злая, как ты. Скорее всего, именно поэтому у тебя нет друзей.

– Ты говоришь так, будто у тебя друзья есть.

Женя болезненно поморщилась:

– Увы. У меня друзей тоже нет.

– Так чем же твоя доброта лучше моей злобы? – перебил Вилька, и голос его слегка дрогнул. – Чем?

– А чем хуже? Ведь я живу, живу так же, как и ты. Значит, не хуже?

Вилька не смог ответить. Он давно усвоил одну простую истину: если не сопротивляться – тебя съедят. В сыром виде и очень быстро. И он сопротивлялся, даже когда этого делать не стоило. Он жил по закону: «людям – людское, мое – мне», противопоставляя себя остальным. Женя, наоборот, пыталась слиться с людьми, но рано или поздно они отторгали странную девушку с кошачьим взглядом, как отторгает тело чужие ткани.

Они посмотрели друг на друга, и каждый подумал, что ближе существа для него, пожалуй, нет.

На материк вернулись, когда начало темнеть. На этот раз Женя совсем не устала, Вилька тащил ее все дорогу на себе, как она ни протестовала. На обрыве, в неглубокой ложбинке, Женя оставляла свой мотоцикл. Она надела шлем и привычным коротким движением взялась за руль.

– Я приеду завтра…

Вилька кивнул. На светлую майку Жени садились комары и ночные бабочки.

Они постояли немного среди стрекота цикад и теплых потоков летнего воздуха, поднимающихся от моря. Потом Женя легко вскочила на мотоцикл, мотор взревел, и стремительная машина прыгнула вперед, вздыбилась на заднее колесо, прокатила так метров десять, опустилась вновь и рванулась в темноту крымской степи.

Вилька еще долго различал пятнышко света впереди и рокот мотора, затихающий в вечерней тиши.

2.

На пляже было людно – казалось, брось здесь яблоко, застрянет в толпе, не долетев до песка. Олег хорошо знал Евпаторию, Генка не знал вовсе, поэтому первый радовался, узнавая знакомые места, второй радовался, что наконец увидел Крым. Они двое – Олег Левуднюк и Геннадий Яковлев – являлись форпостом своей группы. Лето заканчивалось, осталось чуть больше двух недель, и не использовать их было попросту преступлением. Выход нашли молниеносно: велопоход в Крым. Шестеро студентов-однокурсников собрались в Николаеве, где жили Олег с Генкой, в считанные часы снарядились и стартовали. Приключений в пути хватило бы на десяток романов Дюма, шестерка их мужественно преодолевала, и на исходе третьего дня впереди показались стены древнего города. Четверо остались

ковырять сдохший велосипед, а Олег с Генкой отправились прозондировать местность.

Евпаторию они нашли слишком людной и шумной и поехали искать место за городом. И нашли великолепную стоянку – небольшой пляжик среди скал, рядом ивовые заросли и совсем недалеко – невесть откуда взявшийся кроха-стадион: небольшое поле, поросшее желтоватой травой, пара ворот по бокам и несколько рядов некрашеных скамеек. Олег с Генкой вбили вешку с высокопарной надписью и повернули назад. В Евпатории, среди тысяч курортников, оба с восторгом подумали о своем месте.

Через час уже все шестеро яростно разбивали лагерь. На пустом месте выросли две палатки, велосипеды припарковали у круто поднимающейся стены обрыва и закрыли брезентом. Саня Григорьев колдовал у костра, надев свой белый шутовской колпак с крупной надписью «ШЕФ-КУХАРЬ», Вадик Яхнич и Андрей Князев бродили по колено в воде, то и дело издавал истошные крики: «Полундра, краб!!», а Валек Бугунков извлек из рюкзака и настроил приемник, и свежий ветерок подхватил и разнес замысловатую мелодию «Поп-механики» Сергея Курехина.

Начало было великолепное. Море встретило велобродяг ласково и приветливо, а когда есть море, гитара и старая дружба, чего еще желать в летнем походе вечерами?

После изнурительного трехсоткилометрового марша, длившегося два световых дня, вся гвардия бессовестно дрыхла до следующего полудня. Пока проснулись, пообедали и накупались, солнце начало сползать к горизонту.

Громкий озорной голос застал всех врасплох:

– Эй, туристы! На выход!

Из левой палатки вывалился растрепанный Князев – его вытолкнул наружу здоровяк Григорьев, дав попутно инструкцию: «Ну-ка разузнай, кто это там».

Князев барахтался некоторое время, выпутываясь из веревок, потом встал. Перед ним стояли две девушки – в одинаковых полосатых футболках, таких же полосатых гетрах, адидасовских трусах и бутсах. Одна держала подмышкой дорогой футбольный мяч.

Из правой палатки сонно поинтересовались:

– Андрюль, что там за шум?

Андрюль немедля сделал дамам реверанс и заорал через плечо:

– Други! Наш лагерь посетили с официальным и, наверное, дружественным (хотя, может, и вражественным) визитом две очаровательные мисс!

Из каждой палатки высунулось по голове – Григорьев и Вадик

Яхнич. Их реакция была идентичной:

– О!!

– Здравствуйте, мальчики! – весело поздоровались мисс. – Мы к вам по делу.

– Нам построиться или как? – поинтересовался Шура Григорьев и, не дожидаясь ответа, заорал: – Полундра, стройся!

Все шестеро мигом повыскакивали из палаток и образовали неровную шеренгу. Шура скомандовал:

– Смирна-а! На средину!

– Вольно, – вздохнула одна из девушек и, переглянувшись с подругой, вдруг швырнула в шеренгу перчаткой.

Перчатка была вратарская, фирменная. Ребята внимательно осмотрели ее, даже внутрь залезли. Там обнаружился сложенный вчетверо лист плотной бумаги, на нем жирным синим фломастером совсем недавно написали: «ВЫЗОВ».

Туристы нерешительно переглянулись.

– Это… что?

– Там же написано – вызов, – пояснила одна из девушек. – Мы вызываем вас на футбольный матч. Вполне официально.

Левaднюк хмыкнул – здесь собрался костяк сборной института.

– Так… Официальный вызов. Интересно.

– А матч дружественный или вражественный? – серьезно поинтересовался Князев.

– Дружественный, – заверили его. – Абсолютно.

Левaднюк переглянулся со своими.

– Ну что, славяне? Что мы ответим?

Генка нехотя буркнул:

– А вы в курсе, что в футбол играют ногами?

– Представьте, в курсе.

– А что такое мяч и как им пользоваться?

– А вот это уже не ваша забота.

– Нагло, – констатировал Генка. – Впрочем, посмотрим.

Бугунков картинно развел руки:

– Итак, джентльмены! Наш ответ ясен?

Все еще раз переглянулись.

– Вени! – выбросил вперед кулак с отогнутым большим пальцем Григорьев.

– Види! – вплотную возникли еще два кулака – Бугункова и Князева.

– Вици! – теперь кулаков стало шесть.

– Перчатку просьба вернуть, – вздохнули девушки, – она казенная.

– Джентльмены! – Князев поднял руку. – Мы не можем

отпустить дам, не напоив их предварительно чаем.

– Ну уж нет! – запротестовали девушки. – После матча. Мы вас ждем на поле через двадцать минут.

И они ушли.

С минуту все молчали. Потом Левaднюк протянул:

– Если мы проиграем, это будет жуть.

– Мы выиграем! – легкомысленно махнул рукой Григорьев. – Или ты думаешь, что эти крали всерьез что-то умеют?

– Думаю, да.

– А я думаю – нет.

Князев вздохнул:

– А какие девочки! Если их больше – вношу предложение передвинуть лагерь ближе к делу.

– Проще уж переманить их сюда, – буркнул Генка. – Пошли кеды напяливать, марадоны…

Через двадцать минут они ступили на поле. Девчонки ждали – их было восемь, все в одинаковых полосатых футболках.

– Ой! – зажмурился Князев. – Я в ужасе. Как с ними играть? Они же меня гипнотизируют!

– Андрюль! Возьми себя в дрожащие руки! – прошептал Шура. – Это они специально проводят психическую атаку, хотят сразить нас наповал.

Девушки были все как на подбор – стройные, длинноногие и симпатичные, словно не футбольная команда, а участницы конкурса красоты. Одна из тех, что приходили в лагерь, вышла вперед.

– Я капитан. Обсудим условия. Предлагаю два тайма по тридцать минут.

– Согласны, – поспешно заверил Левaднюк.

Девушка кивнула.

– Вас шестеро?

– Можете играть ввосьмером. Мы даем вам фору, – милостиво поклонился Валек.

– Зря, – пожала плечами девушка, – мы не из тех, кому дают фору. Лучше по-честному – шесть на шесть.

– Нет, мы настаиваем. Шесть на восемь.

– Как хотите… Хотя на вашем месте…

– Вопрос исчерпан! – авторитетно перебил Левaднюк. – Что еще?

Девчонки переглянулись.

– Самое главное: на что играем?

Шура облизнулся:

– На пирожки!

Генка мрачно изрек:

– Лучше уж на торты.

– Идет? – согласились девушки.

– Значит, с побежденных три торта!

– И сдача на милость победителя, – добавил Князев вкрадчиво.

– Согласны! – упрямо тряхнула копной волос капитан.

Договор скрепили рукопожатием, хотя Князев все норовил поцеловаться. Бугунков недовольно проворчал на ухо Вадику Яхничу:

– Тоже мне, игра – на торты…

– Ну, не на пиво же с ними играть? – отозвался тот.

Валек фыркнул – он предпочел бы пиво.

– А как вас зовут? – все не снимался Князев.

– А мы еще не проиграли! – задорно ответили девушки.

– Но ведь от судьбы не уйдешь, – веселился Андрей.

– Пока мы – команда «Джоконда».

– Ясно, – подытожил Левaднюк. – «Джоконде» – физкульт…

– Уря-а! – рявкнула команда, громче всех Шура, видимо вдохновленный тремя тортами.

– А вы кто? Что за команда? – хитро блеснула глазами капитан «Джоконды». Генка, исподлобья наблюдавший за всем этим, сымпровизировал:

– Суперклуб «Туши свет юнайтед»…

Девчонки немедленно выкрикнули высокими сильными голосами:

– Суперклубу «Туши свет юнайтед» – футбол-привет!

– Ну-с, начнем, – сказал Шура и стянул футболку.

«Туши свет» начали игру самоуверенно, и это сразу же вылезло боком: Яхнич на фланге потерял мяч, его подобрала одна из девушек, легко и изящно обвела сначала Князева, потом Левaднюка, отпасовала в центр, и здесь его спокойно вколотила в сетку капитан. Девчонки хлопнули друг другу в ладоши и деловито убежали к своим воротам.

Парни виновато переглянулись. Но поделать в первом тайме ничего не смогли. Девушки играли ничуть не хуже их, тонкие и своевременные передачи и филигранные розыгрыши кромсали оборону «Туши свет» в жалкие клочья. Через двадцать минут счет был уже девять-ноль. Туристы растерялись. И тут разозлился Генка – всерьез, что с ним бывало крайне редко.

– Мужики! Вы что? Кому проигрываем? Бабам? А ну, побыстрее и пожестче!

И мужики зашевелились. Забегали быстрее, стали азартно бороться за каждый мяч по всему полю, и девчонки перестали за ними успевать. Скоро гол забил Левaднюк, и это всех подбодрило.

Потом Шура Григорьев с углового ударил головой, и мяч по красивой пологой дуге скользнул в «девятку». Шура с воплем: «Аргентина!» помчался к центру, а девчонки глядели на него с неприкрытой завистью.

К перерыву они отыграли четыре мяча. Дело явно пошло на лад, не зря весь институт боялся этой шестерки.

В перерыве Генка сделал короткое внушение, угадав недостатки «Джоконды» – слабые удары и низковатую скорость. На этом решили и отыгрываться.

Во втором тайме они держали девушек подальше от своих ворот и часто проводили стремительные контратаки, вспарывая оборону соперниц.

Это был изнурительный матч.

За две минуты до конца Князев сравнял счет – 11:11. И девчонки, до этого державшиеся просто стоически, дрогнули. Генка выцарапал мяч у капитана и вышел один на один с вратарем. И ему заплели сзади ноги.

Девчонка виновато опустила глаза. Генка молча поставил мяч против ворот и отошел. В глазах его читался приговор.

И он пушечным «прямым подъемом» вколотил мяч в девятку.

Они выиграли – но какой ценой! Хотелось упасть и не двигаться. «Джоконда» выглядела очень огорченной. Но честно подошла в полном составе.

– Мы сдаемся… – напряженно улыбнулась капитан. – А зовут меня Катя.

– Я же говорил, от судьбы не уйдешь! – самодовольно напыжился Князев.

Через час девушки разбили лагерь рядом с когортой Левaднюка. Вернее, разбивали ребята, а «Джоконда» им помогала. Все уже успели перезнакомиться. Девушки тоже приехали ив Киева. Из института физкультуры. И так же, как и парни, использовали последние дни лета.

Кто-то умчался на велосипедах в город, за тортами и не только, остальные купались и загорали на узком пляжике. Предстояла еще целая вечность – почти две недели отдыха.

3.

Две недели в стихийно возникшем под Евпаторией молодежном лагере стали лучшими днями в Женькиной жизни. Даже Вилька присмирел здесь и стал не таким колючим. Множество знакомств, бесконечные футбольные и волейбольные матчи, как правило – упорные и кровопролитные, танцы под

магнитофон вечерами, головоломные трюки двух ребят-велобрейкеров, трио струнников (гитара, двенадцатиструнка и банджо) из Харькова с феноменальным репертуаром и парень-йог из Москвы.

Их собралось человек пятьдесят, почти все – студенты. Женя отдалась этой жизни вся. Вилька сперва робел, но вскоре попривык и тоже перестал отличаться от пестрой разноголосой компании. Здесь все были равны – все, любой, кем бы он ни являлся. Каждый умел что-то, чего не умели другие. Женька вновь почувствовала себя человеком, забыв о свинцово-тяжелом слове «нелюдь» и месяцах одиночества.

Вилька и вовсе выглядел ошарашенным. Он столкнулся с этим впервые.

Но всему в мире приходит конец. Нагрянул сентябрь, приблизилась пора учебы, и студенты со вздохами и проклятиями стали растекаться по институтам. Лагерь начал пустеть.

Женя и Вилька ни разу за это время не вспоминали тот разговор на острове. А когда лето закончилось, они боялись взглянуть друг другу в глаза, понимая, что вновь остаются одни, хоть теперь их и стало двое.

А лагерь сворачивался на глазах. Женя с Вилькой сидели у воды – местным уезжать не надо. Здесь и нашел их «директор» – Олег Леваднюк.

– Ага! Аборигены. Вас-то я и ищу. Живо свои координаты, – потребовал он, вытаскивая подаренный Катей-капитаном китайский блокнот.

– Что? – не понял Вилька.

– Адрес, адрес давай, дорогуша.

– Зачем? – удивился тот.

– Как это – зачем? – опешил Олег. – Вместе жили? Вместе в футбол гоняли? А кто нам в плавании первое место ушатал? Москвичей на место поставил? Может, я?

– Я, – прошептал Вилька. Он покусал губы и тихо сказал: – Олег… я хотел сказать… Вы не знаете, что я…

– Что не знаем? Что тебе акваланг нужен, как черепахе буденовка? Или я не заметил Жениных глаз? А этот хитрый медальон из совершенно дикого сплава? Или, думаешь, я не видел, как она порезала на кухне руку и полчаса тебя искала, чтобы перевязать, хотя вокруг сновала уйма народу? Или вы думаете, что кто-то считает, будто Женина медь чем-то хуже моего железа?

Вилька был сражен. Женя испуганно смотрела на Олега.

– Помнишь, Женя, наш разговор на берегу?

– Помню, – прошептала девушка, и глаза ее засверкали.

– А ты, Вилька? Забыл, как учил меня и других своему подводному стилю? И ты считаешь, что я не захочу пожать тебе руку? Чудак человек! Зачем мне его адрес! Меня, если хочешь знать, вся киевская делегация уполномочила засвидетельствовать вам, так сказать, наше почтение.

Олег немного разозлился. А Вилька только глазами захлопал.

– Ну, ну, – хлопнул его по плечу «директор», – будь мужчиной. И желательно самим собой.

Женя пошевелила губами и тихо спросила:

– И мне тоже быть?

Олег кивнул.

Вилька угрюмо сказал:

– Это что, средство от одиночества?

Олег засмеялся:

– Эх ты, простота! Какое еще средство? – он улыбнулся. Женя ответила улыбкой, а Вилька так и остался серьезным. – Это же не насморк. Да и нет от одиночества никакого средства. Вернее, есть, но у каждого оно свое. Единственное.

Олег замолчал. Потом встрепенулся.

– Да что я вам морали читаю, в самом-то деле…

– Все! – решительно отрезал Вилька неожиданно для остальных. – Все! На следующий год еду поступать в ваш институт. Правильно, Женя?

– Правильно! – отозвалась симпатичная девушка в макси-майке.

– Все, Олежка! Пиши мой адрес!

© 1987

Багир